

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

институт научной информации
по общественным наукам

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

1 - 06

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
НАУКА
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2006**

УДК [330:37]"714"(470+571)(05)

ББК (65.9+74.58)(2Р)я5

Э401

Серия

«Россия: экономика, политика, общество»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия серии:

B.A. Виноградов – академик, председатель; Н.А. Макашева – д-р экон. наук, зам. председателя; В.С. Автономов – чл.-корр. РАН; И.Е. Дискин – д-р экон. наук (ИСЭПН РАН); В.Е. Маневич – д-р экон. наук (ИПР РАН); Н.Л. Полякова – канд. филос. наук (МГУ).

Ответственный редактор и составитель выпуска –

Н.А. Макашева – д-р экон. наук

Технический редактор – *О.Н. Пряжникова*

Э 40 **Экономическая наука и экономическое образование в переходный период: Сб. научн. трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Отв. ред и сост. вып. Н.А. Макашева. М., 2006. – 156 с. – (Россия: экономика, политика, общество) / Редкол. сер. Виноградов В.А. (председатель) и др. ISSN .....; 2006, №1).**

Сборник посвящен изменениям, произошедшим в отечественной экономической науке и экономическом образовании в ходе социально-экономической трансформации в конце 1980-х – 1990-х годах. Процессы, происходившие в отечественной экономической науке, рассматриваются с историко-методологических и отчасти институциональных позиций. При рассмотрении сдвигов в образовании внимание сосредоточено на изменениях в содержании курсов прежде всего в области экономической теории и дискуссии относительно содержания базовых учебников, а также на процессах в системе высшего экономического образования в целом, включая качество образования и потребности в экономистах.

This issue highlights major shifts in Russian economic science and economic education during the social and economic transformation in the late 1980's – 1990's. Processes in economic science are under consideration from historical, methodological and to some extent institutional points of view. Concerning economic education we focus on advances in the scope of economic theory courses and discussions on the content of basic textbooks, as well as on the processes in higher economic education in general, and its quality in particular.

ББК (65.9+74.58)(2Р)я5

© ИНИОН РАН, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Н.А. Макашева.</i> Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): Революция и рост научного знания.	12
<i>Й. Цвайнерт.</i> Экономические идеи и институциональные изменения: На материалах экономических дискуссий в СССР в 1987–1991 гг....	33
<i>И.Г. Минервин.</i> Экономическая наука в странах Центральной и Восточной Европы. (Реферативный обзор).	63
<i>И.Ю. Жилина.</i> Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформирования высшего образования.....	72
<i>Л.А. Зубченко.</i> Содержание и структура учебников по экономической теории: Дискуссии продолжаются	99
<i>С.Н. Куликова.</i> Экономическое образование: Проблемы качества и адекватности потребностям экономики. (Рефетивный обзор).....	117
<i>Г.В. Семеко.</i> Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005).....	129
<i>В.И. Шабаева.</i> К вопросу об интеграции науки и образования.	148

Введение

Предлагаемый выпуск серийного издания «Экономические и социальные проблемы современной России» посвящен изменениям, произошедшим в отечественной экономической науке и экономическом образовании в ходе социально-экономической трансформации в конце 1980-х – 1990-х годах и отчасти их состоянию и процессам, происходящим в настоящее время. Авторы издания вполне отдают себе отчет в том, что такая обширная проблематика не может быть сколько-нибудь обстоятельно отражена в столь небольшом по объему издании, и рассматривают его как первое приближение к цели.

Сборник делится на две пересекающиеся в содержательном плане части. В первой части представлены работы, посвященные трансформации российской экономической науки, начавшейся в годы перестройки и в известной степени не завершенной до сих пор. При этом процессы, происходившие в отечественной экономической науке, рассматриваются с историко-методологических и отчасти институциональных позиций. Вторая часть посвящена проблемам образования, предлагается рассмотреть изменения, затронувшие содержание курсов прежде всего в области экономической теории, и дискуссии относительно содержания базовых учебников, а также процессы в системе высшего экономического образования в целом, включая качество образования и потребности в экономистах.

Об остроте и актуальности проблемы свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему, которые, как правило, сочетают попытки объективного анализа того, что было, и того, что стало, и некоторую нормативную компоненту, обращенную как на прошлое, так и настоящее и будущее. И это естественно, поскольку процессы трансформации в этих областях еще не завершены, и исследователи понимают, насколько важны эти области для будущего страны. Кроме того, каждый пишущий на

эти темы в то же время является и является участником исследуемых процессов и привносит собственный опыт.

При всем разнообразии и противоречивости точек зрения и оценок ясно, что отечественная экономическая наука и образование прошли через глубокий кризис, явившийся частью общего трансформационного кризиса 80–90-х годов. Второй раз в XX в. обе эти системы испытали шок, вызванный прежде всего внешними или по терминологии К. Поппера вненаучными факторами, но именно это обстоятельство и определило масштабы перемен, и в частности, изменение содержательной стороны как науки, так и образования, разрушение самого научного сообщества, институциональной структуры науки и образования.

После долгого пребывания в условиях изоляции (что означало не только подчинение идеологическому диктату, но и существование вне конкурентной среды мировой экономической науки), приведшего к формированию особой дисциплины – марксистской политической экономии, и соответственным образом ориентированной системы теоретического экономического образования, и наука, и образование оказались перед лицом очень сложной проблемы – поиска новых основ, определения новых ориентиров развития, формирования новых институциональных структур, наконец, интеграции в мировые научный и учебный процессы. Для быстрого решения этой задачи имеющихся ресурсов (не только финансовых, но и интеллектуальных) было явно недостаточно. Специфика и сложность ситуации состояли в том, что направление и характер преобразований определялись в рамках самой науки и самими экономистами, сформировавшимися как ученые в прошлые, советские годы. Во многом аналогично дело обстояло и в системе образования. Прошлое неизбежно оказывало воздействие на процесс изменений, не зависимо от того, с какой степенью критики к нему относились. Политически и идеологически советский период и господство марксистской политэкономии закончились, но «привычный образ мышления» сохранился.

Марксистская политэкономия была не просто одной из парадигм, а господствующим мировоззрением экономистов, определяющим язык науки, проблемные области, критерии истинности и правила ведения дискуссии, способы взаимодействия ученых и т.д., причем все это не противоречит тому, что могли (в разные периоды в разной степени) существовать различные точки зрения по отдельным вопросам, не касающимся концептуальных основ. В силу всего этого отказ от марксистской парадигмы привел к разрушению концептуального каркаса науки и само-

го научного сообщества, что придало особую остроту вопросу о будущем отечественной науки.

Конечно, отказ от марксистской идеологии сделал возможным преодоление марксизма в области экономической науки. Однако, во-первых, связь между идеологией и экономической наукой вообще (не только марксистской) очень сложна и запутана, а во-вторых, даже потерпев поражение, идеология не исчезает полностью, а подобно зеркалу Снежной королевы разлетается на куски, которые попадают нам в глаза. И в этом проявляется сходство между идеологией и экономической наукой. В последней, как известно, практически не бывает, чтобы теория (парадигма) умерла, не оставив потомства, пусть и не такого цельного и значимого, как исходная.

Крушение советской экономической науки началось в конце 80-х годов, когда вместе с критикой социализма был поставлен вопрос об адекватности марксистской политэкономии и она была признана ложной, причем сначала в авангарде критики шла публицистика, профессиональное сообщество с некоторым запозданием признало необходимость отказа от марксистской политэкономии и перехода к новой парадигме. Это произошло к началу 1993 г.¹, и встал вопрос об определении ее контуров.

Сначала, отчасти под влиянием волны реабилитаций и открытий неизвестных страниц истории отечественной науки, взоры обратились к прошлому, как к советскому, так и к дореволюционному. Однако уже скоро выяснилось, что восстановление традиции, прерванной революцией 1917 г., невозможно. Любая наука – это не только совокупность знаний, но и школы, традиции (в том числе общения, передачи знания, ведения дискуссий, способов убеждения и т.д.), и перерыв в несколько десятилетий здесь фатален. Кроме того, сама экономическая наука, как и ее предмет, за шесть–семь десятилетий настолько изменились, что знание, накопленное, скажем, к середине 20-х годов, сегодня представляет интерес скорее исторический, чем теоретический или практический. В результате вопрос свелся к следующему: выбрать из существующих сегодня парадигм или пытаться создать нечто особенное?

Достаточно быстро здесь определились два подхода. С одной стороны, предлагалось за основу принять то, что условно можно назвать

---

¹ Этому важному периоду, ознаменовавшему завершение эпохи советской экономической науки, посвящена работа Й. Цвайнера (см. с. 33–62 настоящего издания). В ней автор, основываясь на анализе публикаций в ведущих экономических журналах и публикаций на экономические темы в широкой печати, предлагает пейзаж «интеллектуальной битвы».

либеральной идеологией, и соответствующую экономическую парадигму и, как следствие, – стратегию «догоняющего развития» экономической науки, предполагающую скорейшее освоение западной экономической теории со всеми вытекающими из подобной стратегии проблемами и издержками (впрочем, далеко не сразу в полной мере осознанными). При этом ясного представления ни о связи современной экономической теории с либеральной доктриной, ни о возможностях подобного освоения, ни о том, что представляет собой современная западная экономическая наука и что такое экономическая теория в современном понимании, не было даже у сторонников этой стратегии. Крайним проявлением подобного подхода было некритическое восприятие *mainstream economics* в ее учебном варианте как воплощения западной экономической мудрости, а также (и это особенно проявилось в первые перестроочные годы) агрессивное отстаивание либеральных ценностей и якобы неразрывно с ними связанных экономических теорий.

С другой стороны, обозначилось стремление к созданию альтернативы марксизму, и либерализму, которое подкреплялось неприятием духовной экспансии извне, протестом против идеологически окрашенной и поверхностной критики марксизма, жестокой решительности первых реформаторов и т.д. В своих крайних формах это направление привело к тому, что, с одной стороны, стала разрушаться граница между научным и ненаучным знанием, а экономическая проблематика – растворяться в философии, этике, религии, а с другой стороны, наметилось стремление расширить границы предмета экономической теории вплоть до включения в нее экономики отраслей, социальной проблематики и т.д., т.е. получения некоторой смеси из марксизма, здравого смысла и основ *economics*¹.

Противостояние этих двух тенденций, которое, как правило, выходило и выходит за рамки научного дискурса, отражало различные мировоззренческие позиции, политические пристрастия, наконец, групповые интересы. Это противостояние, как эхо старых споров между славянофилами и западниками, между «западничеством» и «мессианством»², в значительной степени до сих пор определяет расстановку сил в отечественной науке и подобно этому старому спору ведет к растрате ограниченных

---

¹ О дискуссии по вопросу содержания и структуры учебников экономической теории см. «Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформы образования» на с. 72–98 настоящего издания.

² May B. История советской экономической науки: подведение итогов // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 1. – С.31.

интеллектуальных и материальных ресурсов, но заметим, в отличие от последнего часто напоминает процесс, известный в экономической теории как «поиск ренты».

Подобное противостояние не представляет собой уникального российского явления. Оно, хотя и в несколько иной форме, наблюдается и в других бывших социалистических странах. Как можно видеть из работ, представленных в настоящем издании¹, происходившие в России и в этих странах процессы были во многом схожими, хотя и не тождественными. Во всех постсоциалистических странах имело место противостояние между экономистами, принадлежащими к разным поколениям, хотя не всегда позицию того или иного экономиста определял его возраст. Представители старшего поколения протестовали против засилия *экономикс* прежде всего из идеологических и этических соображений, а также из-за жестокой решимости реформаторов и переносили на *экономикс* вину за негативные результаты политики реформ. Молодые экономисты были более восприимчивы к новым веяниям, однако их собственные знания западной экономической теории были, как правило, крайне недостаточными. Здесь ситуация в большой степени зависела от степени «открытости» страны в социалистический период.

В более открытых странах, например в Польше и Венгрии, людей, хорошо знакомых с западной теорией, было больше, в остальных – меньше. Россия была достаточно закрыта от проникновения западной экономической науки, некоторыми знания в этой области обладали прежде всего те, кто занимался критикой буржуазной политэкономии, зарубежной экономикой и отчасти экономико-математической проблематикой. Именно они стали первыми переводчиками западных учебников, преподавателями экономической теории, а также инициаторами реформ. Но и от этих людей трудно было ожидать глубоких знаний экономической теории, которую практически никто не изучал систематически, в противном случае вряд ли бы возможной исключительная популярность Дж. Сакса или другие подобные проявления наивного энтузиазма.

Экономическая наука во всех постсоциалистических странах прошла сходные этапы: критики, открытия и увлеченности Западом, разочарования (в том числе и в связи с оценкой экономистами своего места на

---

¹ См. предлагаемые в настоящем издании работы: «Экономическая наука в странах Центральной и Восточной Европы» и «Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформирования высшего образования», «Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х–1990-е годы): Революция и рост научного знания».

международном рынке экономических идей, роли, которую они играли в совместных исследованиях, и перспектив последних); наконец, стала определяться «компромиссная» (в том числе и с точки зрения различных групп экономистов) область исследования, где в силу ряда обстоятельств у представителей этих стран сохранились некоторые исследовательские перспективы.

Ситуация в России аналогична, но в отличие от других бывших социалистических стран здесь у экономической науки было больше возможностей как для сохранения старых институциональных и организационных структур и создания новых, так и амбиций (основанных в том числе и на более значительных достижениях науки в досоветском периоде по сравнению с тем, о чем могли вспомнить экономисты почти всех этих стран). Примечательно, например, что если по отделению экономики РАН в конце 80-х – 90-е годы фактически не только не было ликвидировано ни одного экономического института, но было создано больше десяти, так или иначе связанных с экономической проблематикой¹, в других бывших соцстранах практически все подобные институты были либо ликвидированы, либо сокращены до минимума, часто вместе с академиями; более того, фактически это означало отказ от претензий на собственные разработки в области теории.

После 1993 г., когда кризис экономической науки в России был зафиксирован и была признана необходимость новой парадигмы, начались активное осмысление ее возможных контуров и элементов. Активизировался процесс освоения западной экономической теории и начали предприниматься попытки применения ее инструментария при анализе переходных процессов в России². В то же время экономическое образование, будучи более консервативной структурой, чем наука, тем не менее попыталось сделать «прыжок» от одной экономической культуры к другой. В этот период началось почти параллельное освоение преподавателями и студентами переводных западных стандартных учебников *economics*³; стали появляться курсы с новыми названиями, разрабатываться

¹ По данным, приведенным в: Российской академия наук. 1991–2001 – М., 2002.

² Эти процессы нашли свое отражение, например, в содержании и структуре ведущих экономических журналов: в их рубриках появляются «микро-» и «макроэкономика», «институциональные изменения», наконец, теоретические работы авторитетных западных ученых; журналы начинают публиковать главы учебных пособий.

³ Среди первых переводов следует назвать: Хейли П. Экономический образ мышления. – М., 1991 (книга издана при участии издательства «Catallaxy», ставшего рупором идей либерализма в духе Ф. Хайека и Л. Мизеса); Макконнелл К., Брю С. Экономикс. – М., 1992; Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М., 1993)

новые программы. При этом в чистом виде неоклассический мейнстрим даже на вводном уровне преподавался редко, чаще в курсе, именуемом «экономическая теория», студентам предлагалась смесь неоклассики и марксизма. Заметим, что и сегодня нельзя утверждать, что эта традиция полностью изжита. И все это происходило на фоне борьбы вузов за выживание, с одной стороны, и возросших потребностей в специалистах экономических специальностей – с другой¹.

Во второй половине 90-х годов появляются отечественные версии курсов по экономической теории, переводы, а несколько позже – и собственные версии учебников, посвященных отдельным разделам экономической теории: теории общественного выбора, институциональной экономике, экономике развития, аграрной экономике и т.д.; происходит утверждение новых стандартов экономического образования, осуществляются институциональные изменения в системе высшего образования в целом. Экономические вузы и факультеты находились в авангарде этих преобразований. Устойчивый рост спроса на экономическое образование на протяжении последних 15 лет не только позволил экономическим вузам выжить, но и привел к росту масштабов экономического образования. Будучи положительным явлением, этот процесс породил и большие проблемы, связанные прежде всего с качеством экономического образования².

Сегодня этой проблемой озабочены как представители бизнеса, так и специалисты в области образования, преподаватели, работники государственных органов. Однако, несмотря на растущее осознание этой проблемы и прилагаемые усилия, ее решение затруднено в силу ряда причин, и не в последнюю очередь – сложившейся за последние годы институциональной структурой рынка образовательных услуг в целом и сектора экономического образования в частности.

Определенные надежды как на повышение качества образования, так и на активизацию академических исследований возлагаются на установление более тесных связей между образованием и наукой. Однако, кроме общих для других дисциплин проблем, в экономической области возникают и специфические, определенные состоянием самой экономической науки, особенно ее теоретической составляющей, отдельные ас-

---

¹ Подробнее о динамике спроса и предложения на рынке экономического образования см.: «Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005 гг.)» на с. 131–149 настоящего издания.

² См.: «Экономическое образование: проблемы качества и адекватности потребностям экономики» на с. 117–128 настоящего издания.

пекты которых обсуждаются на страницах данного издания. Состояние и уровень экономической науки и экономического образования будут скорее всего изменяться взаимосвязанным образом, причем нет основания надеяться, что недостатки одной будут нивелироваться достижениями другого.

Для российской науки по-прежнему актуальными остаются проблемы взаимодействия с мировой наукой, с одной стороны, и поиск «внутреннего консенсуса» – с другой, а для экономистов – освоение основного корпуса мировой экономической науки, вхождение в международные научные сообщества, интеграция в международные исследовательские структуры и т.д. и в то же время формирование национального научного сообщества. Это потребует значительного времени и усилий, но, как показывает история отечественной экономической науки в XX в., автаркия не совместима с процессом роста научного знания.

H.M. Макашева

Н.А. Макашева

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ
В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ (КОНЕЦ 1980-х – 1990-е ГОДЫ):
РЕВОЛЮЦИЯ И РОСТ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

Изменения в российской науке в конце 1980-х – 1990-е годы столь глубоки и быстротечны, что позволяют нам употребить термин «революция». Второй раз в XX в. экономическая наука испытала шок, вызванный социально-политическими потрясениями, повлекший за собой разрыв с предшествующей традицией развития науки и роста экономического знания. Этот сложный процесс может быть рассмотрен с разных точек зрения и в разных аспектах: с точки зрения изменения предметной области исследований, изменений, произошедших в научном сообществе, роли экономической науки и экономического знания в обществе и роли экономистов в принятии политических решений и т.д. Разумеется, столь обширная программа не может быть поставлена в рамках одной небольшой работы, поэтому, считая последнюю попыткой предварительного анализа, автор сосредоточивается на рассмотрении произошедших в российской экономической науке изменений с точки зрения процесса роста научного знания и исходит из признаваемого в современной методологии экономической науки положения о том, что этот процесс связан с развитием научной дисциплины как специфической области профессиональной деятельности.

Любая наука развивается в обществе и не может не испытывать воздействия со стороны так называемых внетактических (по терминологии К. Поппера) факторов, причем это воздействие может затрагивать – хотя для разных наук в разной степени – и процесс роста научного знания. Но если для естественных наук влияние этих факторов проявляется прежде всего в обстоятельствах организационного и материального характера, то для общественных наук, в которых влияние идеологии и политики несравненно более сильное, оно распространяется и на область эпистемологии.

Что касается экономической науки, то ее положение в этом отношении, пожалуй, наиболее сложное. И это связано с той ролью, которую сегодня играют экономическое знание и экономическая наука в жизни общества.

Несколько десятилетий назад Л. Мизес объяснял особое место экономической науки среди других общественных дисциплин ее политической и практической значимостью в эпоху, которую ученый назвал эпохой «интервенционизма»¹. Именно в эту эпоху, начало которой принято относить к последним десятилетиям XIX в., произошла окончательная профессионализация экономической науки, стала формироваться современная система производства экономического знания, начали складываться современные механизмы взаимодействия науки и политики и т.д.² Сегодня уже ушла в прошлое методологическая схема, четко разграничивавшая чистую науку, или теорию, выясняющую объективные закономерности, политику как выбор цели и искусство как процедуру достижения целей. Признается, что не только постановка проблем и предлагаемые решения являются политически обусловленными³, но и то, что политика и идеология воздействуют на науку, ее предметную область и метод исследования⁴ и, что не менее важно, в определенной степени формируют научное сообщество, которое направляет процесс производства экономического знания и его рост. С этой точки зрения к экономической науке уже давно можно было бы применить определение «постнормальная»⁵, недавно примененное к естественной науке с целью подчеркнуть, что в наше время развитие естественных наук и рост научного знания в

¹ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М., 2000. – С. 809–825.

² Следует заметить, что вопрос о связи науки и политики сегодня активно обсуждается и применительно к естественным наукам, более того, в качестве важнейшей черты современной науки называется «диффузия дискурсов науки, общества, политики» (см., напр.: Еременко Д.В. Мудрец на Агоре // Российская наука и СМИ. / Под ред. Ю.Ю. Черного, К.Н. Костюковой. – М., 2004. – С. 331).

³ Мизес, например, писал, что этот выбор опирается на поддержку или одобрение общественного мнения (Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М., 2000. – С.810).

⁴ По мнению У. Сэмюэлса, «идеология предлагает вопросы и гипотезы для изучения, служит как система фильтров, регулирующая формирование и эволюцию идей и направление мысли, и ориентирует сам процесс исследования» (Сэмюэлс У. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль / Под ред. Вайнтрауба С. – М., 1981. – С. 667).

⁵ См., напр: Вайнгарт П. Момент истины для науки // Российская наука и СМИ / Под ред. Ю.Ю. Черного, К.Н. Костюковой. – М., 2004. – С. 318–327.

соответствующих областях испытывают влияние политических и институциональных факторов¹.

Особенно ярко воздействие этих факторов на экономическую науку и на процесс роста экономического знания проявляется в периоды радикальных социальных и политических сдвигов. Изменения в экономической науке, которые были инициированы социальными революциями, произошедшие в России в конце 1910-х – начале 1920-х годов и в конце 1980-х – 1990-е годы, являются уникальными, и в то же время в них в предельной форме проявились некоторые черты современной экономической науки. И в осознании необходимости рассмотрения процесса роста экономического знания в более широком контексте состоит методологическое значение этих событий.

При исследовании процесса роста экономического знания принято обращаться к какой-либо из существующих моделей. В настоящее время их несколько: постпозитивистские модели Т. Куна (предполагавшего скорее монопарадигмальную схему роста знания и однонаправленное движение в сторону объективной истины) и И. Лакатоша (выдвинувшего принцип сосуществования в одной дисциплине нескольких исследовательских программ, обоснованно претендующих на истинность)²; методологические конструкции, возникшие под влиянием постмодернистских тенденций (отчасти развивающие идеи уже присутствующие, но не гла-венствующие у Куна и Лакатоша), признающие в качестве значимых для процесса роста научного знания обстоятельств, которые в рамках позитивизма и постпозитивизма были бы отнесены к внеученным и которые связаны с процессами, происходящими в науке как специфической деятельности, испытывающей воздействие со стороны других видов деятельности и общественных сил. Привлекательность последней традиции, отчасти, разумеется, питающейся концепцией методологического плюрализма П. Фейерабенда, несмотря на ее некоторую расплывчатость, связана с тем, что в центре внимания может оказаться не только вопрос о том, почему одна парадигма сменяется другой или одна исследовательская про-

¹ Понятие «постнормальная наука» – это по существу вызов модели Куна именно в той области, к которой и была прежде всего обращена его теория, т.е. к области естественных наук.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003.

грамма выдвигается на передний план, а другие отступают, но и вопрос о том, как это происходит, т.е. каким образом устанавливается канон¹.

Развитие отечественной экономической науки в течение большей части XX в. на первый взгляд выглядит как соответствующее монопарадигмальной схеме Куна в ее самой простой трактовке: в 1920-е годы произошел революционный сдвиг, результатом которого стало установление господства одной парадигмы – марксистской политэкономии; развитие экономических исследований в течение нескольких десятилетий происходило в рамках этой парадигмы, что дает основание говорить о нормальной науке в куновском смысле. Но здесь сразу же обнаруживается (выраженная в крайней форме) специфическая черта экономической науки: ее связанность с политическими, идеологическими и другими «вненаучными» обстоятельствами. В данном случае речь идет о том, что абсолютная победа одной парадигмы была достигнута не в результате только выбора научного сообщества, а прежде всего в силу установления определенного идеологического и политического режима. Далее, полагаю, что отечественная экономическая наука дореволюционного периода могла быть отнесена к науке допарадигмального периода, или незрелой науке, а следовательно, в 1920-е годы совершился переход не только к другой парадигме, но и к «постпарадигмальному» периоду, или «периоду зрелости». Но этот переход был не результатом «перетасовки» существовавших или вновь появившихся элементов, а следствием изменения научного сообщества, вызванного политическими факторами, что означает и несколько иной смысл этих понятий.

Зависимость между парадигмой и научным сообществом Кун обсуждал в «Дополнении 1969 года» к «Структуре научных революций», где он стремился, в частности, отойти от логического круга при определении этих двух понятий. «И нормальная наука, и научные революции являются тем не менее видами деятельности, основанными на существо-

¹ Не случайно сегодня предпринимаются попытки предложить модели подобных процессов. Одна из таких моделей предложена в рамках эволюционного подхода и использует инструментарий теории популяционной динамики, и в частности, понятий популяционного отбора и зависимости от прошлого пути развития. Ключевыми моментами в ней являются, во-первых, то, что по мере увеличения числа ученых, принимающих новую теорию, ее популярность увеличивается благодаря позитивным обратным эффектам, а во-вторых, что может возникнуть ситуация, когда выбор теории (т.е. решение научного сообщества) определяется случайными (в рамках принятой модели) историческими обстоятельствами (Jolink A., Vroman J.J. Path dependence in scientific evolution // Evolution and path dependence in economic ideas. Past and present / Ed. by P. Garrouste, M. Ioannides. – Cheltenham, 2001. – P. 204–224).

вании сообществ... В первую очередь парадигма управляет не областью исследования, а группой исследователей»¹. С этой точки зрения быстрые и радикальные изменения в российской экономической науке в 1920-е годы можно отнести к революции, но революции особого типа.

При всей революционной быстроте, указанный процесс не был мгновенным. В течение некоторого времени политэкономический вариант марксизма сосуществовал с экономическими концепциями, имевшими иные основания. Эта готовность к сосуществованию со стороны политической власти основывалась на необходимости решать текущие вопросы, а также на представлении о науке как важном инструменте решения социально-экономических проблем. Что же касается немарксистов, то многие из них, воспитанные в традициях позитивизма, верили в науку как источник объективного знания и в ее способность предложить решение глобальных социально-экономических проблем. Они также полагали, что задача строительства социализма как крупнейший социальный и экономический проект потребует нового экономического знания, будет стимулировать развитие экономической науки, а полученные знания будут востребованы. Полагаю, что этими обстоятельствами в значительной степени объясняется подъем в российской науке в 20-е годы², хотя, разумеется, он вряд ли бы состоялся, если бы не был накоплен и отчасти сохранился интеллектуальный потенциал, созданный в дореволюционный период.

Однако подобное мирное сосуществование различных научных систем было недолгим: политэкономия сместилась из области позитивного анализа в область идеологии, поиск нового знания как цель науки сменила установка на сохранение и трактовку имеющегося знания, воплощенного в трудах классиков марксизма. Постепенно изменился и критерий истинности знания, последнее стало оцениваться с точки зрения соответствия марксистским канонам; иными словами, осуществился переход от корреспондентского критерия, установившегося в науке в Новое время, к средневековому – когерентному³. Соответственно и целью политэко-

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. – С.231.

² Этот подъем, который мы связываем с именами Н. Кондратьева, А. Чаянова, А. Фельдмана, Л. Юровского, Е. Слуцкого, А. Конюса и др., и исследованиями в области межотраслевого баланса, конъюнктуры, денег и т.д., происходил одновременно и взаимосвязан с начальным периодом формирования институциональной структуры советской науки и ее системы взаимоотношений с политикой – создавались исследовательские центры (прежде всего при различных наркоматах), ориентированные на получение результатов, важных для принятия практических решений.

³ Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб., 2001.

номической науки стало не приращение знания, а систематизация и интерпретация неких текстов.

Но с точки зрения долгосрочных перспектив развития экономической науки важно было не только и даже не столько то, что марксистская политэкономия стала доминировать, а то, что в таких условиях была подавлена критическая традиция как способ существования научного сообщества и неотъемлемая черта процесса роста научного знания. Но именно последняя, согласно Попперу, является единственной силой, позволяющей науке оставаться в области научного, объективного знания. В «Логике социальных наук» Поппер связывает само понятие объективности знания с состоянием научного сообщества. «Совершенно неверно считать, что объективность науки зависит от объективности ученого. И совершенно неверно считать, что позиция представителя естественных наук более объективна, чем позиция представителя общественных наук... То, что можно назвать научной объективностью, основывается исключительно на той *критической* (курсив Поппера. – *H.M.*) традиции, которая, невзирая на всякого рода сопротивление, так часто позволяет критиковать господствующую догму. Иными словами, научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества. По этой причине она зависит от части от ряда социальных и политических обстоятельств, делающих такую критику возможной» (курсив автора. – *H.M.*)¹.

Разумеется, идеологический диктат является одним из тех обстоятельств, которые делают эту критическую традицию невозможной. Но опасность существует не только вне научного сообщества – в виде политического или идеологического диктата, но и там, где подобная опасность минимальна. Ослабление критической традиции может происходить из особенностей структуры научного сообщества, от научных школ²,

¹ Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / Под ред. Садовского В.Н. – М., 2000. – С. 305.

² Шумпетер одним из первых указал на связь процесса роста научного знания и структуры научного сообщества и не только признал неоднородность последнего, но предупредил об опасности, с этим связанной. Он писал, что научные школы являются «социологическими реалиями – живыми организмами. Они имеют свою структуру... свои флаги, свои боевые кличи, свои человеческие интересы... Все это дает простор для борьбы личных тщеславий, интересов и склонностей, которые могут, как это бывает в национальной и международной политике, затмить и вытеснить любые реальные проблемы» (Шумпетер Й. История экономического анализа. – СПб., 2001. – Т.3. – С. 1074–1075).

его составляющих¹, и может произойти то, о чем предупреждал Алле: «Господствующие идеи, какими бы ошибочными они ни были, при простом и неустанном повторении приобретают в конце концов характер установленных истин, которые нельзя поставить под сомнение, не подвергаясь ostrакизму со стороны «“истеблишмента...”»². Нетрудно понять, почему сохранение или тем более воссоздание критической традиции представляет такую сложную задачу.

Конечно, в рамках советской марксистской политэкономии существовали различные позиции и даже теоретические школы³. Не исключено также, что критический взгляд сохранялся как внутренняя оппозиция у тех экономистов, которые становились марксистами поневоле; более того, и в годы политического диктата были получены некоторые значительные результаты⁴, при этом, они, как правило, или относятся к экономико-математической области и/или были получены в относительно «свободные» периоды. Однако реальная жизнь научного сообщества давала жесткие рамки и исключала возможность отклонения от устоявшихся правил, например, использования ссылок на марксистские автори-

¹ По мнению М. Алле, «всякий реальный прогресс науки наталкивается натиранию господствующих идей и “истеблишмента”, продуктом которого они являются. Чем более распространены господствующие идеи, тем более укоренены они в человеческой психологии, тем труднее заставить признать ту или иную новую концепцию, какой бы плодотворной она ни оказалась в последующем... Именно это сопротивление новым идеям и объясняет тот факт, что в области экономической науки потребовалось столько времени, чтобы стали известны фундаментальные открытия Дьютона, Вальраса, Эджкуорта, Парето и многих других... В науке воздействие “истеблишмента” и группы давления часто осуществляется скрыто, иногда даже по мотивам совершенно внетактического характера. В последние годы развиваются опасные тенденции к политизации науки и научной деятельности на базе идеологических концепций самых различных направлений... критериями истинности теории становится ее соответствие не данным наблюдения, а утвердившимся интересам и господствующим идеологиям» (Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. – М., 1994, № 4. – С.15–16).

² Алле М. Там же.

³ В.М. Кудров в своей недавней статье указывает на две школы в послевоенном периоде: теоретическую политэкономии социализма и связанную с СОФЕ. Более того, он упоминает и о «рыночной» традиции, проявившейся в косыгинский период (Кудров В.М. Метаморфозы отечественной экономической науки: до и после перестройки // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 5. – С. 25–26.

⁴ Достаточно вспомнить работы Е. Слуцкого и Л.Канторовича и экономико-математическое направление в целом, но и в более идеологически нагруженных областях были интересные исследования – например, послевоенные работы Л. Мендельсона по циклам, содержащие богатый фактический материал, или анализ субъективной школы, данный И. Блюминым еще в конце 20-х годов.

теты как способа аргументации в научных спорах¹. В итоге не только существовала одна парадигма, которая не допускала конкурентов (стремление к господству характерно для любой парадигмы, и любая парадигма использует для этого не только средства научного убеждения), но сложилась особая научная культура, подкрепленная соответствующими институциональными структурами, включая систему образования, принятые способы оценивания персональных успехов, иерархии достижений и т.д.² Все это определило особый тип советской экономической науки и как следствие разрыв с мировой экономической наукой. И проблема не только и не столько в том, что наши экономисты не знали многоного из накопленного западной наукой за почти весь XX в., хотя это и очень существенно, но и в том, что они занимались *особой наукой*³, существовали в специфическом эпистемологическом пространстве, и в этом пространстве наука развивалась «нормальным» путем.

Период «нормальной» науки закончился в конце 80-х годов вместе с разрушением идеологического каркаса. Встал вопрос о будущем экономической науки, и решение этого вопроса связывалось, во-первых, с отказом от марксистской политэкономии, а во-вторых, с определением концептуальных рамок будущей науки. Что касается необходимости отказа от марксистской экономической парадигмы, то в середине и конце 80-х годов научное сообщество демонстрировало значительную степень консерватизма по сравнению с настроением в обществе, во всяком случае, в некоторой его части. Наиболее активная «работа» по отказу от марксистской политэкономии, независимо от того, велась ли она профессиональными экономистами, журналистами или писателями, выходила за рамками профессиональных обсуждений. В целом в авангарде борьбы с марксистской политэкономией, и даже более того, с социалистической

¹ Подобная ситуация создала противоречие с верой в науку и ее возможности. Это противоречие, которое отчасти было преодолено в период оттепели, прежде всего теорией оптимального планирования, уникальным образом соединившей план, т.е. социализм, и веру в науку и объективность научного знания. Но последняя оказалась сильнее и социализма, и марксизма, что проявилось уже в наше время в стремлении найти правильную парадигму.

² В этом смысле пример *mainstream economics* очень показателен, хотя, разумеется, ее устойчивость по отношению к критике определена прежде всего ее строгой логикой и единой аксиоматикой, что позволяет, не теряя качества, развиваться «вширь», а также дает значительные преимущества в педагогическом плане, что в свою очередь закрепляет конкурентные преимущества.

³ Полтерович В.М., Фридмен А.А. Экономическая наука и экономическое образование в современной России: проблема интеграции // Экономическая наука современной России. – М., 1998. – № 2. – С. 112–113.

системой в целом, в этот период находились не научные, а общественно-политические издания, публикации в которых профессиональных экономистов отличали не столько научная строгость, сколько яркость и эмоциональность изложения¹.

Статьи на экономические темы, публиковавшиеся в 1987–1991 гг. в разделах публистики журналов «Новый мир», «Дружба народов», «Нева» и др.², были весьма критичны в отношении социализма и марксистской экономической науки, и своим радикализмом они как бы компенсировали нереши́тельность профессионального экономического сообщества³. Специфическую роль в отказе от марксистской парадигмы сыграл журнал «Коммунист». По старой советской традиции читать между строк публикации в этом журнале рассматривались научным сообществом как знаковые, поскольку именно они в течение многих лет определяли границы допустимой свободы⁴. Что же касается профессионального и, прежде всего, академического сообщества, то даже в условиях фактического снятия идеологических ограничений в этот период оно в целом оставалось лояльным марксистской парадигме. Можно сказать, что процесс шел по сценарию Т. Веблена: характер дискурса и его содержательную сторону определял «привычный образ мысли»⁵.

Показательно, что в конце 80-х и начале 90-х годов в профессиональных экономических журналах обсуждались возможности и направления реформирования социализма⁶. При этом легитимация любых нова-

¹ Достаточно вспомнить яркие выступления в печати Л. Пияшевой, Н. Шмелева, Г. Лисичкина, Г. Попова и др.

² Любопытно, что общественно-художественные журналы очень недолго играли роль рупора новых экономических идей. Уже начиная с 1993 г. этот процесс перемещается на страницы профессиональных экономических журналов, а соответствующие публистические разделы либо вообще выпадают, либо экономическая проблематика из них уходит. Так, например, в «Новом мире» с 1992 по 2005 г. было напечатано только две статьи, которые можно отнести к экономической проблематике.

³ Не случайно появляются статьи с подобными названиями: Солнышков Ю. Почему молчат политэкономы? // Соц. индустрия. – 1988. – 17 июня.

⁴ Например, тот факт, что в статье: Меньшиков С.М. Структурный кризис экономики капитализма // Коммунист. – М., 1984, № 4. – С. 112–124 – содержалось нейтральное упоминание теории больших циклов Кондратьева, был воспринят как смелый шаг автора и знак того, что об этой теории уже можно писать.

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 200–203.

⁶ Как отмечается в исследовании Й. Цвайнера, в 1987 г. на страницах журналов «Вопросы экономики» и «Плановое хозяйство» активно обсуждались проблемы ценообразования в плановой экономике, при этом даже среди представителей так называемого либерального крыла речь шла о совершенствовании методов расчетов цен; а не о рыночном ценообразовании. Разрабатывалась и беспроигрышная тема – критика бюрократизма, опять-таки в рамках «доктрины совершенствования социализма» (см. с. 33–62 настоящего издания).

ций по-прежнему осуществлялась ссылками на работы классиков марксизма: новые нормы и правила научного дискурса еще не сформировались, поэтому действовали прежние. Сохранялись, по крайней мере официально, и прежнее отношение к буржуазной политэкономии, и характер ее оценки¹.

Одновременно в рамках академической традиции заметно активизировалось направление, которое можно назвать просветительским и цель которого была познакомить отечественных экономистов с западной экономической мыслью и западным опытом, а также и с неизвестными или забытыми достижениями отечественной экономической мысли. В рамках этого направления продолжалась и расширялась старая и обновленная уже в 80-е годы советская традиция публикации классиков зарубежной экономической мысли². Новым явлением в просветительстве стала серия «Экономическое наследие» (издательство «Экономика»), в рамках которой переиздавались труды российских ученых недостаточно или совершенно не известные современным экономистам, в том числе и репрессированных³.

Финальным аккордом официальной советской политэкономической традиции стал новый и последний учебник политической экономии⁴, и хотя он в некоторых отношениях был значительным сдвигом в сторону демократии, это был прощальный жест уходящей эпохи. Одновременно под давлением реальных обстоятельств в академические изда-

¹ Так, в 1985 г. «Вопросы экономики» опубликовали 6 статей, в названии которых было «Ленин о...» или «Ленин как...», в статье «Жизнь и труды Е. Варги» Я.А. Певзнер, в частности, писал, что «лишь после апреля 1985 г. начался необходимый поворот марксистско-ленинской политической экономии к проблемам экономической эффективности» (Мировая экономика и международные отношения. – М., 1989 – № 10. – С. 28). В качестве примера «критики» буржуазных учений можно привести следующую цитату: «С помощью подобных рассуждений monetarists пытаются опровергнуть ленинскую теорию общего кризиса капитализма» (Лившиц А. Неоконсерватизм в зеркале общественного мнения // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 1. – С. 65).

² Так, в серии «Экономическая мысль Запада» были опубликованы (хотя и под грифом «Для научных библиотек»): «Принципы политической экономии» А. Маршалла (1984), «Экономическая теория несовершенной конкуренции» Дж. Робинсон (1986), «Экономическая теория благосостояния» А. Пигу (1985), «Теория экономического развития» И. Шумпетера (1982), «Теория праздного класса» Т. Веблена (1984) и др. Следует признать, что эта традиция существовала даже в сталинские годы, когда по каким-то неведомым принципам отбирались работы для перевода и публикации. В качестве примера хочу привести не всем известный перевод «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса в 1948 г., а другую публикацию: Хоутри Р. Дж. Деньги и кредит. – М., 1930.

³ Так, публикация: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989 – положила начало изданию целой серии его работ, в том числе неоконченной рукописи, написанной в тюрьме: Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. – М., 1991.

⁴ Политическая экономия. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. Медведева В.А. – М., 1988.

ния стала «просачиваться» тематика, ранее не затрагивавшаяся применительно к социалистической экономике: например, проблемы инфляции и дефицита бюджета, безработицы в связи с неизбежной структурной перестройкой, теневой экономики и т.д.

В целом же подобное положение в политэкономии радикально не менялось ни в 1990 г., ни в 1991 и даже 1992 гг.: представители академической экономической науки продолжали обсуждать пути усовершенствования политэкономии социализма и вопрос о сочетании социалистической и рыночной экономических моделей, хотя и стали появляться работы, отражающие острую положения, сложившегося в экономике, и признающие необходимость реформ. В это время экономическое образование, будучи в принципе даже более консервативной системой, чем наука, пыталось сделать прыжок из одной культуры в другую. Вместе с появлением переводов стандартных учебников *economics*¹ начинался активный процесс освоения основ современной экономической науки; в вузах стали появляться курсы с новыми названиями (правда, не всегда с соответствующим содержанием), разрабатываться новые программы. При этом в чистом виде неоклассический мейнстрим даже на вводном уровне преподавался редко. Чаще курс, именуемый «экономическая теория», представлял комбинацию неоклассики и марксизма.

Черта под марксистской политэкономией была подведена в 1993 г., когда научным сообществом была поставлена **задача поиска новой парадигмы**². Здесь важны два момента. Во-первых, не совсем ясное содер-

¹ Среди первых переводов следует назвать: Хейли П. Экономический образ мышления. – М., 1991 (книга издана при участии издательства «Catallaxy», ставшего рупором идей либерализма в духе Ф. Хайека и Л. Мизеса); Макконнелл К., Брю С. Экономикс. – М., 1992; Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М., 1993).

² Если судить по содержанию журнала «Вопросы экономики» за 1993 г., можно с определенностью сказать, что этот год прошел под знаком «в поисках новой парадигмы» (См. напр.: Абалкин Л. Экономическая наука на пути к новой парадигме // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 1. – С. 4–14; Абалкин Л. Против односторонности, за целостное видение социально-экономических процессов // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 8. – С. 4–6; Медведев В. Некоторые размышления о новой парадигме // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 1. – С. 22–29; Бузгалин А. Отечественная экономическая теория: от кризиса к новой парадигме // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 1. – С. 42–52. В четвертом номере этого же журнала Р. Белоусов пишет: «В таких условиях от общественных наук, прежде всего экономической, требуются не только новые взгляды, раскрытие неизвестных ранее взаимосвязей, нетрадиционные подходы в исследованиях, но и качественно новые теоретические обобщения. Все это позволит постепенно сформировать систему научнообоснованных положений, логически связанных между собой и образующих целостную концепции (парадигму) функционирования российской экономики в резко изменяющихся условиях мировой цивилизации XXI в.»: Белоусов Р. Новая парадигма экономической науки // Вопр. экономики. – М., 1993. – № 4. – С. 125).

жение понятия «парадигма». Во всяком случае, речь шла скорее не о парадигме в куновском или лакатошевском смысле, а о некоторой целостной картине мира, которая сможет дать **правильный** ответ на актуальные экономические и социальные вопросы, включая вопрос о выборе модели развития, и стать достойной альтернативой марксистской политэкономии. Во-вторых, сама идея, что в науке может существовать единственно правильная «картина», «теория» или «парадигма», свидетельствовала о сохранении позитивистских и марксистских представлений о науке и ее роли и была результатом традиции некритического восприятия, определявшей характер экономической науки в советский период.

Закономерно возникал вопрос об источниках новой парадигмы. Восстановление традиции, существовавшей до 1917 г., очевидно, было невозможно, и хотя на фоне возросшего интереса к дореволюционной экономической мысли и советской науке периода 20-х годов подобная возможность обсуждалась, но скорее в историко-этическом, нежели практическом плане. Любая наука – это не только совокупность знаний, но и школы, традиции (в том числе способы ведения научных дискуссий, распространения знаний, в частности, через учебный процесс), и перерыв в несколько десятилетий здесь фатален. Кроме того, сама экономическая наука за более чем полувековой период настолько изменилась, что знание, накопленное, скажем, к середине 20-х годов, сегодня, как правило, представляется интерес скорее исторический, чем теоретический или практический.

Оставались стратегии заимствования или создания чего-то совершенно нового. Соответственно определились два подхода к развитию экономической науки. С одной стороны, предлагалось принять то, что условно можно назвать либеральной идеологией, – и соответствующую парадигму и как следствие стратегию «догоняющего развития», т.е. скончавшего освоения западной экономической теории со всеми вытекающими из подобной стратегии проблемами и издержками, далеко не всегда в полной мере осознаваемыми. Причем ясного представления ни о связи современной экономической теории с либеральной доктриной, ни о возможностях подобного освоения, ни о том, что представляют собой современная западная наука и теория, не было даже у наиболее последовательных сторонников этой стратегии. Крайним проявлением подобного подхода было восприятие *mainstream economics* в ее учебном варианте как воплощения западной экономической мудрости, а также, что особенно проявилось в первые перестроечные годы, агрессивное отстаивание либеральных ценностей как неразрывно связанных с *mainstream*. Вместе

с тем позитивной составляющей этой тенденции было сначала пассивное, а со второй половине 90-х годов уже активное и творческое освоение значительных пластов современной западной экономической науки, что в определенном мере и составило суть процесса роста теоретического знания в специфическом смысле.

С другой стороны, проявилось стремление к созданию альтернативы и марксистской политэкономии, и мейнстриму, которое подкреплялось неприятием духовной экспансии извне, протестом против идеологически окрашенной и поверхностной критики марксизма, наконец, жестокой решительности и наивной убежденности первых реформаторов. В своих крайних формах это направление ведет к размыванию границ между научным и ненаучным знанием, растворению экономической науки в философии, этике, религии и вместе с тем к расширению предмета экономической теории вплоть до включения в него экономики отраслей, социальной проблематики и т.д. при отсутствиинятно сформулированных теоретико-методологических принципов и идеологических установок. Подобная методологическая расплывчатость отчетливо проявилаась, например, при обсуждении содержания учебника по экономической теории, когда в качестве таковой предлагалась некоторая смесь из марксизма, здравого смысла и элементов *economics*¹.

Противостояние этих двух тенденций, как правило, выходит за рамки научного дискурса, хотя участники и могут прибегать к «научной риторике», и связано с различием мировоззренческих позиций, политических пристрастий, наконец, групповых интересов. Это противостояние, как эхо старых споров между славянофилами и западниками (или, по меткому выражению одного из наших экономистов, между «западничеством» и «мессианством»²), в некоторой форме сохраняется и до сих пор и, подобно старому спору, ведет к растрате ограниченных интеллектуальных и материальных ресурсов, но

¹ Так, по мнению некоторых известных экономистов, «экономическая теория должна включать классическую политэкономию, “экономикс” или как минимум, микро-, макро- и мезоэкономику, а также анализ экономики трансформации, постиндустриальную и глобальную экономики», и далее «ожелательно уделить внимание проблемам мезоэкономики – региональной экономики, экономике агропромышленного, топливно-энергетического комплексов, машиностроения, металлообработки, экономике науки, т.е. так называемых “локомотивов” развития российской национальной экономики» (Журавлева Г.П., Львов Д.С., Петраков Н.Л. Какой учебник по экономической теории нужен высшей школе? // Экономическая наука современной России. – М., 2003 – № 3 – С. 105–106.

² Май В. История советской экономической науки: подведение итогов // Вопр. экономики. – 1993, № 1. – С. 31.

заметим, в отличие от последнего, часто напоминает процесс, известный в экономической теории как «поиск ренты».

Эта ситуация не выступает уникальным российским явлением. Схожие процессы происходили и в других бывших социалистических странах. Во всех постсоциалистических странах имело место противостояние между экономистами, главным образом принадлежащими к старшему поколению, и молодыми (конечно, поколенческий подход не следует абсолютизировать). Первые протестовали против засилия *экономикс* прежде всего из идеологических и этических соображений, а также из-за жестокой решимости реформаторов, на *экономикс* возлагали вину за негативные последствия политики реформ. Вторые были более восприимчивы к новым веяниям, однако собственные знания западной экономической теории были, как правило, крайне ограниченными. Здесь ситуация в большой степени зависела от степени «открытости» страны в социалистический период. В более открытых странах, например в Польше и Венгрии, людей, хорошо знакомых с западной теорией, было больше, в остальных – меньше, а отсюда и качество «новых» западников было разным¹.

Россия была достаточно закрыта от проникновения западной экономической науки, и некоторыми знания в этой области обладали прежде всего те, кто занимался критикой буржуазной политэкономии, зарубежной экономикой и отчасти экономико-математической проблематикой. Именно они стали первыми переводчиками западных учебников, преподавателями новой теории, многие стали инициаторами реформ². Но и от этих людей невозможно было ожидать глубоких знаний экономической теории, которую практически никто из них не изучал систематически. В противном случае вряд ли были бы возможны такие популярность Дж. Сакса или рассуждения о монетаризме как об универсальной теории, способной стать руководством к действию в переходной экономике.

---

¹ Подробно о процессах в экономической науке в бывших соцстранах и некоторых бывших советских республиках см.: *Economics // Three social science disciplines in Central and Eastern Europe. Handbook on economics, political science and sociology (1989–2001)*. – Bonn etc., 2002. – Р. 26–205.

² Интересно следующее признание Е. Гайдара: «Могу засвидетельствовать, что в сложившемся в начале 1980-х годов кругу экономистов, впоследствии на практике разрабатывавших и реализовывающих реформу в России, Ф. Хайек и Й. Шумпетер наряду с Я. Корнаи были, пожалуй, самыми авторитетными авторами, к работам которых обращались при обсуждении проблем реформирования советской экономики» (Гайдар Е. Т. Долгое время. – М., 2004. – С. 368 (сноска 16).

Экономисты постсоциалистических стран прошли сходные этапы: отрицания и критики марксистской политэкономии и социалистической модели; открытия и увлеченности Западом и его экономической мудростью; разочарования. Это разочарование в значительной степени было связано с постепенным осознанием своей роли в международном научном сообществе и места на международном рынке научных идей, перспектив в совместных исследованиях и т.д., причем особенно это стало очевидным после того, как иссяк повышенный интерес к революционным процессам в этих странах. Постепенно выяснилось, что в области чистой теории перспективы «национальных» школ весьма скромные, и едва ли не единственной областью, где остаются конкурентные возможности как для российской науки, так и для науки некоторых других постсоциалистических стран, оказался институционализм.

Удивительным образом институционализм оказался ответом на вопрос о новой парадигме и одновременно стал, по крайней мере внешне, знаменем, под которым могут объединиться российские экономисты, придерживающиеся весьма различных взглядов. К институционалистам причисляют себя практически все российские экономисты: от бывших либералов до бывших социалистов, от позитивистов до «метафизиков». Во всяком случае, практически никто не возражает против институционализма. В рамках институционализма нашли себе место и «славянофилы», и «западники», и приверженцы эмпирического подхода, и «чистые» теоретики, и либералы, и социалисты, и математики, и «нarrативисты»¹, в Интернете есть даже сайт [«institutional boom.ru»](http://institutional-boom.ru). Исследования в области институционализма ведутся как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Сейчас трудно найти номер экономического (и не только) журнала, в котором слово «институт» и его производные не присутствовали бы либо в названиях статей, либо в их содержании. Думаю, по числу публикаций институционализмочно занимает лидирующие позиции. Сегодня институционализм – это наше экономтеоретическое все.

Объяснение такой ситуации дать нетрудно. Прежде всего – это сам термин «институционализм», его многозначность и «размытость», позволяющие развивать исследования в различных направлениях, использовать различный инструментарий, наконец, дающие простор различным интерпретациям и толкованиям. И здесь удачно сошлись специфика ин-

---

¹ О российском институционализме см., напр.: Кирдина С.Г. Постсоветский институционализм в России: попытка обзора // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Ростов н/Дону, 2004. – Т. 2, № 2. – С. 40–54.

ституционализма и черты русской, советской и постсоветской экономической мысли.

Исторически, как известно, институционализм обозначал направление, идейно близкое исторической школе (в ее современном для конца XIX в. варианте), социологическим направлениям, а в некоторых моментах пересекающееся с тем, что принято называть социальной экономией. Он был связан с именами прежде всего Т. Веблена и Дж. Коммонса и отчасти У. Митчелла (последний как воплощение эмпирического подхода в адекватной для XX в. форме – статистической). И хотя Т. Веблен и Дж. Коммонс были родоначальниками разных традиций, у них было общее ядро, состоящее, как полагает У. Сэмюэлс, в признании того, что состояние экономики в значительной степени определяется технологией и институтами¹. Современная палитра этой традиции достаточно многоцветна: в ряде аспектов она имеет точки пересечения с эволюционной экономикой, в других – с экономической социологией и компаративистикой и т.д., и в этом качестве часто предстает в виде институциональной политической экономии, тематическая область которой практически неограничена: от систем производства и распределения до морали. Методологически это направление тяготеет к холизму, pragmatismu и эволюционному подходу. И в этом отношении, и в силу полученных результатов противостоит ортодоксии, т.е. тому, что традиционно связывается с неоклассикой.

В наше время с приставкой «нео» или прилагательным «новый» институционализм² относится к направлению, родство которого со старым институционализмом можно увидеть только через призму очень широко понимаемого предмета, – влияние институтов (как неких норм и правил, действующие в обществе) на то, что происходит в экономике. Причем практически при любой попытке уточнения смысла термина возникает неловкость от объединения Т. Веблена, Дж. Коммонса, С. Перлмана, Дж. К. Гэлбрейта с Р. Коузом и О. Уильямсоном, поскольку различия между ними носят

¹ Samuels W. Institutional economics // The new Palgrave: A dictionary of economics: 4 vols. – Basingstoke, 2004 – Vol 2 – P 865.

² С терминами «неоинституционализм» и «новый институционализм», которые сегодня весьма часто употребляются как синонимы, произошла историческая путаница. Термин «неоинституционализм» впервые был предложен М. Тулом в 1953 г. для обозначения направления, возникшего на основе интеграции социального анализа Т. Веблена и pragmatической философии Дж. Дьюи, и, по мнению некоторых исследователей, его использование «неоклассическими институционалистами», после того, как оно уже было занято, сильно «замутило терминологические воды» (Bush P. Neoinstitutionalism // Encyclopedia of political economy / Ed. by O'Hara Ph.: 2 vols. – L., N.Y., 2001. – Vol.1. – P. 797).

принципиальный, методологический характер и в конечном счете сводятся к различному пониманию предмета и метода экономической науки.

Что касается методологического подхода, то для нового институционализма, как и для ортодоксии, метод анализа является определяющим по отношению к предмету¹, что совершенно чуждо старому институционализму и экономической науке в целом до второго-третьего десятилетия XX в. Основополагающий метод нового институционализма – это методологический индивидуализм и принцип рациональности экономических агентов, которые определяют его родство с ортодоксией. Но существует и еще один пункт сближения – это то, что в новом институционализме модель равновесия присутствует как некий образ, идеальная структура, которая может быть и должна быть усовершенствована по различным направлениям. Но в то же время есть и принципиальный пункт расхождений: «Если ортодоксальные экономисты склонны отождествлять экономику исключительно с рынком, то институциональные экономисты утверждают, что рынок сам по себе является институтом, состоящим из большого числа вспомогательных институтов, взаимодействующий с другими институциональными структурами общества»².

Для многочисленных направлений, существующих внутри «нового институционализма», трудно обозначить какую-либо общую платформу, за исключением приведенных выше положений. Возможно, некоторая калейдоскопичность – знак новой, быстроразвивающейся теории, осуществляющей экспансию предметной территории, но возможно, что институционализм – это воплощение представления о науке прежде всего как о способе анализа³. Ни в

¹ Сегодня в новый институционализм входят: трансакционная экономика, изучает сделки и издержки, с ними связанные; контрактная теория – организации как пучки контрактных отношений; экономическая теория прав собственности – права собственности и издержки, связанные с их спецификацией, и т.д. (см., напр.: История экономических учений. Учебное пособие // Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Н.А. Макашевой. – М., 2000. – Гл. 38. – С. 653–687.)

² Samuels W. Institutional economics // The new Palgrave: A dictionary of economics: 4 vols. – Basingstoke, 2004. – Vol. 2. – P. 865.

³ Интересно отметить, что в современных западных учебниках по истории экономической мысли и/или экономической теории далеко не всегда есть главы, посвященные институционализму. Что касается старого институционализма, то в учебниках по истории экономической мысли он обычно присутствует как противодействие неоклассике где-то между Маршаллом и теорией социализма (см. напр.: Rima I. Development of economic analysis. – N.Y., L., 2001), хотя и это не обязательно (см., напр. известную работу: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М., 1994). Неинституционализм отсутствует не только в этих учебниках, но и в учебниках по истории экономической теории, хотя другим современным направлениям, например, новой классике, внимание может быть удалено. Например, в авторитетном учебнике: Niehans J. A history of economic theory. – Baltimore, L., 1994, термин «институционализм» употреблен всего лишь дважды.

коей мере не ставя своей целью нарисовать картину современного институционализма, хочу лишь отметить, что можно обсуждать вопрос, является ли новый институционализм самостоятельной парадигмой или он – часть неоклассической парадигмы, также можно обсуждать вопрос о парадигмальных характеристиках старого институционализма и его современных вариантов, но вряд ли есть смысл говорить о какой-то общей институциональной парадигме, если, конечно, понимать под термином «парадигма» нечто напоминающее понятие, введенное Куном, или близкое к лакатошевской «исследовательской программе».

Принимая во внимание столь принципиальные различия, скрывающиеся под термином «институционализм», можно ли говорить о нем как об успешном завершении поисков «новой парадигмы», начатых российскими экономистами в начале 90-х годов, и воссоздании единого научного сообщества? Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Аргумент в пользу положительного ответа состоит в том, что объединение под знаменем институционализма подтверждает успешное выполнение первой задачи программы перехода к новой парадигме – отказа от марксизма. Что касается второй части, то поскольку подразумевалась некоторая новая картина социально-экономической реальности вместо старой марксистской, очевидно, что и эта цель достигнута.

Однако подобное объединение чревато большими потерями с точки зрения утверждения стандартов научного анализа. Уже само использование понятий институциональной экономики оказывается едва ли не сертификатом научности, при этом смысл этих понятий порой неясен или отличен от принятого в современной западной науке. Нельзя не согласиться с высказанный Р. Капелюшниковым озабоченностью по поводу легкости, с которой используется одно из центральных понятий неоинституционализма: «Едва ли будет преувеличением сказать, что в отечественной экономической литературе понятие трансакционных издержек приобрело весьма большую популярность. Создается впечатление, что для многих исследователей оно стало чем-то вроде универсальной отмычки – кратчайшим путем к осмыслению чуть ли не любых “странных” переходного периода. Любопытно, что его с равным энтузиазмом помещают в центр прямо противоположных концепций. Исходная “размытость” значения открывает простор для взаимоисключающих толкований»¹. То же самое можно сказать и о самом понятии институционализ-

---

¹ Капелюшников Р.А. Заметки на полях неоинституционализма. 23.08.1999. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru>.

ма. Мода на институционализм настолько велика, что подобно тому, как в советские годы у всех заметных представителей науки искали проблески марксизма, теперь ищутся следы институционализма¹, не говоря уже о традиционном стремлении показать, что в России он давно существовал².

Разногласия, которые существуют «в рамках» институционального направления в российской науке, – это, как правило, не разногласия между сторонниками различных конкурирующих исследовательских программ. Такая ситуация была бы вполне нормальной. В данном случае разногласия свидетельствуют скорее о том, что еще не сформировалась общая научная культура, вне рамок которой невозможно ставить вопрос о той критической традиции, о которой писал Поппер. Более того, поскольку именно принадлежность к общей научной культуре задает границы научного сообщества, пока не приходится говорить о завершении процесса его формирования.

Разумеется, современная западная экономическая наука далека от единства в том смысле, что все экономисты придерживаются одной теории или единой парадигмы. Более того, само достижение тотального единства – это скорее угроза, чем положительная перспектива. Однако, несмотря на калейдоскопичность, в мировой науке все-таки можно говорить о некоторой магистрали – речь идет не о мейнстриме, а о некоторых максимах, которые принимаются большинством экономистов, касающихся не столько «содержания» теоретического знания, сколько представления о научном знании, принятых способах аргументации, процессах распространения знания и обучения т.д., т.е. всего того, что можно назвать научной культурой³. Формирование этой культуры – процесс длительный, и в нем важную роль играет образование, понимаемое более широко, чем обучение определенному набору моделей и приемов.

На Западе современная научная культура сформировалась в конце XIX в., когда происходили сразу несколько процессов: профессиоали-

¹ Только при очень широкой трактовке институционализма к его представителям можно отнести С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского и Н.Д. Кондратьева и таким образом вообще объединить этих столь разных ученых (Истоки экономической мысли в России / Под ред. Покидченко М.Г., Калмычковой Е.Г. – М., 2003. – С. 11–13).

² В качестве примера можно привести: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. / Волгогр. Гос. ун-т. – Волгоград, 2002.

³ В качестве общей платформы часто предлагается принцип рациональности (в мягкой форме) (см., напр.: Блинин М., Стюарт И. Экономическая наука и родственные дисциплины // Панорама экономической мысли конца XX столетия. / Под ред. Д. Гринзай, М. Блинин, И. Стюарт: В 2 т. – СПб., 2002. Т. 2 – С. 891–906.

зация научной деятельности, институционализация научных исследований и формирование парадигмы, ядром которой стала экономикс. В этот период экономическая наука в основном еще понималась как политэкономия – наука об управлении; в ней доминировали ориентация на эмпироподобную методологию, представление о полезности научного знания для решения практических проблем, возникающих как на уровне государства, так и в сфере коммерции, и т.д. Именно эти обстоятельства способствовали профессионализации науки и развитию системы экономического образования нового типа, но, очевидно, диссонировали с выдвижением неоклассики как господствующей исследовательской программы. Не случайно в этот период по вопросу когнитивной ориентации шли острые дискуссии и экономисты не без колебаний выбрали неоклассику¹. Однако необходимо подчеркнуть, что хотя экономисты в большинстве западных стран склонились в сторону неоклассики, это не привело к полному устраниению конкурирующих парадигм, и более того, кейнсианская революция показала, что критическая традиция сохранялась, а следовательно, сохранялись перспективы роста научного знания.

Озабоченность российской экономической науки в конце XIX – начале XX в. практическими и социальными вопросами не была чем-то уникальным, отличительной особенностью было то, что процессы перестройки в экономической науке, активно происходившие в развитых странах в конце XIX в., в России начали происходить с запозданием на два-три десятилетия и пришли уже на советский период².

Острота ситуации в современной российской экономической науке состоит, на мой взгляд, в том, что для нее продолжает оставаться акту-

---

¹ Discourses on society: The shaping of the social science disciplines/ Ed. by Wagner P. et al. – Dordrecht etc., 1991; Sociology of the Sciences. A yearbook. – Vol. XV. – P. 273–302, 331–358.

² Я не хотела бы касаться по-прежнему обсуждаемого вопроса о российской школе экономической мысли. Существующие позиции достаточно четко обозначены, например, в работе: В поисках самоопределения российской школы экономической мысли // Очерки истории российской экономической мысли / Под ред. Абалкина Л.И. – М.: Наука, 2003. – 366. Считаю полезным лишь заметить, что в обособленности российской науки в конце XIX – начале XX в., на мой взгляд, важную роль сыграли факторы языковой и коммуникационный, а не только некий цивилизационный диссонанс. Можно привести пример Швеции, о принадлежности которой к европейской цивилизации говорить не приходится. Шведская экономическая мысль, заявившая о себе примерно в одно время с российской, – прежде всего трудами одного из столпов современной экономической теории – К. Викселя, оставалась на периферии европейской экономической мысли, пока работы шведских экономистов не были опубликованы на английском или немецком языках. И «шведская школа» сегодня, при всей условности классификаций вообще, обозначает некий ракурс рассмотрения проблем «чистой» теории и давно утратила национальноязыковую характеристику.

альным целый комплекс разноплановых, но взаимосвязанных задач: от освоения фактического знания, накопленного мировой наукой за 70 лет, до формирования того, что можно назвать научной культурой, а также создания современной институциональной и организационной структуры экономической науки. В этом смысле революция в российской экономической науке, начавшаяся в конце 80-х годов, еще не завершена. Мне представляется, что наиболее сложной является вторая из перечисленных задач, хотя бы потому, что она тесно связана с формированием научного сообщества, которое в конечном счете определяет и процесс роста научного знания. Решению этой задачи могут способствовать различные процессы, не в последнюю очередь – открытость науки, включая вхождение российских экономистов в международные научные сообщества, их интеграцию в международные исследовательские структуры и т.д. Разумеется, это трудный и долгий процесс, и наши возможности пока достаточно ограничены, и, как правило, речь идет о младшем партнерстве, ограниченном проблемном спектре взаимодействия и т.д.

В философских схемах рост научного знания рассматривается в основном сквозь призму научных революций и взаимодействия конкурирующих парадигм, и в этом процессе важная роль отведена научному сообществу. То, что произошло с российской экономической наукой в конце 80-х–90-х годах, можно трактовать как научную революцию особого рода, осуществленную в результате политических изменений в стране и приведшую не только к отказу от долгие годы господствовавшего экономического мировоззрения, но и к разрушению всего корпуса экономической науки, включая глубокие изменения в научном сообществе. Стало очевидно, что эта революция – не одномоментное переключение от одной парадигмы к другой, а сложный процесс, в котором участвуют многие силы и ход которого зависит от множества обстоятельств. Этот драматический период в истории отечественной экономической науки не только побуждает исторический интерес к событийной стороне, но и проливает новый свет на целый ряд общеметодологических вопросов, касающихся эволюции экономической науки и роста экономического знания.

Й. Цвайнерт

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В СССР В 1987–1991 гг.*

В последние годы не в последнюю очередь благодаря опыту экономических реформ в странах Центральной и Восточной Европы среди экономистов-институционалистов и эволюционистов возросло осознание важности когнитивных процессов при институциональных изменениях¹. Нет сомнений, что на эволюцию «привычек мышления» (Т. Веблена) или «укорененных ментальных моделей» (*shared mental models*) (А. Дензау и Д. Норт) влияют культурные традиции общества, которые, в свою очередь, уходят корнями в историю. Таким образом, любой анализ процесса познания неизбежно сталкивается с проблемой исторической специфики, напоминающей нам об ограниченности «унифицированных толкований в социальных науках» (*explanatory unifications in social sciences*)² и указы-

* Данная работа основана на результатах, полученных в рамках проекта, посвященного исследованию переходных процессов в странах Центральной и Восточной Европы, как процессов, определяемых траекторией прошлого исторического и культурного развития этих стран. Проект был осуществлен совместно Гамбургским институтом мировой экономики и Университетом города Гамбурга и финансировался Volkswagenstiftung. Эта работа была впервые опубликована под названием: Economic Ideas and Institutional Change: Evidence from Soviet Economic Debates 1987–1991 // Europe-Asia Studies. – 2006. – Vol. 58, № 2. – P. 169–192.

¹ См.: Young Black Choi. Paradigms and conventions: Uncertainty, decision making and entrepreneurship. – Ann Arbor, 1993.; Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 3–31.; Streit M. et al. Cognition, rationality and institutions. – Berlin, 2000 Egidy M., Rizello S. Cognitive economics. – Cheltenham, 2004.; Martens B. The cognitive mechanics of economic development and institutional change. – L., 2004.

² Hodgson G.M. How economics forgot history: The problem of historical specificity in social science. – L., 2001. – P. 23.

вающей на необходимость дополнять теорию конкретными историческими примерами. Если «идей имеют значение»¹ в процессе институциональных изменений, то ключевой вопрос звучит так: каким образом можно выявить особенности восприятия людьми социальной и экономической среды данного общества? По моему мнению, ответ на этот вопрос может с большой вероятностью дать изучение процесса обсуждения экономических проблем в обществе². Данная работа посвящена анализу дискуссий среди представителей академического сообщества и журналистов. В ее основе лежит изучение публикаций в основных советских экономических журналах и в трех ориентированных на широкую аудиторию изданиях («Новый мир», «Литературная газета», «Коммунист») в период с 1987 по 1991 г. Кроме того, в будущем выйдет аналогичная работа, посвященная периоду с 1992 по 2002 г.

Мой анализ основывается на методологии, разработанной такими историками экономической мысли, как К. Прибрам (K. Pribram), М. Перлман (M. Perlman) и Ч.Р. Маккенн-мл. (Ch.R.McCann-jr.), и имеет своей целью выявить «стереотипы мышления» (*patterns of thought*) или «наследие прошлого» (*patristic legacies*), являющихся почвой для возникновения экономических идей и определяющих характер их обсуждения³. Мой подход отличается от дискурсного анализа, широко используемого в социальных науках, так как в своей работе я не придаю большого значения лингвистическому аспекту. Тем не менее существует проблема, часто обсуждаемая в контексте дискурсного анализа советских источников: допускаем ли мы, что в рассматриваемый период советские экономисты имели возможность выражать свои идеи открыто? На мой взгляд, начиная с 1987 г. эта возможность у них была, и если многие из них ею не пользовались, то во многом из-за их принадлежности к определенному со-

¹ Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, №1. – P. 3.

² См. неопубликованную работу: Joachim Zweynert «How can the history of economic thought contribute to an understanding of institutional change?»

³ Pribram K. A history of economic reasoning. – Baltimore, 1983; Perlman M., McCann-jr. Ch. The pillars of economic understanding: Ideas and traditions. – Ann Arbor, 1998. В соответствии с этим подходом мне более интересны социально-философские основания этих дебатов, чем их теоретическое содержание. Исчерпывающий анализ именно теоретических аспектов дискуссий по поводу советских и российских реформ см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991; Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case // Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – P. 33–79. (частично отражено в: «Экономическая наука в странах Центральной и Восточной Европы». С. 63–71 настоящего издания).

циальному слою советского общества и в частности консервативному научно-му сообществу, а не по причине внешних политических ограничений.

Анализируя экономические дискуссии, имевшие место в последние годы существования Советского Союза, я надеюсь приблизиться к лучшему пониманию проблемы, недавно возникшей в теории институциональных изменений как результат осознания значимости идей и идеологии. Эта проблема касается взаимосвязи между постепенной эволюцией представлений о социальной реальности и радикальным изменением этих представлений, которые могут быть вызваны как новыми идеями, возникающими внутри общества, так и идеями, проникающими извне. Сопоставление теории и исторических реалий редко может дать ответ в терминах «или – или». Главная задача данного исследования – показать, как два типа идеологических изменений взаимодействовали между собой и как изменения экономических идей соотносятся с институциональной трансформацией в России в рассматриваемый период.

Работа имеет следующую структуру. В следующей за настоящим введением части проблемы формулируются на теоретическом уровне, затем (в третьей части) предлагаются рабочие гипотезы; в четвертой – я предлагаю собственное понимание советской идеологии; в пятой – кратко анализируется связь идеи перестройки с советской доктриной; части с шестой по восьмую посвящены ранним дискуссиям в главном советском экономическом журнале «Вопросы экономики», появлению либеральных идей и постепенному закату советской идеологии; в девятой – представлены предварительные выводы.

Теоретическая проблема

По мнению Стефано Фьори¹, совместная работа Дугласса Норта и Артура Дензау несет в себе потенциальный прорыв в области теории институциональных изменений, выдвинутой самим же Нортом. Эта теория носит градуалистский характер, так как, несмотря на то, что Норт по ходу исследования настаивает на взаимной зависимости формальных и неформальных институтов, в конце концов он явно приходит к выводу о приоритете неформальных ограничений поведения человека над фор-

---

¹ Fiori S. Alternative visions of change in Douglass North's new institutionalism // J. of econ. iss. – Lewisburg, 2002. – Vol. 36, № 4. – P. 1025–1043.

мальными¹. На первый взгляд, работа Дензау и Норта вполне соответствует градуалистскому видению Нортом институциональных изменений: определяющая черта укорененных ментальных моделей заключается в их тесном переплетении с культурой и историей. Будучи повсеместно принятыми, доминирующие в обществе ментальные модели создают эффект масштаба, их эволюция исторически обусловлена, и они обычно изменяются только постепенно.

Таким образом, если «институты отражают ментальные модели»² и если последние изменяются лишь эволюционным путем, то как можно объяснить такие феномены, как революции или завоевания? Для ответа на этот вопрос авторы прибегают к теории научных революций Томаса Куна³. Так, «парадигмы» Куна являются не чем иным, как институтами, и представляют собой ограничения, налагаемые на членов данного научного сообщества, которые упорядочивают взаимодействие внутри данной группы. Кун различает периоды «нормальной науки» (*normal science*) и «научных революций» (*scientific revolutions*). В периоды «нормальной науки», которые характеризуются «решением головоломок», рост знаний в рамках парадигмы представляет собой кумулятивный процесс⁴. Периоды «научных революций», напротив, представляют собой «некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой»⁵. По Куну, главная причина такой революционной смены парадигм заключается в том, что «нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее

¹ Это становится очевидным в многочисленных отрывках его работы, как, например: «Институты обычно изменяются по возрастанию, а не скачкообразно. На то, как и почему они изменяются эволюционным путем и почему скачкообразные изменения (такие, как революция или военное вмешательство) никогда не будут полностью дискретными, влияют существующие в обществе неформальные ограничения. И тогда как формальные правила могут быть изменены в результате политического или юридического решения, неформальные ограничения, проявляющиеся в обычаях, традициях и моделях поведения, значительно труднее поддаются целенаправленному изменению». North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge, 1990. – Р. 6 (русский перевод: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997).

² См.: Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 22. Это допущение весьма проблематично, но я принимаю его в качестве рабочей гипотезы.

³ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с.

⁴ Там же. – С. 44–48.

⁵ Там же. – С. 129.

основные установки»¹. Возникшее вследствие этого и нарастающее напряжение прорывается через революцию.

Дензау и Норт очень близки к Куну, когда они обсуждают различия между «периодами нормального изучения» и периодами «видимого пересмотра» (*representational redescription*). Удивительно, что введение такого антиградуалистского элемента, как «видимый пересмотр», никоим образом не меняет их градуалистского видения институциональных изменений: «Нормальная идеология и ее идеологические последователи могут предпринимать попытки противостоять изменениям, но мы полагаем, что идеологии постепенно меняются благодаря изменению значения их терминов и понятий в других моделях, а также благодаря их иному употреблению в языке. Новые концепции, которые начинают влиять на мнения, могут также стать частью идеологии, в соответствии с теорией Дарвина о постепенной аккомодации»². Очевидно, что Дензау и Норт решили проблему теории Куна о научных революциях, несколько изменив его базовое допущение: если попытки представителей «нормальной идеологии» сдерживать изменения обречены на провал, то между новыми и старыми идеями не может возникнуть какого-либо значительного напряжения и идеи неизбежно постепенно изменяются. Согласно этому допущению революционные идеологические изменения просто невозможны. Однако суть моей критики Дензау и Норта не в том, что они неадекватно интерпретируют теорию Куна, а в том, что, на мой взгляд, невозможно применять теорию, касающуюся изменения научных идей, к эволюции идеологии³.

Рабочие гипотезы

Сам Кун без энтузиазма относился к попыткам применения его методологии к социальным наукам⁴, так как идеология играет в социальных науках не только большую, но и качественно иную роль, чем в естественных науках. Я не буду приводить здесь многочисленные определения термина «идеология», ограничиваясь лишь высказыванием Томаса Майера,

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с. – С. 28.

² Denzau A.T, North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 25.

³ Тем не менее это подразумевает подзаголовок книги: «Ideologies and institutions».

⁴ Kuhn T. S. The trouble with the historical philosophy of science. – Cambridge, 1992. Применение идей Куна в исследовании экономики широко обсуждается, в частности, эта проблема детально рассматривается в работе: Patchak-Schuster T.W. Economists' interpretations and applications of Thomas S. Kuhn's Theory of scientific revolutions. – Ann Arbor: Michigan state univ., 1994. – (Diss.).

который рассматривает идеологию как «сверхнаучные оценочные суждения или политические суждения»¹, оказывающие влияние на работу ученого. Как полагает Й. Шумпетер, в построении теории экономист руководствуется определенным «видением», которое представляет собой «преданалитический акт познания, поставляющий материал для анализа». Так как это видение является «идеологическим по определению», он делает вывод, что воздействие идеологии «осуществляется уже на самом первом этапе преданалитического познавательного акта»². Важный момент для моей дальнейшей аргументации – это то, что идеология всегда выполняет двойную функцию. Согласно У. Сэмюэлсу, «идеология… дает определение как реалий, так и ценностей данной системы. Идеология дает круг изначальных представлений о том, что *есть* и что *должно* быть… идеология охватывает не только оценочно-политические и нормативные суждения, но и саму систему мышления, которая определяет направленность и структуру всякого описания»³. Такая двойная функция идеологии – помогать структурировать восприятие и давать возможность выносить моральные суждения – проявляется и в науке, и в политической идеологии. Однако имеется существенное различие. В науке главная функция идеологии – канализировать и структурировать восприятие, тогда как восприятие окружающей среды политиком часто напрямую зависит от его оценочных суждений и их нормативных проявлений. Если перейти от естественных наук к социально-экономическим, то в игру неизбежно вступают политические идеалы. Это означает не только то, что роль идеологии значительно возрастает, но и что ее нормативная функция начинает превалировать над описательной. Мы можем проследить этот процесс в движении экономической мысли от «чистой теории» к идеям экономической политики⁴, функция идеологии смещается от описательной к нормативной.

Такие размышления по поводу двойственной роли идеологии в экономике важны для разрешения вопроса о том, является ли эволюция идей постепенным процессом, характеризующимся зависимостью от прошлого

¹ Mayer T. The role of ideology in disagreements among economists: A quantitative analysis // J. of econ. methodology. – L., 2001. – Vol. 8, N 2. – P. 254.

² Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3 т. – СПб., 2001. – Т.1 – С. 49, 51.

³ Сэмюэлс У. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль. – М., 1981.– С. 665.

⁴ При этом я осознаю, как трудно провести здесь четкую границу, так как иногда «самая чистая» теория есть выражение политического идеала, а экономическую политику можно рассматривать с теоретической точки зрения.

пути развития, или он имеет скачкообразный и революционный характер: чем большую роль играет идеология и чем более ее функция смещается от описательной к нормативной, тем меньше вероятность скачкообразного изменения идей. Это так, поскольку подобный процесс может быть также описан как процесс уменьшающейся рациональности. По Куну, ученые совершают рациональный выбор между конкурирующими идеями, находясь в той или иной степени под влиянием «ценностей» и «совокупности убеждений»¹. Напротив, как показывает концепция Шумпетера о «преданалитическом познавательном акте», выбор экономиста между конкурирующими наборами идей всегда зависит от его мировоззрения. Если мы вновь обратимся от «чистой экономической теории» к «политической экономии» и идеям экономической политики, то здесь выбор между наборами идей в значительной степени определяется мировоззрением выбирающих, которое, в свою очередь, тесно связано с их социализацией. Так как социализация находится под сильным влиянием доминирующих культурных и религиозных традиций, то эволюцию мировосприятия можно рассматривать как процесс постепенный и характеризующийся зависимостью от прошлого пути развития.

Итак, моя рабочая гипотеза заключается в следующем: экономические идеи и в особенности идеи, касающиеся экономической политики, находятся между двумя полюсами – естественными науками и политической идеологией. Их эволюция определяется как рациональным выбором между конкурирующими идеями, так и «привычками мышления», распространенными в данном обществе. Процесс изменения идеологии можно описать так: когда общество сталкивается с серьезным экономическим кризисом, это часто приводит к дискредитации доминирующей экономической парадигмы, которая сменяется новой. Последняя может быть разработана группой местных экономистов, представляющих меньшинство, или импортирована извне. Вне зависимости от происхождения парадигмы в условиях кризиса она заменяет старую в относительно короткий период времени, и этот процесс можно назвать сменой парадигм.

В средне- и долгосрочном периодах важно откуда пришли новые идеи. Если новая идеология была разработана внутри общества, она будет, по крайне мере частично, отражать особенности местного образа мышления и поэтому будет совместима с ментальными моделями, рас-

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с. – С. 151–178. (Kuhn T. The structure of scientific revolutions. – Chicago, [1962] 1973. – P. 175).

пространенными в обществе¹. Если идеи пришли извне, то с течением времени изменяется их интерпретация в соответствии с исторически и культурно обусловленной системой представлений. Масштабы таких изменений зависят от двух факторов: во-первых, насколько данные идеи будут способствовать осуществлению связанных с ними надежд, а во-вторых, совместимы ли они с преобладающими привычками мышления.

То, что происходило в России в 1987–1991 гг., рассматривается в данной работе в основном как импорт западных экономических идей. Значительную роль играли также местные идеи и научные контакты с экономистами Центральной Европы. Как всегда при переходе от теоретических разработок к исследованию конкретных исторических обстоятельств, невозможно точно определить «вес» каждого фактора, влияющего на ход событий. Последние два источника идеологических изменений уже были детально проанализированы в соответствующей литературе², но, насколько мне известно, влияние западных экономических идей на падение советской идеологии еще подробно не рассматривалось. Главный тезис этого исследования заключается в том, что основной проблемой переходного периода было то, что Россия не стала благодатной почвой для западных идей, и причины этому следует искать как в дореволюционном, так и в социалистическом прошлом страны.

---

¹ Хорошим примером является немецкая концепция социальной рыночной экономики; см.: Zweynert J. Shared mental models, catch-up development and economic policy-making: the case of Germany after World war II and its significance for contemporary Russia. – Hamburg: Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (HWWA), HWWA discussion paper № 288 (будет опубликовано в: Eastern econ. journal. – 2006. – Vol. 32, №. 3).

² Среди местных идей значительную роль сыграла концепция нэпа, которая в определенный период была популярной среди советских экономистов. Роль ленинского наследия и программы нэп в дебатах периода перестройки детально проанализирована О. Дж. Банделином (Bandelin O.J. Return to the NEP – The false promise of Leninism and the failure of perestroika. – Westport (Conn.): Praeger., 2002). Влияние проникновения в Россию научной мысли из Центральной Европы на падение советской идеологии освещено в книге Филипа Хансона (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003). Хансон в особенности подчеркивает роль Института экономики мировой социалистической системы и его директора Олега Богомолова в импорте «еретических» экономических идей из Центральной Европы (с. 168–169). Главной задачей института было отслеживание экономического развития в странах Восточного блока. Сотрудники института были первыми, кто начал обсуждать идеи рыночного социализма еще до 1985 г., и выступили с радикальными идеями, когда началась дискуссия. Так, например, Николай Шмелёв, чья статья «Авансы и долги» будет обсуждаться далее, работал в этом институте в течение нескольких лет (см.: Hanson Ph. Some schools of thought in the soviet debate on economic reform // Berichte des BIOST. – Köln, 1989. – № 29. – P. 18).

В чем заключалась советская идеология?

Согласно широко распространенному мнению в основе советской идеологии лежали три постулата: вера в то, что марксизм-ленинизм правильно отражает социальную реальность; вера в демократический централизм (т.е. диктат КПСС); и вера в плановую экономику¹. Если согласиться с этой характеристикой, то попытки децентрализации процесса принятия экономических решений и ослабление монополии КПСС, предпринятые в 60-х годах при проведении косыгинских реформ, могли бы рассматриваться как отход от советской идеологии и зарождение процесса смены идеологических парадигм². Основная проблема при таком подходе заключается в том, что на протяжении всей истории Советского Союза содержание терминов «централизованное планирование» и «демократический централизм» менялось, и поэтому нелегко дать точное определение основным элементам советской идеологии³. Исходя из этого, политолог Нейл Робинсон⁴ предлагает иное определение советской идеологии. Он считает, что ее ключевыми элементами были не плановая экономика и не «демократический централизм», а достаточно своеобразная интерпретация истории: «Целостность советской идеологии происходила из идеи телоса коммунизма. Как составная часть идеологии, концепция те-

¹ См.: Schull J. What is ideology? Theoretical problems and lessons from Soviet-type societies // Polit. studies. – Guildford, 1992. – Vol. 40. – P. 728–741.

² Если следовать логике Дензау и Норта, то можно прийти к выводу, что 20 лет между 1965 г., когда были осуществлены реформы Косыгина, и 1985 г., когда Горбачёв пришёл к власти, являются периодом в течение которого «идеология постепенно меняется благодаря изменению значения терминов и концепций в других моделях, а также благодаря их иному употреблению в языке». (Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 25.). Было бы интересно изучить влияние косыгинских реформ на идеи перестройки, но это выходит за рамки данного исследования. Подробнее о реформах Косыгина и их интеллектуальной предыстории см.: Sutela P. Economic thought and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 70–73; Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – P. 101–108.

³ Очевидность данной проблемы следует из высказывания Джона А. Армстронга: «Существует, однако, другая сторона непризнанной открыто гибкости марксистско-ленинской доктрины. Так как базовые принципы могут быть подвергнуты пересмотру, то не существует догмы в прямом смысле этого слова. Руководство коммунистической партии определяет, что является правильным; те, кто придерживается другой интерпретации, даже если она была непререкаема ранее, становятся еретиками, и никакие ссылки на “классиков” не спасают их». Armstrong J.A. Ideology, polihics, and government in the Soviet Union. An introduction. – 4 th. – n.y., 1978. – P. 50.

⁴ Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system: A critical history of Soviet ideological discourse. – Aldershot: Elgar, 1995. – P. 20.

лоса – идея, что СССР шел по особому пути развития, – структурировала идеологию, так как формировалась партийную онтологию».

По моему мнению, было бы точнее говорить здесь не о коммунистическом, а о советском телосе, так как не только марксизм полагал, что Советский Союз опережал западные страны на исторически предопределенном пути развития. Корни этой идеологии уходят глубоко в историю религии и историю развития национальной мысли. Как я уже отмечал в своем исследовании российской экономической мысли XIX в.¹, в интеллектуальной истории мысли можно проследить холистическое представление о «целостном обществе», которое потенциально противоречило западноевропейскому образу жизни и образу мысли². Не имея возможности в данной работе привести подробнее свои аргументы, я хотел бы подчеркнуть, что марксизм имел благодатную почву в России, так как во многом соответствовал русской интеллектуальной традиции, на которую, в свою очередь, повлияло православие³.

По моему мнению, телеологическая интерпретация истории как пути к целостному обществу и ее роль в советской идеологии наилучшим образом могут быть представлены в терминах теории Имре Лакатоса⁴ о научно-исследовательских программах. Эти программы состоят из двух частей: общей теоретической гипотезы, иначе говоря, «жесткого ядра», и,

¹ Zweynert J. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Rußland, 1805–1905. – Marburg: Metropolis, 2002. Основные идеи можно найти в: Zweynert J. Patriotic legacies in Russian economic thought and their significance for the transformation of Russia's economy and society / Political events and economic ideas // Ed. by Barend I. et al. – Cheltenham: Elgar, 2004. – P. 263–274.

² См.: Buss A. E. The Russian-orthodox tradition and modernity. – Leiden: Brill, 2003. Во избежание неправильного понимания, я не заявляю, что Россия характеризовалась культурной гомогенностью и что представление о целостном обществе разделяли все российские мыслители. Наоборот, известно, что они делились на «западников» и «славянофилов», разделявших прямо противоположные мнения по данному вопросу. Такое разделение было характерно не только для России, его можно проследить во многих странах «догоняющего» развития. Нужно отметить, что либеральное или «западническое» крыло российского общества было всегда значительно слабее «славянофильского», что, на мой взгляд, объясняется влиянием Русской православной церкви.

³ В этом вопросе я частично не согласен с Пеккой Сутелой (Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 130), который полагает, что «в основе советской экономической мысли лежат представления о социалистической экономике Каутского и Ленина». На мой взгляд, корни советской идеологии необходимо также искать в древней русской мечте о целостном обществе, которая способствовала принятию «западного» марксизма.

⁴ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995.

так называемого «защитного пояса», состоящего из вспомогательных гипотез, которые дополняют ядро, а также базовых допущений. Определяющим моментом теории Лакатоса является то, что протагонисты не могут методологически опровергнуть ядро, или основную часть, программы¹. Согласно этой теории понимание истории как пути к холистическому обществу можно трактовать как жёсткое ядро советской идеологической программы, поскольку оно не могло быть предметом идеологических дискуссий². Можно было спорить по поводу того, как правильно двигаться от «фрагментарного» общества, основанного на отчуждении, к целостному обществу, но сама идея, что мировая история идет в этом направлении, сомнению не подвергалась³. В терминах Лакатоса централизованная экономика и «демократический централизм» были главными элементами защитного пояса советской идеологии. Начиная с 50-х годов растущие противоречия между существующей реальностью и официальной догмой инициировали непрерывные дискуссии об оптимальной степени централизма как в экономической, так и в политической сферах жизни общества. В 60-х годах и во второй половине 1980-х эти дебаты привели к попыткам осуществления экономической децентрализации в рамках системы плановой экономики.

Не противоречили ли эти дебаты и реформы, по крайней мере косвенно, советскому телосу, согласно которому характерной чертой исторического развития была все возрастающая гомогенизация общества? Конечно, противоречили, но здесь на спасение официальной идеологии

---

¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – С. 323.

² Как точно заметил Ханс-Юрген Вагнер, «невозможность полноценной интеллектуальной деятельности была обусловлена соблюдением табу: ядро идеологии, в особенности вопрос собственности, принцип планирования и ведущей роли партии (примат политики), были непрекаемы. Экономисты, следовавшие этому правилу, могли чувствовать себя свободно, хотя в реальности подчинялись мнению власти. ... Если кто-то шел вразрез с этим мнением, то он воспринимался как непонимающий идеологию во всей ее полноте и работающий в соответствии со своими частными интересами. Обвинить систему в несовершенстве было невозможно. Это было табу. Поэтому предполагалось, что можно улучшить систему, довести ее до совершенства» (Wagener H.-J. Between conformity and reform: economics under state socialism and its transition // Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. Wagener H.-J. – L.: Routledge, 1998. – Р. 12).

³ Однако ядро советской идеологии было защищено не только наказанием, следовавшим за посягательство на него. Так как оно относилось к будущему, его состоятельность нельзя было проверить опытным путем: любая критика отклонения реальности от идеала опроверглась тем, что реальность может быть несовершенна, но общество в любом случае движется в правильном направлении.

приходил другой элемент защитного пояса – диалектика, в соответствии с которой развитие происходит в результате взаимодействия противоположных сил. Таким образом, при определенных обстоятельствах децентрализация рассматривалась как средство, стимулирующее централизацию¹. Как мы увидим далее, это действительно соответствовало аргументации адептов перестройки.

Перестройка и советский телос

На Июньском пленуме 1987 г. ЦК КПСС заявил, что экономика является «ударным фронтом перестройки»². В своем докладе Михаил Горбачёв представил план «коренной перестройки управления экономикой». Ее необходимость была обусловлена возрастающим научно-техническим отставанием Советского Союза от западных промышленно развитых стран, которые уже «начали структурную перестройку экономики», тогда как «у нас научно-технический прогресс заморозился»³. Причина этого отставания была уже указана в Проекте новой редакции программы КПСС⁴. Не только в капиталистическом, но и в социалистическом государстве могли возникнуть противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Пришлось отказаться от догмы, сформулированной в 40-х годах, о том, что уже удалось достичь полного соответствия производительных сил и производственных отношений. Так как советское общество все еще находилось на пути к коммунизму, производительные силы продолжали развиваться, при этом отсталые производственные отношения тормозили их эволюцию.

Для преодоления стагнации Генеральный секретарь КПСС призвал «осуществить переход от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства на всех уровнях, к широкой демократизации управления, к всемерной активизации челове-

¹ К точно таким рассуждениям прибегали реформаторы 1960-х годов; см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – Р. 60.

² Центральный комитет КПСС: Основные положения коренной перестройки управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 72.

³ Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 27.

⁴ КПСС. Проект новой редакции программы Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1985.

ческого фактора»¹. Это касалось использования «товарно-денежных отношений» и внедрения «экономического соревнования». Сам Горбачёв затронул вопрос о расхождении экономической программы перестройки советской идеологией, поэтому нет оснований сомневаться в серьезности его заявления: «...то, что мы уже делаем, намечаем и предлагаем, должно укрепить социализм, устранить все, что стоит на пути развития социализма и тормозит его прогресс, раскрыть его огромный потенциал в интересах народа, привести в действие все преимущества нашего общественного строя, придать ему самые современные формы»². В то же время на интенциональном уровне не предполагалось, что идеология перестройки идет вразрез с советским телосом. Фактически же она несла неприменимые противоречия. Программа реформы предполагала инструментальный подход, являвшийся логическим продолжением советского телоса: Горбачёв и его экономические советники не имели ни малейшего сомнения по поводу способности партии привести в соответствие производственные отношения и производительные силы³. Параллельно с этим убеждением существовала уверенность в возможности сочетать рыночную и плановую экономики. Практика вскоре показала ошибочность такой позиции. Ход дискуссий по поводу экономических реформ 1987–1991 гг. показывает, как постепенно росли сомнения относительно опре-

¹ Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308), июль. – С. 25–47. – С. 31. Под сильным влиянием интеллектуального климата того периода экономисты, которые позже сыграют ключевую роль в перестройке – Л.И. Абалкин (1930), А.Г. Аганбегян (1932), Н.И. Петраков (1937), – начиная с 60-х годов выступали за «гуманизацию» экономической жизни. Типичным примером является цитата из книги Л. Абалкина «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества» (М.: Мысль, 1973. – С. 215–216): «Современный этап общественного развития отличается резким повышением роли так называемого человеческого фактора... Внедрение научной организации труда, осуществление строжайшего режима экономии, использование достижений научно-технической революции – все это требует новых привычек и традиций, глубоких изменений в социальной психологии людей». Теория возрастающего значения человеческого фактора становится официальной догмой при Горбачёве: в сентябре 1986 г. была опубликована сенсационная статья известного советского социолога Татьяны Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость» (Коммунист. – М., 1986. – 13 сент. – С. 61–73). Информацию о биографии Заславской можно почерпнуть в: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – Р. 261.

² Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308), июль. – С. 25–47. – С. 29.

³ Пекка Сутела и Владимир Май говорят об «иллюзии объективности» (objectivity illusion), характерной для ключевых фигур перестройки (Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case / Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. by Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – Р. 36).

деляющей роли Коммунистической партии в развитии экономики, и в конце концов, было признано существование экономических законов, независящих от политической воли.

Ранние дебаты в «Вопросах экономики»

В 1986 и 1987 гг. большинство советских экономистов все еще обслуживали политические интересы правящей партии, в меньшей степени по причине политического давления (хотя, возможно, и это имело место), а в большей степени из-за сложившихся за десятилетия советской власти моделей поведения и мышления. Таким образом, именно партийный тезис о «коренной перестройке управления экономикой» предопределил вопросы для обсуждения в профессиональной экономической среде. Какова природа основных противоречий социализма и как они могут быть разрешены? Какие уроки можно извлечь из опыта развития капиталистических стран? Каков оптимальный баланс между административными и экономическими методами управления?

Экономическое противоречие социализма

Сразу после публикации Проекта новой редакции программы КПСС в «Вопросах экономики» началась дискуссия об «экономических противоречиях социализма»¹. В ходе дебатов по данной теме была опубликована по крайней мере двадцать одна статья. С одной стороны, та активность, с которой научное сообщество воспользовалось шансом обменяться мнениями по данному закрытому для обсуждения в течение десятилетий вопросу, определенно показывает желание преодолеть идеологические барьеры прошлого. С другой стороны, дискуссия выявила тот печальный факт, о котором Леонид Абалкин², один из инициаторов обсуждения, сказал, что «игра в слова» и «определения» стала основным занятием советских экономистов³. В данном контексте дебаты показали, как написал в 1987 г. А.И. Анчишкин, что «экономическая наука да и обще-

¹ Куликов В.В. Противоречия экономической системы социализма как источник ее развития // Вопр. экономики. – М., 1986. – № 1. – С. 117–128.

² Абалкин считается наиболее выдающимся советским экономистом эры Горбачёва. Краткую биографическую справку о нем можно найти в ст.: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – P. 260–261.

³ Абалкин Л.И. Экономические противоречия социализма: (К итогам дискуссии) // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 5. – С. 3–13.

ственные науки в целом оказались не готовыми к ответу на вопросы, поставленные XXVII съездом партии, Январским (1987 г.) пленумом, всем ходом нашего развития»¹. Тем не менее в ходе дискуссии впервые было выдвинуто предположение, что проблемы советской экономики могут корениться в конфликте между бюрократической формой организации и некоторыми «естественными» экономическими законами². Один из авторов позволил себе критиковать даже основу советского телоса: «Необходимо преодолеть метафизические представления о способах развития, о существе развития как процессе разрешения противоречий»³. Это действительно была атака на святая святых, и поэтому совершенно нетипичное заявление для 1987 г.⁴

Ценообразование

Попытка перейти от философских дебатов к специфическим экономическим проблемам была продемонстрирована в обсуждении «Комплексного решения проблем планового ценообразования», открытом Николаем Петраковым, ведущим экономистом перестройки, в первом номере «Вопросов экономики» за 1987 г. То, как он предлагал осуществлять идеологические новации, было типичным для первых двух лет перестройки: а именно, ссылаясь на Маркса, который заявлял, что социальные потребности (т.е. спрос) определяют объем общественного труда, затрачиваемого на производство продукта. Из этого следовало, что советских экономистов, игнорировавших факторы спроса, можно обвинить в

---

¹ Цит. по: Экономическая теория и практика перестройки // Коммунист. – М., 1987. – № 5. – С. 35.

² Например, Юрий Пахомов и Виталий Врублевский писали, ссылаясь на опыт 70-х и 80-х годов, что «экономические законы, если с ними не считаться, “мстят” за это, приводят к весьма тяжелым социально-экономическим последствиям» (Пахомов Ю.Н., Врублевский В.К. Формирование и разрешение экономических противоречий социализма // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 3. – С. 90).

³ Ракитский Б. Проблемы перестройки политической экономики социализма // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 22.

⁴ Статья Ракитского спровоцировала острую реакцию Кайзина и Хубиева, которые защищали от нападок Ракитского сталинский учебник «Политическая экономия» 1954 г. издания. См.: Хубиев К., Кайзин А. Основная структура экономической системы социализма в условиях его всестороннего совершенствования // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 6, Экономика. – М., 1988. – № 3. – С. 11–22.

отступлении от догмы¹. Тем не менее дискуссия все еще касалась «совершенствования калькуляции плановых издержек производства», а не перехода к рыночным ценам². Несмотря на это, экономисты часто употребляли термин «радикальный», все еще веря в то, что административные меры могут обеспечить более рациональное использование факторов производства.

Однако некоторые авторы по крайней мере отмечали последствия определения цены на основе спроса. Один из участников дискуссии, в частности, заметил, что в плановой экономике цены не могут выполнять их основную функцию, а именно «выводить... малоэффективных изготовителей из сферы создания общественного продукта»⁴. Другой экономист обвинил своего консервативного коллегу, обеспокоенного возможностью нарушения равновесия плановой экономики при либерализации розничных цен, в том, что его больше беспокоит сбалансированный план, а не рыночное равновесие⁵.

Дискуссия о ценообразовании вызвала резкий протест консервативного «лагеря». Один из авторов самоотверженно защищал догму о том, что цены при социализме не могут отражать ничего, кроме «общественно необходимых затрат», и полагал, что вся эта дискуссия «надуманная»⁶. Неудивительно, что Госплан, используя свое собственное издание «Плановое хозяйство», тоже активно противостоял реформе ценообразования. Не было случайным совпадением, что параллельно с дискуссией о ценах, развернувшейся в «прогрессивном» тогда журнале «Вопросы экономики», Анатолий Дерябин, консерватор, бывший заведующий отдела в

¹ Петраков Н.И. Плановая цена в системе управления народным хозяйством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 1. – С. 44–45.; см. также: Гатовский Л.М. Стоимость и потребительская стоимость в условиях интенсификации // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 6. – С. 15–24.; Бороздин Ю.В. Закон стоимости и цена в социалистическом хозяйстве // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 62–77.

² Петраков Н.И. Плановая цена в системе управления народным хозяйством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 1. – С. 51.

³ Вместо того чтобы выдвигать конкретные предложения, некоторые авторы туманно формулировали необходимость с этической точки зрения «демократизации процесса ценообразования» (Комин А.Н. Перестройка ценового хозяйствования // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 3. – С. 114).

⁴ Ефремов В.А. Цены в системе планового управления производством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 6. – С. 52–60.

⁵ Бороздин Ю.В. Закон стоимости и цена в социалистическом хозяйстве // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 69.

⁶ Кондрашев Д.Д. Вопросы совершенствования ценообразования // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 1. – С. 96.

Институте экономики Академии наук, призывал к «сохранению достоинств советской системы цен»¹.

Новый официальный учебник политической экономии и дебаты по поводу социалистической формы собственности

Экономические дебаты получили новый стимул с публикацией в феврале 1988 г. нового официального учебника политической экономии, написанного коллективом авторов под руководством В. Медведева² и в тесном сотрудничестве с Л. Абалкиным и А. Аганбегяном³. В самом начале книги читатель узнает, что основные задачи экономической науки – выявление законов развития общества⁴, и «отрицание законов равнозначно отрицанию науки, ее способности выявить за внешней хаотичностью явлений их внутреннюю связь и логику»⁵. При всей своей «прогрессивности» авторы были полностью убеждены в том, что история представляет собой «движение к социализму», или, иначе говоря, социальное развитие всегда характеризуется «прогрессом человеческой цивилизации»⁶.

В наши дни было бы ошибкой называть этот учебник консервативным, так как, несмотря на защиту ядра советской идеологии, он отошел от ряда догм, формировавших ее защитный пояс. Особое внимание было уделено «социалистической собственности». Структура учебника была представлена в «Вопросах экономики», где также началось его обсуждение. В ходе дискуссии Геннадий Горланов приравнял институт общественной собственности к бюрократизму, что, по его мнению, и привело к отходу от социализма⁷. Этот тезис был поддержан Гавриилом Поповым, в то время редактором «Вопросов экономики»: «...на практике чувство хозяина у каждого трудящегося не стало единственной компенсацией уничтоженного частного интереса. Таким образом, возникло положение, при котором социалистическая собственность не имеет настояще-

¹ Дерябин А.А. Совершенствование системы цен // План. хоз-во. – М., 1987. – № 1. – С. 81.

² Биографическая справка: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – Р. 97–98.

³ Биографическая справка: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – Р. 259–260.

⁴ Политическая экономия: Учебник для вузов / Под ред. Медведева В.А. – М., 1988. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 731.

⁷ Горланов Г.В. Экономическое содержание общенародной собственности и механизм ее реализации // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 3. – С. 34–41.

го хозяина – ни в лице трудящихся, ни в лице аппарата. Это стало базисным противоречием нового строя¹. Если государственная собственность была главной причиной противоречий в социалистическом обществе, то попытка осуществить коренные экономические реформы, не меняя базовую структуру собственности, была «иллюзией»². Большинство советских экономистов тем не менее все еще верили, что «социалистическую отчужденность» можно преодолеть посредством реформы социалистической собственности. При этом призывы к переходу к «общенародной собственности», которая не будет «подавлять личность работника»³, обычно не сопровождались конкретными предложениями по обеспечению этого перехода.

Ко второй половине 1988 г. стали очевидны противоречия между такими призывами и реальным кризисом советской экономики. Однако перед тем как перейти к рассмотрению окончательного провала советской экономической идеологии, мы проанализируем, как идеология, которая вскоре должна была заменить марксистскую догму, стала предметом обсуждения в советской экономической среде.

Проникновение западных либеральных идей

Проникновение либеральных идей в советскую экономическую мысль происходило в основном по двум каналам. Во-первых, посредством дискуссии о структурных изменениях в капиталистической экономике в академическом журнале «Мировая экономика и международные отношения» «(МЭ И МО)». Во-вторых, через такие либеральные газеты и журналы, как «Литературная газета» и «Новый мир».

Обсуждение реформ в странах Запада на страницах «МЭ и МО»

«МЭ и МО» издавался и издается Институтом мировой экономики и международных отношений РАН, основанном в 1956 г. – в начале периода

¹ Попов Г. Дискуссия о проблемах бюрократизма // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 12. – С. 4.

² Куликов В.В. Общественная собственность и демократизация экономической жизни // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 5. – С. 53.

³ Абалкин Л.И. Социалистическая собственность: проблемы перестройки: (По материалам доклада института РАН) // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 4. – С. 85.

оттепели. В годы правления Брежнева журнал предоставлял возможность ученым высказывать точку зрения, отличную от официальной. Главная задача института – освещать экономическое развитие в капиталистических странах – давала возможность его сотрудникам изучать темы и литературу, недоступные для других¹. В октябре 1986 г. на страницах «МЭ и МО» развернулась дискуссия «Государственное регулирование и частное предпринимательство в капиталистических странах: эволюция взаимоотношений», которая продолжалась два с половиной года. В коротком прологе Виктор Кузнецов наметил проблемы для обсуждения. С начала 1980-х годов в западных странах имела место волна приватизации, которая, без сомнения, позволила стимулировать экономический рост. Кузнецов заявлял, что советские экономисты не должны игнорировать новые факты, и «было бы неправильно пытаться насилием втиснуть эти факты в теоретические схемы, которые способны объяснить их лишь частично или неудовлетворительно»².

В ходе данной дискуссии впервые главные принципы советской идеологии были подвергнуты сомнению. Те, кто верил в правильность марксистских догм и чья вера подкреплялась возрастающим вмешательством государства в экономику западных капиталистических стран, которое имело место в 70-х годах, испытывали «теоретический дискомфорт»³. Предметом дискуссии стал вопрос о том, является ли реприватизация краткосрочным феноменом, отражающим неоконсервативную моду, или же за ней стоят объективные причины, присущие капиталистической экономике в целом. Большинство авторов «МЭ и МО» считали реприватизацию «наиболее естественным»⁴ путем решения проблем капиталистических стран, вызванных политикой полной занятости, проводимой в 70-х годах. По словам Якова Певзнера, «прежние требования национализации носили временный и конъюнктурный характер, тогда как нынеш-

¹ Свободное владение языками работников института способствовало тому, что они были лучше знакомы с западными экономическими системами и западной экономической литературой, чем рядовой сотрудник Академии наук.

² Кузнецов В.И. Почему реприватизация? // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 10. – С. 87.

³ Капельщиков Р.И. Реприватизация и теория обобществления // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 1. – С. 71.

⁴ Осадчая И.М. Сдвиги в концепции и практике государственного регулирования экономики // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 12. – С. 101; а также: Коллонтай А.В. Реприватизация – звено в общем перераспределении экономических функций // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 4. – С. 81.

ний поворот основан на более объективной оценке действительности...»¹ Такого рода высказывания не остались без внимания со стороны представителей так называемого консервативного лагеря. Ряд авторов попросту отрицали тот факт, что массовая приватизация имела место в странах Запада², или подчеркивали ее временный характер³.

Значение дискуссии о структурных изменениях в экономике капиталистических стран имела особый смысл, так как о проблемах советской экономики говорилось под видом критики западного «государственного-монополистического» капитализма. Это становится очевидным, если мы обратимся к статье Виктора Студенцова «Буржуазная национализация и приватизация в механизме государственно-монополистического капитализма», которая и открыла данное обсуждение. Студенцов заявлял, что даже самофинансирование не оградит госпредприятия от государственного вмешательства, так как нереалистично надеяться, что оно уменьшит политическое вмешательство в национализированный сектор экономики⁴. В своих предварительных выводах по итогам дискуссии, опубликованных в январе 1989 г. в «МЭ и МО», Виктор Студенцов так ответил на вопрос: «Политическая власть или экономический закон?», который возник в ходе дебатов о противоречиях социализма: государственное регулирование «эффективно срабатывает лишь там и тогда, где и когда корректирует, но ни в коем случае не игнорирует и не попирает мотивы рыночных агентов. ...Если государственные меры идут вразрез с интересами хозяйственных агентов, последние либо их проигнорируют, либо изыщут пути обхода»⁵.

---

¹ Певзнер Я. Государственная собственность как часть системы экономического регулирования // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 3. – С. 59.

² Шапиро А.Л. Демонтажа ГМК не было и нет // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 6. – С. 82–88.; а также: Мочерний С.В. К вопросу об исторической перспективе государственно-монополистического капитализма // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 7. – С. 94–98.

³ Паньков В.С. Дeregulирование и эволюция хозяйственного механизма ГМК // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 4. – С. 72–76.; а также: Гнатовская Н. Приватизация – экономическая политика // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 12. – С. 114–116.

⁴ Студенцов В.Б. Буржуазная национализация и приватизация в механизме государственно-монополистического капитализма // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 10. – С. 93.

⁵ Студенцов В.Б. Сдвиги в государственном регулировании и экономическая роль государства // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1989. – № 1. – С. 8.

Дебаты в массовых печатных изданиях

Для того чтобы понять разницу между дискуссией в массовых печатных изданиях, с одной стороны, и в научных экономических журналах – с другой, нужно вспомнить, что политическая экономия была одной из самых идеологизированных академических дисциплин, и поэтому вероятность того, что данная наука привлечет оппозиционно мыслящих студентов (будущих научных работников) была минимальна¹. Несогласные с официальной доктриной практически не могли сделать успешную карьеру в экономической науке. Такое положение вещей объясняет почему в таких изданиях, как «Новый мир» и «Литературная газета», экономические проблемы обсуждались в более радикальной манере, чем в специализированных экономических журналах («МЭ и МО» можно позиционировать между этими двумя типами изданий).

В мае 1987 г., накануне Июньского пленума, в «Новом мире»² было опубликовано сенсационное письмо редактору под провокационным названием «Где пышнее пироги?», в котором Лариса (Попкова) Пияшева³, в то время кандидат экономических наук⁴, опровергла все идеологические принципы, лежащие в основе концепции перестройки: «У меня есть некоторый опыт изучения “третьего пути”, по которому пробовали вести свои страны западноевропейские социал-демократии в послевоенные десятилетия. “Социал-демократическое десятилетие” со всей наглядностью подтвердило правильность ленинского убеждения, что третьего

¹ Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case / Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. by Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – P. 37. Сутела и Мао говорят даже об «отрицательном с точки зрения развития науки отборе студентов в вузы на специальности, связанные с социальными науками».

² Уже во второй половине 50-х и в 60-х годах «Новый мир» был самым либеральным журналом и часто использовался экономистами для публикации реформаторских предложений (см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 74–75).

³ Лариса Пияшева публиковала свои статьи под псевдонимом Попкова, а иногда Попкова-Пияшева, что было причиной недоразумений: один из ее критиков (Вебер А.Б. Вот такие пироги // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1989. – № 8. – С. 122–124.) пытался выявить различия во взглядах Л. Попковой и Л. Пияшевой. Тот факт, что она предпочла опубликовать свою первую радикальную статью в 1987 г. под псевдонимом, можно расценивать как знак того, что свобода мнений в Советском Союзе все еще подавлялась. Однако, на мой взгляд, надо быть осторожным с такими выводами, так как и сотрудники западных исследовательских институтов имели бы все основания прибегнуть к псевдониму, если бы они выступали с призывами к социалистической революции на страницах газет.

⁴ Она подчеркнула этот факт, подписав свое письмо «Лариса Попкова, к.э.н.».

не дано. Нельзя быть немножко беременной. Либо план, либо рынок, либо директива, либо конкуренция»¹.

Там, где был опробован «третий путь», как в некоторых социалистических странах, стало очевидно, что «где больше рынка, там пышнее пироги». Таким образом, Советский Союз шел ошибочным историческим путем, а капитализм еще не достиг своего расцвета: «И западные социалисты, и наши товарники считают, что эра чисто рыночной экономики безвозвратно ушла в прошлое. Я же иногда думаю, что западный мир только еще стоит на ее пороге, он в самом начале пути. Свободное предпринимательство было долго придушено остатками феодализма и деятельности всякого рода утопистов, из-за чего XX век оказался таким кровавым, – придушено, но, как мне кажется, не задушено, у него есть сердце будущее, нравится это нам или не нравится. Реальности надо смотреть в глаза»².

Ирония истории заключается в том, что книга «Экономический неоконсерватизм: Теория и международная практика», написанная совместно Пияшевой и ее мужем Борисом Пинскером, была опубликована в рамках книжной серии «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». При этом в ней авторы подвергли критике такие явления, как «национал-социализм», «социал-реформизм», «социальная рыночная экономика ФРГ», а также другие формы социальной организации, в какой либо форме ограничивающие экономическую свободу³. В ряде статей, опубликованных в 1988–1990 гг., Пияшева и Пинскер призывали к проведению радикальных экономических реформ и рисовали красочную картину капиталистического будущего России⁴. Частью этой картины было то, что «кто-то, к примеру, в типографию вложит и будет литературу по экономи-

¹ Попкова Л.И. Где пышнее пироги? // Новый мир. – М., 1987. – № 5.– С. 238.

² Там же. – С. 241. Ее муж Борис Пинскер сформулировал ту же идею следующим образом: «В середине 70-х годов стал оправданным старый приговор: углубление общего кризиса капитализма. Только вызван был кризис вовсе не анархичностью конкуренции, а ростом государственных расходов и усилившим роль государства в социальной и экономической жизни». (Пинскер Б.С. Бюрократическая химера // Знамя. – М., 1989. – № 11. – С. 187).

³ Пияшева Л.И., Пинскер Б.И. Экономический неоконсерватизм: Теория и международная практика. – М., 1988. – С. 4. По перечисленным критикуемым явлениям нетрудно догадаться, кто вдохновил Пияшеву и Пинскера. В интервью, которое они дали Филиппу Хансону в 1990 г., они признались, что являются поклонниками идей Хайека с того момента, когда впервые познакомились с его работами (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – Р. 213).

⁴ См.: Пинскер Б.С., Пияшева Л.И. Собственность и свобода // Новый мир. – М., 1989. – № 11. – С. 184–198.

ческому либерализму издавать – Ф. Хайека да М. Фридмана или учебник Поля Самуэльсона¹. Политические рекомендации, вытекающие из таких предложений в 1990 г., конкретизировал Пинскер: «Итак: одномоментная либерализация всех цен и широкомасштабная приватизация, принудительная раздача 60–70 процентов производительной собственности в первый же месяц реформы есть единственный способ совершить реформу с минимальным риском для социального и политического равновесия»².

Главный тезис Пияшевой и Пинскера о несовместимости рынка и плана лег в основу дискуссии, развернувшейся в массовой прессе³. В статье «Авансы и долги», опубликованной в июне 1987 г., Николай Шмелёв заявил, что нарушать экономические законы «также непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле»⁴. Интересно, что, атакуя догму полной занятости, Шмелёв ссылается на концепцию естественной безработицы Милтона Фридмана, но неверно интерпретирует ее, как число «ищущих или меняющих место работы»⁵. Эта статья является также поразительным примером того, как марксистская терминология просачивалась в неолиберальные работы российских авторов: Шмелёв заявлял, что для увеличения эффективности труда необходима «сравнительно небольшая резервная армия труда».

Закат советской идеологии

В 1989 и 1990 гг. три фактора способствовали отказу от советской идеологии: нарастающий кризис советской экономики, влияние западных неолиберальных идей и «бархатные» революции в странах Центральной

¹ Пияшева Л. Как мы будем жить в условиях рынка? Прогноз оптимиста // Литературная газ. – М., 1990. – 30 мая. – № 22 (5296). – С. 10.

² Пинскер Б.С. Иллюзия мягкой посадки // Литературная газ. – М., 1990. – 18 сент. – № 38 (5312). – С. 11.

³ Левиков А. Как преодолеть изобилие дефицита: Цена и рынок // Литературная газ. – М., 1988. – 14 дек. – № 50 (5220). – С. 10; Селонин В. Чёрные дыры экономики // Новый мир. – М., 1989. – № 10. – С. 153–178.; Селонин В. Последний шанс // Литературная газ. – М., 1990. – 2 мая. – № 18 (5292). – С. 2.

⁴ Шмелёв Н. Авансы и долги // Новый мир. – М., 1987. – № 6. – С. 157.

⁵ Там же. – С. 148. Это определение фрикционной безработицы, которая является лишь частью естественного уровня безработицы (*NAIRU*). Другой автор С. Ершов в статье, опубликованной в «Литературной газете» в 1989 г., ссылался на концепцию *NAIRU*, выступая против политики полной занятости (Ершов С. Полная занятость: обещает ли она оздоровление экономики? // Литературная газ. – М., 1989. – 2 авг. – № 31 (5253). – С. 11).

Европы и в ГДР¹. В 1989 г. стало очевидно, что перестройка не выполнила задачи повышения уровня жизни населения². Острая нехватка товаров народного потребления, а также ухудшение и других экономических показателей привели к необходимости чрезвычайных мер. Частично был восстановлен административный контроль, в частности, над потребительскими ценами и заработной платой. Также была предпринята неудачная попытка ужесточения финансовой дисциплины. Экономический спад подтвердил предположения либеральных экономистов о несовместимости рыночной и плановой систем. В результате возврата к административному контролю возникло осознание того, что перестройка может разделить судьбу косыгинских реформ 1960-х годов³.

Как было упомянуто выше, отдельная глава в новом учебнике по политэкономии, изданном в 1988 г., была посвящена «социалистическому рынку». Обсуждение этого экономического феномена началось в «Вопросах экономики» в июле того же года в достаточно консервативной статье Алексея Емельянова, где он утверждал, что рыночные элементы должны всегда подчиняться институтам централизованного планирования⁴. В «МЭ и МО» появились два критических комментария на статью Емельянова, где авторы, обсуждая рынок, уже не употребляли прилагательное «социалистический», а один из них охарактеризовал рынок как «одно из величайших достижений человеческой цивилизации»⁵.

¹ В марте 1988 г., накануне «бархатных» революций в Центральной Европе, в Венгрии (*Gyur*) состоялась конференция «Альтернативные модели социалистических экономических систем» с участием советских экономистов, экономистов из социалистических стран, а также западных экономистов (включая иммигрантов из стран ЦВЕ). Конференция была посвящена реформам, проводимым в рамках социалистической системы. Филип Хансон, осветивший эту конференцию в своей книге (Hanson Ph. *The rise and fall of the Soviet economy.* – L., 2003. – P. 214), подчеркивает ее роль в осознании иллюзорности идеи рыночного социализма в СССР.

² По данным ЦРУ в 1986, 1987 и 1988 гг. в СССР наблюдалась скромный рост ВВП и даже значительное улучшение производительности труда. Однако в 1989 г. оба показателя приняли отрицательное значение. (CIA, *Measuring Soviet GNP: Problems and solutions.* – Wash, 1990.)

³ Шмелёв Н.П. Об экстренных мерах по предотвращению раз渲ла советской экономики // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 1. – С. 19–25.

⁴ Емельянов А.М. Экономический механизм и социалистический рынок средств производства // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 7. – С. 19–25.

⁵ Певзнер Я. Новое мышление и необходимость новых подходов в политической экономии // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 6. – С. 5–22.; Шейнис В.Л. Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 9. – С. 16.

В ходе дебатов, по словам Альберта Рывкина, стало очевидно, что в советской экономике больше не существовало «единой теории, с которой были бы согласны все экономисты»¹. За год до этого, в 1988 г., Виктор Шейнис призвал к созданию «новой общеориентической парадигмы», которая бы позволила «увидеть окружающий нас мир таким, каков он есть, представить, каким он может стать завтра, и отдать себе отчет в том, каким он ни завтра, ни послезавтра заведомо стать не сможет»². Его слова показывают, что причина растущих расхождений теоретических взглядов и политических рекомендаций лежит в возможности по-разному интерпретировать направление исторического развития. Итог был подведен Валерием Радаевым и Александром Аузаном в сентябре 1989 г.: «Пройденный социализмом путь образно можно представить и как отрезок прямой, и как зигзаг, и как тупик. Отсюда и стратегия преодоления кризиса оказывается различной: продление, “совершенствование” элементов положительного опыта, накопленного в предыдущих фазах; признание результатов проделанного движения и отказ от методов их достижения в новых формах развития; “отбуксовка” назад и поиск новой дороги от данной исторической “развилки”»³. Если советскую историю можно было интерпретировать «и как отрезок прямой, и как зигзаг, и как тупик», то это означало, что ядро советской идеологии треснуло. Однако для понимания особенностей дальнейшей дискуссии важен тот факт, что хотя уверенность в том, что страна идет по пути социализма, была подорвана, но вера в то, что существуют «объективные законы» исторического развития, оставалась сильной.

Как показано выше, экономисты периода перестройки, видевшие себя продолжателями реформ 60-х годов, изначально надеялись на то, что плановую экономику можно усовершенствовать. В дальнейшем экономический кризис сделал очевидным необходимость рынка и для них. При этом они продолжали придерживаться концепции, согласно которой рыночные элементы могут быть встроены в социалистическую систему⁴.

¹ Рывкин А.А. Экономическая теория и реальность // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 1. – С. 130.

² Шейнис В.Л. Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства. // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 9. – С. 5.

³ Радаев В.А., Аузан А.А. Социализм: Возможные варианты // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 9. – С. 116.

⁴ Так же как в ходе обсуждения вопросов «товарно-денежных отношений» и «социалистической собственности», они заявляли, что социалистический рынок не противоречит социализму и изначально «буржуазный» феномен «реализуется в специфических для

Без преувеличения можно сказать, что статья Леонида Абалкина «Рынок в экономической системе социализма», где он говорит о будущем социализма, явилась лебединой песней идеологии перестройки: «Экономическая система, которая должна сложиться в результате перестройки, призвана сочетать: наивысшую эффективность производства с гуманистическими целями его развития;... возрождение кооперации и широкое развитие кооперативных начал с укреплением и обновлением общенародного сектора экономики; становление социалистического рынка, усиление его воздействия на производство с улучшением методов централизованного планового управления»¹.

Эти заявления могли бы звучать убедительно, если бы они были озвучены в более или менее стабильной ситуации предшествующего периода, но в 1989 г. стало очевидно, что страна находится в преддверии серьезнейшего кризиса, преодолеть который с помощью политических лозунгов невозможно. Резким ответом Абалкину и Петракову стала статья Евгения Ясина «Социалистический рынок или ярмарка иллюзий?», опубликованная «в дискуссионном порядке»² в октябре 1989 г. в официальном органе КПСС журнале «Коммунист»: «Пора отрешиться от иллюзий: легкого пути решения стоящих перед страной экономических проблем не существует. Мы подошли к тому порогу, когда нужны решительные, хотя и болезненные, непопулярные меры, когда их осуществление откладывать больше нельзя, ибо чем дальше, тем тяжелее будет операция»³. Меры, предложенные Абалкиным и Петраковым, были, по мнению Ясина, недостаточными, так как в них не хватало «ключа, который соединил бы все в целостную программу»⁴. Этим ключом были свободные цены: «Свободные цены вкупе с самостоятельностью предприятий и

Продолжение сноски со с.59
социализма формах» (Абалкин Л.И. Рынок в экономической системе социализма // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 7. – С. 5). Николай Петраков также полагал, что социализм не призван «разрушить рынок, а управлять им» (Петраков Н.И. Актуальные проблемы формирования рынка в СССР // Этот трудный, трудный путь: экономическая реформа / Под ред. Абалкина Л.И. – М.: Мысль., 1989. – С. 138–139).

¹ Абалкин Л.И. Рынок в экономической системе социализма // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 7. – С. 3.

² Ввиду радикальности статьи редакторы посчитали необходимым указать, что «оценки и предложения, представленные в статье, выражают личное мнение Е. Ясина».

³ Ясин Е. Социалистический рынок или ярмарка иллюзий? // Коммунист. – М., 1989. – № 15 (1349). – С. 53.

⁴ Там же. – С. 54.

прямыми хозяйственными связями – это минимум, с которого начинается рынок»¹.

Другое табу было нарушено, когда в уже упомянутой статье Альберт Рывкин атаковал интеллектуальных отцов косыгинских реформ 60-х годов, на которых неоднократно ссылались не только Горбачёв², но и ведущие экономисты перестройки Аганбегян, Абалкин и Петраков. Рывкин полагал, что твердая вера Канторовича, Немчинова и Новожилова в возможность «оптимизировать» социалистическую экономику, внедрив методы линейного программирования, была сомнительной попыткой «социального инжиниринга»³. Он также считал, что эта вера, типичная не только для советских, но также и для весьма влиятельных западных экономистов, таких, как Пол Самуэльсон, достигла экстремальных проявлений в «экономико-математической школе»⁴. Убежденность автора в невозможности построения совершенного социально-го механизма явно отражала идеи Поппера и Хайека, хотя Рывкин впрямую не ссыпался на них.

---

¹ Ясин Е. Социалистический рынок или ярмарка иллюзий? // Коммунист. – М., 1989. – № 15 (1349). – С. 54. Реакция Ясина не была исключением. В первой половине 1990 г. ряд авторов заявляли, что программа перестройки в целом доказала свою иллюзорность, так как рынок и план несовместимы. См.: Куликов В.В. Общественная собственность и демократизация экономической жизни // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 5. – С. 47–60 Логинов В.П. Есть ли выход из кризиса? (Итоги экономического развития за четыре года пятилетки) // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 4. – С. 3–14; Бородин Ю.В. О некоторых вопросах становления рыночной экономики // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 7. – С. 20–32.

² Горбачёв М.С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 25–47. – С. 28.

³ Рывкин А.А. Экономическая теория и реальность // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 1. – С. 130–141.

⁴ Там же. – С. 141. Эта оценка кажется абсолютно оправданной. Так, Василий Немчинов писал в 1962 г.: «Сейчас особенно важно, чтобы экономисты стали социальными инженерами, а экономическая наука – точной наукой... Экономист должен уметь настраивать механизм управления общественным производством и регулировать работу этого механизма. Лишь в этом случае он будет отвечать предъявляемым к нему требованиям» (Цит. по: Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. – М., 1962. – С. 5). Самуэльсон без сомнения оказал большое влияние на идеи экономистов-математиков ЦЭМИ. Филип Хансон (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – P. 97), который посетил ЦЭМИ в 1964 г., описывает институт «как комнату с несколькими стульями и столами, где работают блестящий экономист Виктор Волконский и группа молодых женщин-математиков, вооруженных копиями книги Самуэльсона “Основы экономического анализа” и англо-русскими словарями».

Смена парадигм или эволюционное развитие?

С 1989 г. идеи ведущих мыслителей-экономистов, чьи труды сформировали предпосылки для неоконсервативной революции в Великобритании и США, начали проникать в советские экономические журналы. Идеи Фридриха Августа фон Хайека были освещены с большой симпатией Наталией Макашёвой¹ в «Вопросах экономики», а в декабре в «МЭ и МО» появился перевод его работы «Конкуренция как процедура открытия»². Параллельно Гавриил Попов познакомил читателей с основными идеями Милтона Фридмана в «Вопросах экономики», за чем последовала анонимная весьма положительная рецензия на «Избранные труды М. Фридмана», а в июле 1990 г. «Новый мир» напечатал на своих страницах первую часть русского перевода труда Хайека «Дорога к рабству»³.

Очевидно, что в советской экономической мысли старые догмы были «заменены целиком или частично на несовместимую с ними новую». Это следует не только из содержания советских экономических журналов. В 1990 г. Винсент Барнетт провел исследование отношения к рынку советских и британских экономистов, результаты которого ясно показали, что, несмотря на все еще существовавшую «приверженность и к социализму, и к плану»⁴, 95% советских экономистов по сравнению с 66% британских полностью или частично были согласны с тем, что «рынок является лучшим механизмом регулирования экономической жизни», а также в большей степени поддерживали идею радикальной приватизации⁵.

На мой взгляд, хотя определенно произошла смена парадигм, можно показать, что революция и зависимость от прошлого пути развития не обязательно являются взаимоисключающими. Это становится очевидным, если мы рассмотрим развитие экономической мысли в России в 1992–2002 гг. Важно подчеркнуть, что интерпретацию западных либе-

¹ Макашёва Н.А. Фридрих фон Хайек: мировоззренческий контекст экономической теории // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 4. – С. 146–156.

² Публикацию сопровождала статья Ростислава Капелюшникова «Философия рынка по Хайеку».

³ В предисловии к русскому изданию Хайек упоминает, что его книга уже издавалась на русском языке в 1982 г., однако я не смог узнать какие-либо подробности об этом издании.

⁴ Barnett V. Conceptions of the market among Russian economists: A survey // Soviet studies. – Glasgow, 1994. – Vol. 44, № 6. – P. 1093.

⁵ Ibid. – P. 1094.

ральных идей в значительной степени определяли интеллектуальные традиции социалистического и дореволюционного прошлого страны. Типичным примером восприятия российскими либеральными экономистами идей монетаризма является выше упомянутая публикация Гавриила Попова, посвященная Милтону Фридману. Первым ключевым элементом такой интерпретации был тезис о том, что в 70-х годах и капитализм, и социализм столкнулись по сути с одинаковыми проблемами, и монетаризм предложил способ их решения: «Казавшееся первоначально совершенно “ископаемым”, “патриархальным”, “ностальгическим”, это направление (монетаризм) стало привлекать все большее внимание по мере того, как к концу XX в. в обеих социальных системах – и капиталистической, и социалистической – стали все яснее становиться безусловные пределы централизованного руководства человеческим обществом, противоречия, опасности и тупики централизма»¹. Второй ключевой элемент – это убежденность в том, что монетаризм дает правильную интерпретацию исторических законов, определяющих судьбу человечества: «Нет сомнений, что многолетние дискуссии между кейнсианством и “чикагской школой” имеют прямое отношение ко многим проблемам нашей перестройки, в том числе и к предлагаемым сегодня для решения этих проблем мерам. К. Маркс в предисловии к “Капиталу” заметил немецкому читателю по поводу английской основы своих теоретических выводов: “Не твоя ли история это?” И добавил: “Страна, прошленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего”»².

Суть российского неолиберализма можно сформулировать следующим образом: рыночная экономика есть естественная форма организации экономической среды. И в Советском Союзе, и в странах Запада этот естественный порядок был нарушен социалистами и социал-демократами, что привело к стагнации в конце 70-х годов. И если в Западной Европе и в США неоксервативная революция восстановила этот порядок и вновь вернула общество на естественный путь исторического развития, то советские лидеры и их экономические советники все еще мечтали о «социализме с человеческим лицом».

Независимо от того, была ли такая интерпретация монетаризма адекватной, очевидно, что российские неолибералы во многом способствовала коллапсу советской идеологии. Однако неолиберальные идеи

---

¹ Попов Г. Восстание против кейнсианства: Милтон Фридман // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 12. – С. 139.

² Там же. – С. 140.

прежде всего воспринимались как антиидеология марксистско-ленинской доктрины. Как антителос, этот либерализм находился под влиянием той самой идеологии, которой он противостоял. Российские либералы были «потрадиции» убеждены, что являются носителями абсолютной истины, и в результате их либерализм был не менее утопичен, чем вульгарный марксизм их оппонентов.

В последние годы существования СССР ядро советской идеологии – вера в то, что страна идет по дороге построения целостного общества, – сменилось уверенностью, что она зашла в тупик. Непоколебимым осталось понимание истории, как процесса движения к определенной цели: либеральный телос пришел на смену советскому телосу. При этом импортированные с Запада неолиберальные идеи, безусловно, сыграли важную роль в создание условий для проведения реформ в начале 90-х годов. Тем не менее нельзя забывать, что особенности интерпретации этих идей отражают во многом утопичные интеллектуальные традиции, полученные в наследство от социалистического прошлого.

Главная характеристика утопической идеологии – это то, что она направлена в будущее, и для нее «исключительно важно, чтобы реальность развивалась в правильном направлении»¹. Путь к оздоровлению экономики был намного более болезненный и затянутый, чем прогнозировали не только российские, но и западные неолиберальные эксперты. Так как неолиберальная доктрина по-прежнему принципиально противоречила российской интеллектуальной традиции, от нее практически ничего не осталось после того, как она оказалась неспособной быстро выполнить свои обещания. На втором этапе дебатов, который начался примерно в 1993 г., идеи, импортированные с Запада, подверглись постепенной адаптации к определенным траекториям прошлого ментальным моделям, преобладающим в России. Этот этап дискуссий (1992–2002) будет подробно рассмотрен мной в следующей работе.

Перевод О.Н.Пряжникова

---

¹ Gerner K., Hedlund S. Ideology and rationality in the Soviet model: A legacy for Gorbachev. – L.: Routledge, 1989. – P. 20.

И.Г. Минервин

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

(Реферативный обзор)

Economics // Three social science disciplines in Central and Eastern Europe: Handbook on economics, political science and sociology (1989–2001) / Ed. by Kaase M., Sparschuh V. – Berlin; Budapest, 2002. – P. 26–203.

- 1. KOVACS J. M.** Business as unusual: Notes on the westernization of economic sciences in Eastern Europe // Ibid. – P. 26–33.
- 2. WAGENER H.-J.** Demand and supply of economic knowledge in transition countries// Ibid. – P. 195–203.

В серии статей рассматриваются состояние и эволюция на протяжении последнего десятилетия экономической науки в группе стран, определяемых в западной литературе как страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чешская Республика, Эстония).

Я.М. Ковач, профессор, член Венгерской академии наук, сотрудник Института гуманитарных наук (Вена, Австрия), посвятил свою работу анализу концепции «вестернизации» экономической науки в странах ЦВЕ. Говоря о сегодняшнем состоянии экономической науки в регионе, он отмечает, что различия в подходах к ее характеристике нередко сводятся к взаимным обвинениям со стороны старшего и младшего поколений ее представителей. По мнению представителей старших поколений, экономическая наука в регионе «затоплена» волной западного майнстри-

ма. Это процесс «духовной колонизации», в котором участвуют «молодые аборигены», вернувшиеся после обучения на Западе и активно пропагандирующие в высших учебных заведениях стандартные неоклассические идеи «на уровне третьеразрядных американских университетов». Считая себя специалистами, постигшими вершины универсальной экономической науки, они являются лишь «плагиаторами своих идолов». Их основное занятие – разработка «чистых математических моделей... с несколькими переменными. Чистая методология, базирующаяся на шатком основании теории рационального выбора, предпочитается реальности... Если же они оставляют на какой-то момент чистую экономику и рискуют выступать в качестве адвокатов государственной политики, это сводится к использованию догматических неолиберальных доктрин в довольно агрессивной манере. В целом в новом авангарде господствуют снобизм, элитарная близорукость и профессиональный шовинизм» (с. 26).

Противоположное мнение молодых коллег состоит в том, что «в экономической культуре Восточной Европы все еще господствуют экс-реформаторы старого режима... тесно сотрудничающие с политической элитой... и подчиняющие экономику политике... Они заменили реформу трансформацией под эгидой весьма статичной версии социального рыночного хозяйства... Эти бывшие марксисты идеализируют словесные и исторические аргументы, туманные концепции и двусмысленные метафоры», склоняются к кейнсианству и государственному вмешательству (с. 26–27).

Автор указывает на искусственность такого разграничения. «Разве моделирование и неолиберализм логически связаны? Разве тяготение к Кейнсу означает забвение математического анализа?» Реальность не соответствует простым схемам. «Вестернизация» – термин, употребляемый лишь немногими экономистами, – означает на деле повышение профессионализма, применение более совершенных методов исследования, проведение четкой грани между теоретическими исследованиями и обоснованием политики.

В конце 80-х годов научное сообщество рассматриваемых стран весьма оптимистично оценивало перспективы вестернизации. Предполагалось, что: официальная коммунистическая политэкономия исчезнет, а экономическая концепция реформы сольется с западным неоинституционализмом, создав его особое, восточноевропейское направление; произойдет развитие «нормативной» теории переходной экономики в направлении «социального рыночного хозяйства»; активизируются исследования в русле стандартной неоклассической экономики, несмотря на

ожидаемую гегемонию институционализма; наряду с мейнстримом будут развиваться другие направления экономической теории; западная экономическая наука воспользуется научными идеями с Востока; в целом будет наблюдаться повышение качества экономических исследований.

Эти ожидания отражали определенную самоуверенность относительно позиций Восточной Европы на международном рынке экономических идей, перспектив сотрудничества и научного обмена с Западом, веру в возможности плодотворного взаимовлияния и взаимообогащения (с. 29–30).

Отвечая на вопрос, в какой мере эти ожидания осуществились за прошедшее десятилетие, автор считает необходимым прежде всего выяснить, в какой мере модель двусторонних отношений между Западом (а точнее, США) и Востоком соответствует действительному международному обмену экономическими идеями, т.е. определить состав участников процесса, называемого «вестернизацией». На стороне источников воздействия легко обнаружить целый спектр различных «западных» влияний (Чикаго, Кембридж, Фрайбург, Всемирный банк, МОТ и т.д.), на стороне реципиентов – различные страны, институты, группы ученых и т.д., которые могут демонстрировать совершенно различные подходы. Несмотря на возрастающее американское влияние на экономическое образование во всем регионе, восприятие западной научной экономической культуры может быть существенно различным. Благодаря глобальным научным связям и обменам, совместным исследовательским и образовательным учреждениям и программам становится все труднее определить, кто является восточноевропейским экономистом и в чем заключаются восточноевропейские экономические идеи.

Запад поставляет конкурирующие (а иногда и взаимно исключающие) идеи и школы или предоставляет Востоку широкий выбор теорий, к тому же нередко интерпретируемых и искажаемых различными посредниками (пример – Джейфри Сакс и его сомнительная роль популяризатора экономического либерализма). Посредником может быть и коллега из Восточной Европы (бывший эмигрант, гарвардский профессор или сотрудник Всемирного банка). Картина еще более осложняют появление европейских исследовательских сетей и неопределенность относительно интеллектуальной собственности на результаты их функционирования. Кроме того, пример возрождения австрийской школы в США показывает, что европейские идеи могут вернуться в Европу через американское посредничество.

Далее, отмечает автор, необходимо тщательно проанализировать сам процесс восприятия научных идей, поскольку их трансформация в этом процессе возможна и без участия посредников. Качество заимствованных идей может ухудшиться, их содержание может существенно измениться. Получатель «научного товара» может симулировать восприятие с помощью риторики, частичного или эклектичного применения различных элементов (пример – восприятие парадигмы национального выбора).

Суммируя наблюдения, автор приходит к двум возможным сценариям. Первый напоминает «постколониальную ситуацию неэквивалентного обмена, подражательства и мацданальдизации». В этом случае «вестернизация означала бы всеобщее распространение экономических знаний из американского учебника (точнее, ее устаревшей версии) и полную ликвидацию старых университетских курсов обучения и как следствие низкокачественное восприятие, делающее восточноевропейских экономистов неконкурентоспособными на глобальном научном рынке, и утечка мозгов из региона» (с. 31).

Другой, более благоприятный сценарий предполагает вместо «принудительной гомогенизации культур» сохранение традиций и компромисс, что может привести к возникновению гибридных явлений, дающих как содержательные и инновационные, так и непоследовательные и разочаровывающие результаты, соединяющие худшие черты обеих «научных миров».

Х.-Ю. Вагенер, профессор, декан экономического факультета Европейского университета (*European University Viadrina*), директор Института проблем трансформации (Франкфурт-на-Одере), анализируя «рыночную ситуацию» в области экономических знаний, обращает внимание на огромный всплеск спроса на образованных экономистов для рыночного хозяйства посткоммунистических стран ЦВЕ, вызывающий потребность в ответной реакции со стороны предложения. Если в сфере образования такая реакция в виде умножения числа учебных заведений, курсов и программ налицо во всем регионе, то в области научных исследований расширения научного потенциала не наблюдается.

Причиной существенного ограничения предложения является сложившаяся историческая ситуация: трансформация политической и экономической систем в странах ЦВЕ серьезно обесценила человеческий капитал и знания. Вагенер обращает внимание на характерное для региона различие между тем, что преподавалось как экономика, и тем, что рассматривалось как экономическая теория. Здесь можно выделить «откры-

тые страны, придерживавшиеся свободного от предрассудков или даже мнимого марксизма» (Венгрия, Польша, Словения), и страны ортодоксальной доктрины, не имевшие доступа к западной литературе и мотивации к ее изучению (Румыния, Болгария, СССР, в определенной мере Чехословакия после 1968 г. и, безусловно, ГДР). В «открытых» странах учебные программы основывались на парадигме марксистско-ленинской политической экономии, но исследователи были хорошо информированы о западных теоретических концепциях, хотя и не могли участвовать в их разработке, за единственным исключением – математической экономики, которая служила нишой для относительно свободного теоретизирования. Объем информации по теории мейнстрима, передаваемый на Восток по этому каналу, был весьма ограниченным.

В «закрытых» странах отсутствие доступа и интереса к западной литературе дополнялось отсутствием понимания как из-за языкового барьера, так и из-за терминологического и методологического несоответствия. Это вызвало значительные издержки, проявившиеся при смене системы, когда требовалось постигать новый язык. В открытых странах эти издержки были значительно меньше, и «марксисты» быстро и спокойно превратились в «монетаристов», демонстрируя, что «смена мировоззрения не мешает сохранению догматизма» (с. 197).

В переходный период ситуация, как правило, была следующей. Небольшое в целом число выпускников по экономическим специальностям были подготовлены в практической области и, в той или иной степени, в ортодоксальной марксистско-ленинской теории. Страдала аналитическая подготовка, экономическая наука концентрировалась на утилитарных вопросах «что» и «как», оставляя в стороне вопросы «почему». Проведенные исследования постреформенной ситуации позволяют сделать вывод о том, что в этом плане изменилось немногое. В открытых странах имелось некоторое количество знающих экономистов в университетах и академических институтах, хорошо знакомых с западной теорией. В закрытых странах таких специалистов было значительно меньше. Это позволяет сделать вывод, что обесценение экономических знаний после смены системы охватило весь регион, но было менее острым в открытых странах среди академических ученых. В этой группе стран предложение рыночных экономистов было относительно большим. Отсюда вытекает гипотеза, связывающая с этим обстоятельством потенциальный успех трансформации, хотя утверждать факт непосредственной связи такого рода было бы, по мнению автора, преждевременным.

Пересмотр содержания экономики как научной дисциплины после 1990 г. поставил вопрос о ее преемственности и изменении. В большинстве стран региона импорт ноу-хау (за счет реэмиграции и временного приезда зарубежных ученых) был весьма ограниченным. Исключение составили Чешская Республика и Эстония. В качестве мощных источников внешнего влияния выступали международные финансовые институты (МФИ). Характерен пример Болгарии. Согласно отчету, в этой стране, которая в 1990-е годы служила полигоном для тестирования режима валютного управления, МФИ явились основным инструментом передачи экономических знаний. В этом смысле повторилась ситуация 1920-х годов, когда Болгария выполняла ту же функцию по отношению к стабилизационным займам Лиги Наций.

Как правило, пересмотр экономической дисциплины должен был быть осуществлен теми, кто получил свое образование еще при старой системе. Поэтому существенную роль сыграли и продолжают играть различия между странами, имевшие место в дореформенный период, когда экономисты, как правило, не были знакомы с западной экономической мыслью и не имели доступа к научной литературе и контактам. Материалы исследований, посвященных отдельным странам, содержат многие указания на преемственность «догматических истоков» или сохранение традиционного мышления, несмотря на видимые изменения содержания. Этого, по мнению Вагенера, можно было ожидать, «поскольку знания в значительной мере воплощены в человеческом капитале» (с. 198).

Например, в Румынии, которая была одной из наиболее закрытых стран коммунистического мира и где в 70–80-х годах гражданам страны запрещалась учеба даже в СССР, ощущался особенно острый недостаток экономических знаний. В переходный период молодежь устремилась на учебу за границу, но люди, отвечавшие за реформу, естественно, оставались дома и должны были обходиться теми знаниями, которыми располагали. Естественно, что они стремились превратить недостаток в достоинство и утверждали собственный румынский путь к рынку.

Значительно большая гибкость характерна для экономистов Словении, Венгрии и Польши, которые располагали более широкими источниками информации. Здесь, как отмечалось в ряде странных исследований, естественным результатом смешения марксистской доктрины, настроенной, главным образом, на распределение, с неоклассической, настроенной исключительно на эффективность, и неоавстрийской, настроенной на конкуренцию и антиэтатизм, явился электицизм. В то же время

отмечается и появление «новых сильных ортодоксий», которые могли стать результатом «переизбытка нового знания и ограниченности интеллектуальной восприимчивости». В целом, однако, можно наблюдать здоровое разнообразие взглядов.

В области экономического образования универсальное значение приобрела дисциплина «экономикс», определяемая в содержательном плане англо-американскими стандартами. Лишь в некоторых случаях, а именно в Болгарии и Румынии, учеными, несведущими в стандартной теории, были сделаны попытки создания оригинальной теории трансформации. В целом тенденция совпадает с процессами, происходящими в Западной Европе, где местная учебная литература на национальных языках постепенно вытесняется англо-американской (в переводе или чаще на английском языке), что характерно не только для малых стран, но даже для Германии и Франции. Отмечается также аналогичная тенденция вытеснения чисто экономической тематики проблемами финансов и управления бизнесом. Если раньше экономико-математическое направление служило нишей, привлекавшей способных людей, интересовавшихся экономикс, а не политэкономией, то сегодня их выбор значительно шире, в том числе вне сферы академической науки.

Авторы исследования обращают внимание на повсеместное господство англо-американской модели свободной рыночной системы и преподавания англо-американской дисциплины экономикс при одновременном игнорировании «континентальной социальной рыночной экономики и ее теоретических основ, таких, как германская теория социальной политики (*Theorie der Sozialpolitik*). Это действительно удивительно, поскольку итоги трансформации значительно ближе к континентальной модели, чем к англо-американской... и поскольку в довоенный период экономическая политика и теория в большинстве из рассматриваемых стран были близки к континентальной традиции, преимущественно германской, которая в то время характеризовалась направленностью против свободного рынка, меркантилизмом, а также бисмаркианской социальной политикой» (с. 199).

Новый политический и экономический строй предполагает формирование новой элиты и в рамках этого процесса – изменение социальной значимости квалифицированных экономистов. Задачи, связанные с трансформацией и рыночной конкуренцией, выдвигают их на высшие посты. Это, в свою очередь, требует новой обучающей элиты, обладающей соответствующими научными знаниями. Переход к рыночной эко-

номике оказывается периодом небывалой роли экономистов в политике. Со временем эти нетипичные политики превращаются в типичные, примером чему служит карьера Людвига Эрхарда в 1945–1966 гг. Страны ЦВЕ в переходный период также дают многие примеры такого рода (Бальцерович, Колодко, Клаус, Бокрош (*Bokros*), Дайану (*Dăianu*), Менсингер (*Mensingher*), Гайдар и др.). Вопрос о том, в какой мере эти явления способствуют укреплению статуса экономической науки, остается открытым.

Замена академических специалистов, так же как управленческой и бюрократической элиты, несмотря на значительные масштабы, является длительным процессом. Новая система требует большего числа менеджеров и специалистов нового профиля (аналитиков, налоговиков, консультантов и др.). Эта потребность и значительный разрыв в заработной плате ведут к массовой внутренней утечке мозгов из академической сферы в сферу бизнеса, по сравнению с которой внешняя утечка с количественной точки зрения оказывается несущественной. Это сопровождается соответствующими изменениями возрастной структуры. Спрос на специалистов в сфере образования не подкрепляется необходимыми финансовыми стимулами, по крайней мере, в государственном секторе. Те, кто остается в академической сфере, вынуждены преподавать в частных школах, заниматься консультированием и т.д. Отсюда нетрудно сделать выводы относительно профессионального уровня среднего преподавателя, а также о масштабах и качестве научных исследований (с. 200).

В области проблематики исследований во всех страновых докладах отмечается недостаток фундаментальных направлений, что вполне естественно для региона, «только что освободившегося от идеологической монополии и решавшего почти неразрешимые текущие экономические проблемы». Лишь очень немногие представители экономической науки рассматриваемых стран (прежде всего Янош Корнаи) были способны принимать участие в исследованиях в русле мейнстрима. Однако перед ними открывается возможность участия в новых междисциплинарных исследованиях, возникших в процессе изучения экономики переходного периода, расширяющих предмет экономики и граничащих с правоведением, историей, социологией, культурологией.

Благодаря главным образом проблемной ориентации исследований в первой половине 90-х годов доминировала проблематика переходного периода, а во второй половине на первый план выдвинулись вопросы европейской интеграции. Острые дискуссии имели место по проблемам либерализации, стабилизации, приватизации, причем далеко не всегда в

русле Вашингтонского консенсуса. Несогласные мнения, как правило, базируются на теоретических концепциях кейнсианства или социализма. Важно, что содержание и стиль научных аргументов сближаются с западными стандартами.

Фундаментальные исследования, отмечает Вагнер, являются общественным благом, следовательно, на конкурентном рынке частных поставщиков и потребителей на него отсутствует платежеспособный спрос. Неудивительно, что частные учебные институты не занимаются фундаментальными исследованиями. Финансирование таких исследований – задача государства или общественных фондов, которым еще предстоит появиться. В государственных учреждениях учебная нагрузка, определяемая спросом, и огромный недостаток финансирования в сочетании со снижением интеллектуального потенциала в результате утечки мозгов и, как отмечается в обзоре по Венгрии, недостатком общественной культуры, ориентированной на научную деятельность, не оставляют места для фундаментальных исследований. Кроме того, отсутствует надлежащая оценка научного труда, являющегося долговременным вложением с длительным периодом окупаемости (с. 201).

Практически все исследования, посвященные отдельным странам, констатируют вызывающее сожаление отсутствие разработок теоретических и методологических проблем и концентрацию ученых на политических проблемах. В то же время подчеркивается, что такое положение вещей вызывается объективными причинами. Экономика рассматриваемых стран идет по пути рыночной трансформации и европейской интеграции, по тому же пути идет и их экономическая наука. В краткосрочном плане совершенствование процессов принятия решений и развитие управлеченческих навыков зависят не от прогресса экономической науки, а в значительно большей мере от развития экономического образования. Необходимы люди, располагающие прочной базой имеющегося знания, а разработка новых теорий рассматривается как задача последующих поколений.

И.Ю. Жилина

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУРСОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ХОДЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Высшее образование в области общественных наук претерпело в России за 1990–2000-е годы радикальные изменения. Некоторые его направления – такие, как образование в области политологии, – создавались практически с нуля, другие – это относится в основном к экономике – столкнулись с необходимостью преодолевать сложившиеся в Советском Союзе «традиции догматического марксизма» (1, с. 2), поскольку преподавание экономики в высших учебных заведениях в условиях рыночной экономики должно обеспечивать такие потребности общества, как обучение принципам рыночной экономики как части современного мировоззрения; создание основ для обучения по специальностям корпоративного и государственного управления, финансам, банковскому и страховому делу и т.д.; подготовка ученых экономистов для исследовательской и аналитической работы, а также преподавания экономики в вузах (14, с. 6).

Решение этих задач сталкивается с рядом ресурсных (дефицит материальных ресурсов, учебных материалов и преподавательских кадров) и институциональных ограничений, препятствующих эффективному распределению, использованию имеющихся ресурсов, а также их накоплению. Кроме того, с началом реформ экономическое образование оказалось в беспрецедентной ситуации. Предстояло радикально изменить не только содержание учебных программ, перечень и состав курсов, но и сам образ мышления, установить новые связи между исследовательской и преподавательской деятельностью, переосмыслить административную структуру факультетов экономических и социальных наук, разработать новые критерии оценки участников образовательного процесса (4, с. 145; 14, с. 6).

* * *

Особенности экономического образования в советский период. В отличие от других дисциплин, где накопленные ранее традиции являются ценным ресурсом развития высшего образования, сложившиеся в советский период традиции экономического образования, продолжающие оказывать на него серьезное влияние, выступают не фактором роста, а «источником педагогической и методологической инерции, противоположной направлению реформ» (14, с. 6).

В СССР экономическое образование предлагалось экономическими вузами, доля которых относительно общего количества вузов была сравнительно невелика. В 1977 г. в стране насчитывалось 36 экономических институтов (19). Экономистов готовили также экономические факультеты университетов и других, в частности технических, вузов, которые, имея в своих перечнях специальностей экономические направления, выпускали инженеров-экономистов для промышленных отраслей: строительства, машиностроения, лесного комплекса и пр. К концу 80-х – началу 90-х годов XX в. экономические вузы готовили специалистов по 53 экономическим и управлению специальностям. При этом в классификаторе специальностей высшего образования выделялась специальная группа так называемых университетских специальностей. В области экономики и управления к этой категории относились две специальности – «Политическая экономия» и «Экономическая кибернетика» (17, с. 196).

Некоторые специалисты считают, что серьезный интерес общества к экономике пробудила экономическая реформа середины 60-х годов XX в., что, по оценкам социолога В. Шубкина, привело к повышению популярности профессии экономиста в СССР – России в 2,5 раза в период с 1964 по 1994 г.¹ Соответственно возросла привлекательность экономического образования, что обусловило приток способной молодежи в экономические вузы (3). В этот же период на русский язык был переведен базовый учебник П. Самуэльсона, и это, по мнению профессора Университета Висконсин-Ашкаш А. Ковзика и профессора Университета Пердью (США) М. Уотса, свидетельствует о начале внедрения в учебные планы экономических вузов основного направления экономической теории (8, с. 62). В действительности учебник Самуэльсона был издан для

---

¹ Эта цифра представляется несколько некорректной, поскольку приток студентов в экономические вузы в начале 90-х годов XX в. был обусловлен не отголосками реформ 60-х годов, а потребностью экономики в специалистах, ориентирующихся в рыночной экономике.

научных библиотек и не имел никакого отношения к учебному процессу вплоть до перестройки, хотя некоторые научные сотрудники и преподаватели могли и ознакомились с ним.

Целенаправленная государственная политика привела к тому, что к концу 80-х годов учебные планы экономических вузов отчетливо делились на три больших блока: 1) теоретические дисциплины; 2) математические и статистические дисциплины; 3) прикладные дисциплины.

1. Теоретические дисциплины в высшей школе на младших курсах были представлены общими курсами политической экономии докапиталистических формаций, капитализма, империализма и социализма. Учебник по курсу политической экономии капитализма представлял собой упрощенную версию «Капитала», дополненную описанием некоторых современных проблем и вопросов. Главная цель и учебного курса, и учебника состояла в том, чтобы доказать, что основные выводы Маркса о несостоительности капитализма и присущей ему эксплуатации трудящихся остаются в силе (8, с. 69).

На старших курсах в лучших советских университетах те же разделы политической экономии изучались более глубоко в форме так называемых спецсеминаров по «Капиталу» Маркса, работа которых строилась вокруг обсуждения прежде всего научных публикаций, а не учебной литературы, что позволяло студентам приобрести опыт самостоятельной работы. Однако в большинстве случаев студентам преподавался некий упрощенный марксизм.

Ориентация теоретических курсов на марксистскую политическую экономию свидетельствовала о высокой степени их идеологизированности. В итоге и у преподавателей, и у студентов формировался образ экономической теории как дисциплины, принципиально не имеющей ничего общего с реальностью, не поддающейся проверке. Как отмечают А. Ковзик и М. Уотс, главной задачей советских экономистов «было объяснить, почему политика, уже проведенная государством, была воистину оптимальной» (8, с. 62).

Со своей стороны сотрудник Лондонской школы экономики (ЛЭШ) А. Витцтум отмечает, что различие между культурой социальной науки в СССР и западным отношением к социальным наукам и к экономике состоит в том, «что первая подчинялась одному директивному постулату: как реальность соединяется с моделью. В то же время в западном подходе существует двойственная система аргументации: как реальность подходит модели и как модель подходит реальности» (4, с. 149).

Исключением был курс истории экономической мысли. Хотя и в этом курсе достижения западной научной школы преподносились исключительно в критическом ключе, поскольку с идеологической точки зрения он был призван доказать кризисное состояние буржуазной политической экономии. Это был единственный курс, где упоминались имена и в какой-то степени рассматривались идеи Маршалла, Кейнса и других западных экономистов. Например, в советский период в Белорусском государственном университете на курс истории экономической мысли отводилось по 110 часов лекций и семинарских занятий, причем по меньшей мере половина этого времени посвящалась западным экономистам. В рамках этого курса студенты могли также посещать 36-часовой спецкурс по теории потребительского поведения, который охватывал некоторые базовые темы западной экономической теории. Именно поэтому, когда пришло время преподавать экономическую теорию с использованием западных учебников и методов, «передовой отряд сторонников мейнстрима состоял большей частью из преподавателей, специализировавшихся ранее на критике буржуазной экономической науки» (8, с. 70). Они первыми переводили западные учебники и публиковали собственные статьи о преподавании, учебные пособия для студентов и т.д.

2. Математические и статистические дисциплины (математический анализ, линейная алгебра, теория вероятности, методы оптимальных решений, математическая и экономическая статистика и т.п.) были практически полностью оторваны от теоретических курсов. Традиционно сильная математическая подготовка советских студентов в принципе давала им возможность овладеть современной экономической теорией, использующей математику и как язык, и как инструмент анализа. Однако обращение к западной теории считалось идеологически неприемлемым, поэтому советская математическая экономика ограничивалась разработкой абстрактной теории оптимального функционирования централизованной экономики, а также работой с идеологически нейтральными межотраслевыми балансами, которые изучались при подготовке экономистов-математиков. Однако межотраслевые методы служили лишь инструментом для проведения узкого спектра прикладных расчетов и не позволяли сколько-нибудь полно представить цели и механизмы экономического развития. Преподавание статистических дисциплин осложнялось закрытостью и недостоверностью советской статистики, а также принципиальными различиями советских и зарубежных методик формирования эко-

номических показателей, что исключало возможность их сопоставления с показателями других стран.

Математическая статистика преподавалась как чисто формальная дисциплина, не имевшая ничего общего с прикладными расчетами, а курс «общей», или «экономической» статистики не предполагал использования серьезных формальных методов и носил сугубо идеологическую направленность. Почти отсутствовала в учебных планах советских экономических вузов и факультетов такая дисциплина, как эконометрика, обеспечивающая связь между теоретическими построениями и статистическими данными и являющаяся базой для серьезных качественных выводов на основе анализа взаимосвязей экономических показателей.

Иногда в курсы экономико-математического моделирования включались отдельные фрагменты курса микроэкономики, описывающие, например, поведение индивидуального потребителя, но их элементы, в частности понятие функции полезности, подвергались резкой идеологической критике.

У студентов, обучающихся по специальности «Политическая экономия», объем и количество математических и статистических дисциплин в учебном плане были невелики, но даже этого для изучения теоретических дисциплин не требовалось, так как политическая экономия изучалась без привлечения формального аппарата, на вербальном уровне. Чаще всего математические дисциплины читались преподавателями, не имеющими никакой экономической подготовки, а преподаватели теоретических курсов не владели математикой.

3. К прикладным дисциплинам относились экономика отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, непроизводственной сферы и т.п.); экономики зарубежных стран; основы финансового анализа (бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности и т.п.); управленические дисциплины (управление предприятием, планирование народного хозяйства и т.п.).

Преподавание прикладных экономических дисциплин отвечало потребностям плановой советской экономики, но связь между теоретическими и прикладными дисциплинами, как правило, сводилась к ссылкам на цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, что делало их в лучшем случае поверхностно-описательными.

Связь прикладных дисциплин с математикой в программах для специальности «Политическая экономия» также была очень слабой, за исключением курса «Математические методы анализа экономики», кото-

рый показывал возможности применения математического аппарата к анализу прикладных экономических проблем.

В меньшей степени этот недостаток присутствовал в программах специальности «Экономическая кибернетика», где математическая подготовка была более фундаментальной. Студенты, обучающиеся по этой специальности, изучали довольно много предметов, посвященных методам эмпирических исследований. Для них связь математической и прикладной экономической подготовки оказывалась весьма существенной, но прослеживалась она лишь в рамках парадигмы централизованного планирования и не затрагивала рыночную экономику. В результате и выбор изучаемых эмпирических методов был зачастую обусловлен задачами централизованного планирования: например, весьма глубоко изучалось линейное и нелинейное программирование, но очень слабо – эконометрика.

Кроме отдельных вузов (МГУ, МГИМО), в которых предусматривались специальности типа «Экономика зарубежных стран», «Мировая экономика» и т.п., языковая подготовка была довольно слабой (в учебных планах предполагалось изучение одного иностранного языка в ограниченном объеме только на младших курсах). Подобная практика объяснялась тем, что для изучения других дисциплин знание иностранных языков не требовалось: поскольку по всем предметам имелось множество литературы на русском языке, студенты могли успешно пройти обучение, практически не зная иностранного языка.

Обучение по всем дисциплинам происходило в виде традиционной связи «лекция–семинар», что отодвигало на второй план роль мотивации и размышлений в процессе обучения. Поскольку знания преподавателя не подвергались сомнению (студент может почерпнуть много полезного, слушая преподавателя), отношения между преподавателем и студентами становились односторонними. Хорошим считался студент, способный воспроизвести полученные от преподавателя знания. О второстепенности мотивации и размышлений в изучении экономики свидетельствует традиционное расписание занятий в российском университете. Как отмечает А. Витцтум, «при 40 часах аудиторных занятий в неделю трудно представить себе, когда студент найдет время для размышлений» (4, с. 149). В то же время мотивация и размышление являются самой важной частью учебного процесса в большинстве западных университетов англо-саксонской традиции. Количество контактных часов значительно сокращено, что дает студентам время для раздумий и самостоятельной работы над

материалами, способствующими трансформации пассивного понимания в активные знания (4, с. 150).

В целом «экономическое образование в советских вузах слабо пересекалось с тем, что понималось под экономическим образованием по другую сторону железного занавеса. Советские экономисты за исключением отдельных представителей математической экономики не принадлежали к мировому научному сообществу, не говорили на его языке» (1, с. 5).

90-е годы. С начала 90-х годов XX в. российское высшее образование испытывало давление внешних и внутренних сил, стремящихся изменить или адаптировать его к новым социально-экономическим реалиям. При этом преследовались разные цели: «Создать вузам хоть какие-то условия, учитывая обвал в их финансировании и доведение зарплаты профессуры до нищенского уровня; получить для вузов степень свободы, которая выходила бы за рамки потребностей академической свободы; изменить содержание всего блока социально-экономических и гуманитарных предметов в связи с несостоятельностью марксистско-ленинских идеологических квазиконцепций; осуществить попытку административно-институционального реформирования всей системы высшего образования, в том числе придать ему роль устойчивого и эффективного звена в системе непрерывного (“в течение всей жизни”) образования и т. д.» (11). Но основой стратегии вузов в первой половине 90-х годов стало их «биологическое» выживание.

В первые годы рыночных реформ на рынке экономического образования наблюдалось существенное превышение спроса над предложением, причем спрос сдвинулся от инженерно-технических специальностей к тем, которые могли найти применение в формирующейся рыночной экономике. Поэтому самыми востребуемыми в сфере высшего образования стали направления «Экономика» и «Менеджмент». Соответственно спросу выросло и предложение образовательных услуг. В России практически во всех вузах открылись факультеты экономики и менеджмента, было выдано 1400 лицензий на предоставление образовательных услуг в этой области (11). Как правило, в этих вузах практически отсутствовали квалифицированные кадры, учебные и научные библиотеки. Более того, даже специализированные экономические вузы и старые классические университеты, не говоря уже о новых классических университетах, в которые в 90-е годы были преобразованы областные педагогические институты, столкнулись со сложными кадровыми проблемами, поскольку представители старшего поколения научного сообщества отвергали западную

«экономикс» идеологически, не зная даже самые ее азы, а младшее поколение просто ее не знало. В 1991–1995 гг., отмечают Р. Нуреев и Ю. Латов, «на какое-то время сложилась парадоксальная ситуация, когда научный багаж “аксакалов” науки и “зеленой” молодежи был почти равным: переучивание старых кадров происходило параллельно с обучением новых, в результате чего первые “постсоветские” студенты-экономисты оказались обречены на “школьный экономикс”. Хотя представители старших поколений довольно быстро создали солидный “отрыв” от своих слушателей, однако и в наши дни подавляющее большинство кандидатов и докторов экономических наук преподают “не совсем ту” (или совсем не ту) науку, по которой они защищали свои дипломы» (12). По свидетельству А. Витцтума, даже в конце 90-х годов многие университетские преподаватели экономики не понимали разницы между марксистской и современной экономикой, утверждая, что фундаментальной разницы между двумя школами мысли нет и что современная экономика – это лишь детальное развитие одного элемента теории Маркса (4, с. 146). В результате качество образовательных услуг в сфере экономики оказалось чрезвычайно низким.

Отличительной чертой реформирования экономического образования в 90-е годы было введение курсов с новыми названиями, соответствующими западным программам экономического обучения. Создавались новые учебные планы, основанные на западных учебниках и предусматривающие написание эквивалентных российских учебников по основным областям экономических исследований. Эти курсы затем включались в новые программы подготовки бакалавров и магистров. Успех подобного процесса в значительной степени зависит от способности преподавателей совершить культурный «прыжок» при очень незначительной помощи извне (4, с. 145). Но уже само «решение изучать и преподавать западную экономическую теорию является большим скачком от одной культуры социального анализа к другой. Это – шаг от инженерного и аналитически отделенного подхода к изучению социальных вопросов в открытой системе, где анализ экономических явлений и политические рекомендации основаны на общем методе» (4, с. 148).

На первых порах главной задачей «обучения капитализму» стала публикация стандартных западных учебных курсов, по которым могли бы учиться и студенты, и сами преподаватели. Поскольку первые годы рыночных реформ центром всей культурной жизни планеты считались Соединенные Штаты, то именно американские учебники по неоклассиче-

ской экономической теории, являющейся базой основного течения (*main stream*) современной экономической науки, и приняли за образец. При этом преимуществом неоклассической экономической теории является то, что ее можно преподавать на разных уровнях, а учебник вводного уровня, с одной стороны, корректен при данных допущениях, а с другой – позволяет делать выводы, проверяемые эмпирическим путем. Поэтому на вводном уровне преподавания экономический мейнстрим укоренился сравнительно легко. Этому способствовало и издание нескольких переводных учебников вводного уровня. Авторы одного из популярных в США вводных учебников экономики К. Макконнел и С. Брю на долгие годы стали в России классиками современной экономической теории. Их учебник часто фигурирует в библиографиях защищаемых по экономическим наукам кандидатских и даже докторских диссертаций.

При этом в чистом виде неоклассический мейнстрим даже на вводном уровне преподавался в России редко. Гораздо чаще студентам предлагалось некоторое эклектическое собрание неоклассических и марксистских глав. Обычно такой предмет носил название «Экономическая теория». Иногда он сосуществовал с микро- и макроэкономикой, читаемым по переводам западных учебников.

Спустя два-три года, когда книжный голод был частично удовлетворен, выяснилось, что «американские продукты» не вполне подходят для российских «желудков». В поисках выхода российские экономисты стали обращать внимание не только на американские, но и на западноевропейские учебники, хотя и они не слишком помогали понять российские реалии. Контраст между тем, о чем писалось в учебниках «экономикса», и повседневной жизнью оказался еще более сильным, чем в советскую эпоху (12). На проблемы использования переводов американских или западных учебников для преподавания экономических дисциплин в России указывают и А. Ковзик и М. Уотс, отмечающие, что обращение к зарубежным учебникам позволило решить ряд проблем, одновременно породив новые, связанные с уместностью использования приведенных в этих книгах примеров и рассмотрения институтов, государственной политики и экономических условий из практики других стран (8, с. 63).

Постепенно все сильнее ощущалась потребность в продвинутых переводных курсах и спецкурсах, а также в собственно научной, монографической литературе. К середине 90-х годов «бум» переводов окончился, экономисты России стали предлагать студентам собственные версии курсов по экономической теории. Начал формироваться спрос не на

общие курсы, а на специальные, посвященные углубленному анализу отдельных направлений «экономикса»: экономике труда, теории общественного выбора, институциональной экономике, экономике развития и т.д. В конце 90-х годов появляются первые спецкурсы – как переводные, так и отечественных авторов. Сейчас главной тенденцией становится именно подготовка спецкурсов. И все же количество учебников, написанных отечественными авторами, пока заметно превосходит их качество, что является характерной «детской болезнью» освоения новой научной парадигмы, заимствованной «со стороны» (12).

В начале перестройки высшего экономического образования программы новых учебных курсов чаще всего создавались путем «подгонки» старых программ к новым стандартам¹, т.е. своего рода «косметического ремонта» с использованием новых слов. Этим способом чаще всего перерабатывались программы дисциплин, имевших аналоги в учебных планах советской эпохи: международной экономики, банковского дела, бухгалтерского учета, статистики, истории экономических учений и т.п. Это нередко приводило к тому, что под новой вывеской преподавался практически прежний курс. Подготовка программ совершенно новых для российских вузов дисциплин (микроэкономики, макроэкономики, эконометрики, экономики отраслевых рынков и т.п.) осуществлялась на базе зарубежных учебников. Такие программы строились на механическом копировании западных аналогов.

Но даже в тех вузах, где удалось наладить полноценное преподавание вводных курсов микроэкономики и макроэкономики согласно принятым в мировой практике подходам (их число в России не превышало десятка), дело не пошло намного дальше. Курсы промежуточного уровня (микро-2 и макро-2) старые преподавательские кадры из-за отсутствия достаточной математической подготовки уже прочесть не могли, а молодые преподаватели нуждались в дополнительном обучении. Большую роль в этом сыграли летние школы Лондонской школы экономики, обучающие программы Института Всемирного банка, сотрудничество университетов СНГ и Западной Европы в рамках программы TEMPUS и Проект поддержки кафедр Института «Открытое общество». Однако эти

---

¹ В начале 90-х годов Министерством образования был разработан примерный перечень учебных дисциплин и требований, предъявляемых к ним, а в 1995 г. были введены в действие первые российские государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, так называемые стандарты первого поколения. Второе поколение государственных образовательных стандартов действует с 1 сентября 2000 г.

программы имели ограниченный охват и не могли радикально изменить ситуацию в преподавании экономических дисциплин во всех российских вузах. К тому же почти не охваченным оставался уровень магистратуры, где требовались курсы продвинутого уровня, читаемые не только по сложным учебникам, но и по научным статьям последнего времени (1, с. 9).

Параллельно при поддержке западных партнеров в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других городов СНГ были основаны новые университеты и школы, ориентированные на международный опыт преподавания и исследований. По оценке директора по России и СНГ Консорциума экономических исследований и образования (*EERC*) Э. Ливни именно новые образовательные центры, такие, как Государственный университет – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ) в Москве, Европейский университет в Санкт-Петербурге, идя по пути интеграции процессов обучения и научной работы, привлекая талантливую молодежь, лучших местных и зарубежных преподавателей, сумели за очень короткий срок занять ведущие позиции в области подготовки экономических кадров (10, с. 3). Этого мнения придерживается и профессор Российской экономической школы Л. Полищук, полагающий, что «лидерами реформы экономического образования в России стали не наиболее известные и авторитетные в прошлом вузы, а вновь созданные учебные центры» (14, с. 6).

В середине 90-х годов XX в. финансовое положение ведущих вузов относительно укрепилось, что позволило в дальнейшем систематизировать работу по обновлению содержания социально-экономических дисциплин. «Наиболее уверенно адаптировались к новой ситуации Финансовая академия, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Российская экономическая академия, Государственный университет управления, а также ведущие классические университеты» (9, с. 179).

Подводя итог состоянию преподавания экономических дисциплин в конце 90-х годов, авторы «Итогового аналитического отчета по результатам реализации проектов по экономике вузов – участников Инновационного проекта развития образования» отмечают, что экономическое образование в российских вузах по сравнению с началом 90-х годов сделало большой шаг вперед в области улучшения содержания образования. Было освоено много новых курсов, учебные планы большинства вузов стали приводиться в соответствие с международными стандартами. Вместе с тем работа по изменению содержания образования во многом носила «ученический», незрелый характер. По большей части она опиралась не

на научную деятельность преподавателей, а на воспроизведение учебников, порой не самого лучшего качества. Кроме того, новые курсы преподносились с помощью старых методических приемов. Освоению более продвинутых образовательных технологий в значительной степени препятствовали слабость материально-технической базы вузов, а также неразвитость системы переподготовки кадров, являющейся практически единственной эффективной возможностью изучения современных методик.

Заметное отставание содержания и методики подготовки экономистов в российских вузах от международных стандартов было в значительной степени вызвано объективными причинами – сменой господствующей экономической парадигмы, вызвавшей катастрофически быстрый моральный износ человеческого капитала в системе высшего экономического образования (1, с. 10).

По оценке специалистов ГУ–ВШЭ, «фактически лишь в нескольких вузах сложились основы фундаментального университетского экономического образования. Уровень подготовки в области теории в остальных вузах является вводным, соответствующим в лучшем случае интродуктивным американским учебникам (для первых курсов). Между тем от уровня теоретической подготовки в решающей мере зависит подготовка по общепрофессиональным дисциплинам и по дисциплинам специализации (например, неформализованные знания по финансовому менеджменту, инвестиционному анализу, маркетингу создают основу для “беллетристических”, неприложимых к практике примитивных знаний в этих важнейших областях). Недаром во многих вузах 60–70% информации в учебных курсах по прикладным областям представляет информация о текущих нормативных регулирующих актах. Поэтому в российском экономическом и менеджеральном высшем профессиональном образовании не сложилась значительная и устойчивая система воспроизводства кадров мирового уровня как для практики, так и для академических видов деятельности» (16).

Конец 90-х – 2000 годы. В совершенствование социально-экономического образования в нашей стране, как и в других странах, осуществлявших переход от централизованной к рыночной экономике, большой вклад внесли программы, инициированные и поддержанные зарубежными фондами и международными организациями.

Одной из крупнейших по масштабу в этой области является Инновационный проект развития образования (ИПРО), соглашение о реализации которого было достигнуто Правительством Российской Федерации и

Всемирным банком в 1998 г. Проект ИПРО включал, в частности, программу «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах». В проекте участвуют 59 высших учебных заведений, в том числе 41 региональный университет (13).

ИПРО внес заметный вклад в реформирование учебных планов: все учебные планы вузов – участников обогатились новыми дисциплинами федерального компонента – микроэкономикой, макроэкономикой и эконометрикой. Однако дисциплины вузовского компонента подверглись меньшим изменениям: в настоящее время учебные планы по этим дисциплинам часто представляют собой гибрид из старых и новых учебных дисциплин. Сохранение старых курсов в учебных планах объяснялось необходимостью, во-первых, сохранения старых или введения псевдоновых дисциплин для обеспечения учебной нагрузкой профессорско-преподавательского состава, значительная часть которого не могла быстро перестроиться на преподавание новых курсов; во-вторых, учета амбиций кафедр, стремившихся включить читаемые ими, часто устаревшие по содержанию, дисциплины в список обязательных.

В результате между зарубежными и отечественными учебными планами имеется лишь чисто внешнее сходство (например, когда под видом курса «Международная экономика» преподается курс «Экономика зарубежных стран»). Однако под давлением предпринимательского сообщества вузы, стремящиеся получить приличный рейтинг, были вынуждены вводить в учебные планы дисциплины если и не полностью соответствующие, то хотя бы близкие к международным стандартам.

Развитие учебных планов в вузах России в период реализации ИПРО в 1998–2004 г. шло высокими темпами, как в вузах – участниках проекта, так и в других вузах, получавших от участников проекта неоценимый опыт и материалы. Ориентирами в этом служили учебные планы лучших зарубежных вузов, ведущих российских вузов, а также требования Государственного образовательного стандарта (ГОС) сначала первого, а затем и второго поколения. Вузы, участвующие в проекте, организовали более 600 новых курсов обучения, а более 16 тыс. студентов этих вузов получили возможность использовать учебные пособия мирового класса. Кроме того, 700 преподавателей повысили свою квалификацию в ведущих зарубежных и российских университетах и научных центрах, приведя ее в соответствие с международными стандартами (13).

В развитии учебных планов просматриваются следующие основные тенденции.

1. Укрепление базовых курсов, составляющих «ядро» соответствующих образовательных программ. В программах подготовки экономистов это, в первую очередь, курсы микроэкономики, макроэкономики, эконометрики.

2. Сокращение количества и объема второстепенных курсов, не относящихся к «ядру» программы. Прежде всего это коснулось узкоспециализированных курсов (например, отраслевых экономик в подготовке экономистов), конкретные знания по которым могут быть легко получены и интерпретированы специалистом, получившим фундаментальные знания, а конкретная информация по которым быстро устаревает.

3. Усиление внимания к самостоятельной работе студентов, повышение доли самостоятельной работы студентов в общем объеме учебной нагрузки.

4. Расширение возможностей выбора учебных курсов при условии реализации «ядра» программы. Для такого расширения необходимо было разработать соответствующие курсы по выбору на требуемом уровне.

5. Включение в учебные планы магистратуры научных семинаров.

6. Реализация кредитной системы с целью обеспечения международной сопоставимости российских образовательных программ (1, с. 19).

В ходе реализации ИПРО произошли значительные изменения структуры учебных планов вузов-участников, выразившиеся в сокращении числа обязательных и увеличении числа элективных курсов в связи с тем, что в рамках ИПРО преподаватели получили возможность разработать новые курсы и учебно-методическое обеспечение к ним. В то же время сокращение числа обязательных курсов и рост количества дисциплин по выбору расширяют возможности для специализации, обеспечивая фактическое участие студентов в формировании своих индивидуальных учебных планов. Это повышает гибкость системы экономического образования и укрепляет обратную связь со студенческой аудиторией: о качестве курса красноречиво говорит количество студентов, выбравших тот или иной курс.

В целом учебные планы вузов – участников ИПРО стали более диверсифицированными и гибкими, усилилась их направленность на формирование у студента самостоятельного мышления и ответственности за результаты своего обучения. Эти изменения несомненно свидетельствуют о приближении системы подготовки экономистов к международным стандартам по сравнению с допроектным уровнем. В то же время ни один из ведущих экономических вузов России пока не стал полноценным центром научных исследований, где на своем уровне компетенции каждый

преподаватель, каждый аспирант, каждый студент вел бы исследовательскую работу. Усиление исследовательской составляющей, особенно на уровне магистерских программ и аспирантуры, повышение качества и рост международного признания научной деятельности преподавателей являются важнейшими элементами дальнейшей деятельности в направлении, заданном ИПРО (1, с. 21).

Опыт некоторых вузов по реформированию содержания курсов подготовки экономистов и управленцев

Экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Активные поиски путей обновления содержания экономического образования и организационных форм его реализации начались на факультете в конце 80-х годов XX в. В 1990 г. ученый совет факультета принял новую концепцию экономического и управленческого образования, основная идея которой заключалась в переходе к многоуровневой системе подготовки кадров «бакалавр – магистр – кандидат наук».

В 1991 г. факультет одним из первых в России, отказавшись полностью от подготовки дипломированных специалистов, осуществил одновременно прием на образовательную программу подготовки бакалавров по направлению «Экономика» и магистрскую программу «Международный бизнес».

Была разработана новая концепция формирования учебных планов, предусматривающая:

- блоковый принцип изучения взаимосвязанных между собой с точки зрения конечных целей обучения дисциплин. Было сформулировано четыре основных блока для обоих направлений: фундаментальный («ядро») (микро- и макроэкономика, эконометрика, история экономических учений и др.); конкретно-экономический (большинство прикладных дисциплин); инструментальный (математический анализ, линейная алгебра, теория вероятности, статистика) и общеобразовательный (правоведение, культурология, социология, политология, русский язык и культура речи, социальная психология);
- последовательное возвращение к изучаемым курсам – от вводных через промежуточные к продвинутым – на более глубоком уровне преподавания с усложнением инструментального аппарата;

– требование постоянного введения в учебный план новых курсов и обновления содержания уже сложившихся, традиционных дисциплин.

В настоящее время на факультете действует уже четвертая редакция учебного плана подготовки бакалавров по направлению «Экономика» и третья – по направлению «Менеджмент». В действующем учебном плане подготовки бакалавров по направлению «Экономика» предусмотрена возможность специализации по двум направлениям, которые пока не имеют формального названия. Условно одно из них носит более теоретический, а второе – конкретно-прикладной характер.

В сентябре 1991 г. первые 12 студентов были зачислены на первую магистерскую программу – «Международный бизнес». В 2004/2005 уч. г. в рамках магистерской подготовки студенты обучаются по двум направлениям – «Экономика» и «Менеджмент» и по 16 магистерским программам, в том числе: «Экономическая теория», «Математические методы анализа экономики», «Мировая экономика», «Государственная политика и регулирование», «Финансовая экономика», «Экономика предпринимательства», «Экономика социальной сферы, труда и народонаселения» (направление «Экономика»), «Бухгалтерский учет и аудит», «Общий и стратегический менеджмент», «Управление проектом», «Маркетинг» и т.д.

Факультет реализует два вида магистерских программ:

- теоретического, научно-исследовательского характера;
- прикладного, практического характера.

В первом случае студенты в течение двух лет продолжают углубленное изучение базовых фундаментальных экономических дисциплин, но при этом большое внимание уделяется их подготовке в конкретной области экономических и управлеченческих знаний. Одна из основных целей этого вида магистерской подготовки – формирование у студентов аналитического мышления и навыков в области научно-исследовательской и педагогической деятельности. Студентам предоставляется возможность подготовки и сдачи экзаменов кандидатского минимума. Итогом обучения являются защита магистерской диссертации и сдача государственных экзаменов, после чего возможно обучение в аспирантуре для написания и защиты диссертации на соискание степени кандидата экономических наук.

Во втором случае основная задача магистерской подготовки состоит в том, чтобы наряду с определенной фундаментальной экономической и управлеченческой подготовкой дать студентам возможность овладеть углубленными конкретно-экономическими и управлеченческими зна-

ниями и прикладными навыками и умениями. Поэтому в период обучения студенты изучают как теоретические, так и конкретно-экономические и инструментальные дисциплины. Завершается обучение также защитой магистерской диссертации и сдачей государственных экзаменов. Желающим предоставляется возможность подготовки и сдачи экзаменов кандидатского минимума.

Учебный план каждой магистерской программы состоит из трех основных блоков дисциплин (соответственно 25, 25, 50% учебного времени).

Первый блок – дисциплины направления – базовые общеобразовательные и экономические (управленческие) дисциплины, обязательные для всех обучающихся на магистерских программах направления «Экономика» («Менеджмент»).

Второй блок – дисциплины программы – обязательные фундаментальные дисциплины каждой программы.

Третий блок – дисциплины специализации: а) обязательные, б) по выбору.

Первый блок предусматривает получение необходимых для высококвалифицированных специалистов общенаучных и общеэкономических знаний. Для подготовки магистров по направлению «Экономика» – это продвинутые (*advanced*) курсы по микро- и макроэкономике, эконометрике, философии и иностранному языку (7, с. 95).

Второй блок объединяет курсы, формирующие профиль той или иной программы. Например, для программы «Мировая экономика» к ним относятся: теория международной торговли, международные валютно-финансовые отношения, национальные модели экономического развития, международная статистика, международные финансовые рынки, иностранные инвестиции в мировой экономике, экономическая компаративистика, международные экономические организации, глобализация мировой экономики, рыночная трансформация экономики постсоциалистических стран, международное страхование, конъюнктура мировых товарных рынков, экономическое развитие, международный бухгалтерский учет, международная миграция и глобализация экономического развития.

Третий блок обеспечивает специализацию студентов и ориентирует их либо на продолжение дальнейшей исследовательской работы, преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях, либо на работу в конкретных сферах экономики и управления.

Одно из направлений совершенствования системы образования – модернизация технологий обучения. В первую очередь, это связано с переходом на кредитную систему или зачетную систему оценки трудоемко-

сти, которая предусматривает учет общей трудоемкости: традиционная аудиторная работа плюс самостоятельная. При этом удельный вес первой существенно сокращается: соотношение аудиторной и самостоятельной работы составляет 1 : 3.

Для учета трудоемкости используется единый для всех учебных дисциплин и видов обучения норматив: 1 зачетная единица = 36 академическим часам, 1 учебная неделя = 1,5 зачетным единицам. Общая трудоемкость магистерской программы равна 120 зачетным единицам, из которых 60 зачетных единиц приходится на 1-й год обучения и 60 зачетных единиц – на 2-й год обучения.

В соответствии с требованиями государственного стандарта подготовки магистров по направлению «Экономика» на образовательную подготовку магистров отводится 60 зачетных единиц. Трудоемкость каждой дисциплины первого блока составляет 4 зачетные единицы или 144 академических часа, из которых 36 часов – аудиторные занятия и 108 часов – самостоятельная работа студентов; второго блока – 3 зачетные единицы или 108 академических часов, из которых 28 часов – аудиторные занятия и 80 часов – самостоятельная работа студентов; третьего блока – 2 зачетные единицы или 72 академических часа, из которых 18 часов – аудиторные занятия и 54 часа – самостоятельная работа студентов.

На научно-исследовательскую работу студентов приходится 54 зачетные единицы. Одной из основных форм обучения являются научные семинары. Общая трудоемкость этого вида работы составляет 25 зачетных единиц; подготовки курсовой работы – 2 зачетные единицы, магистерской диссертации – 6 зачетных единиц, научно-педагогической практики – 2 зачетные единицы, преддипломной практики – 19 зачетных единиц; защиты магистерской диссертации и сдачи государственного квалификационного экзамена – 6 зачетных единиц (7, с. 96).

Организационно учебный процесс в магистратуре строится следующим образом. Обучение осуществляется в «малых» группах с количеством студентов 25–30 человек. Учебный год разделен на 3 триместра продолжительностью 16 недель, 12 недель и 12 недель соответственно. Между триместрами студентам предоставляются 7–15-дневные каникулы. Обучение организовано по модульному принципу, отсутствуют специальные экзаменационные сессии. В каждом триместре изучается в среднем 4–6 дисциплин. Продолжительность каждого курса не более одного триместра. Итог обучения по дисциплине – дифференцированная (с оценкой) аттестация, которая проходит на последнем занятии. Результаты

рующая балльно-рейтинговая оценка студента по курсу формируется из оценки его текущей успеваемости, оценки самостоятельной работы, оценки экзаменационной работы. По сумме набранных баллов выставляется итоговая оценка по учебной дисциплине. Отсутствует традиционное административное деление аудиторных часов на лекционные и семинарские занятия. Преподаватели самостоятельно решают вопрос о формах обучения и контроля в зависимости от конкретного курса, наличия учебно-методической литературы, уровня подготовки студентов и т.п. В магистратуре студент должен быть активным участником учебного процесса, поэтому основные формы обучения здесь – деловые игры, разработка проектов, анализ ситуаций, подготовка рефератов и эссе и т.п. Более активно в учебном процессе используются интернет-ресурсы, компьютерные технологии, дистанционные формы обучения. Вид практики, которую студенты проходят во время обучения, – научно-исследовательская, производственная, педагогическая – определяется содержанием программы и желанием студента. Тематика курсовой и дипломной работ также не только взаимосвязаны между собой, но и определяют задание студенту во время прохождения практики (7, с. 96).

Магистратура – это весьма динамичная, постоянно развивающаяся структурой. Ярким примером является введение таких новых организационных форм работы со студентами, как научные семинары в рамках магистерских программ направления «Экономика» и практические семинары в рамках магистерских программ направления «Менеджмент», в проведении которых принимают активное участие как ведущие профессора и преподаватели экономического факультета, так и представители бизнеса.

Для студентов магистерских программ направления «Менеджмент» в рамках сотрудничества экономического факультета МГУ и Клуба 2015, объединяющего менеджеров и предпринимателей, организован практический семинар на тему «Динамика развития и стратегическое планирование в различных индустриях. Практика бизнеса в России». Основная цель семинара – продемонстрировать важнейшие стратегические концепции на примере корпоративных стратегий ведущих в своих областях компаний, действующих в России.

Основные проблемы, возникающие при реализации магистерских программ, обусловлены, в частности, отсутствием сложившейся системы непрерывного образования, нерешенностью вопросов финансирования магистерской подготовки и ее организационного оформления в рамках

факультета и университета, недостаточной проработанностью методики преподавания (7, с. 98–99).

Подобные изменения произошли и в магистерских программах других участвовавших в ИПРО вузов (в том числе, Новосибирского государственного университета (НГУ), Финансовой академии, Российского университета дружбы народов (РУДН) и др.).

Изменение программы подготовки магистров – наглядный пример того, как результаты ИПРО находят свое воплощение в структуре и наполнении образовательных программ. Можно сказать, что и содержательно, и методически, и организационно обучение магистров в ведущих университетах России приблизилось к мировому уровню (1, с. 20).

ГУ–ВШЭ. В ГУ–ВШЭ, где на уровне бакалавриата направления «Экономика» реализуются две программы (факультета экономики и Международного института экономики и финансов), укрепились курсы «ядра» программы (1000–1200 часов в сумме на микро- и макроэкономику и 270 на эконометрику вместо 600 и 170 по ГОС). На факультете экономики изучение микро- и макроэкономики сейчас начинается сразу на промежуточном уровне и проходит лишь один цикл при сохранении общего числа часов, что позволяет обеспечить весьма глубокий уровень изучения каждой темы и курса в целом. В Международном институте экономики и финансов (МИЭФ) изучение микро- и макроэкономики также завершается на промежуточном уровне и в силу требований программы Лондонского университета (все студенты МИЭФ обучаются по программе двух вузов) происходит в течение трех лет. Курс эконометрики в МИЭФ в период реализации ИПРО существенно расширился (два семестра вместо одного) и вместе с курсами математической и прикладной статистики и анализа временных рядов представляет собой один из наиболее глубоких и эффективных инструментальных блоков на бакалаврских программах по экономике общей (не экономико-математической) ориентации. Общее количество курсов в учебных планах сократилось до примерно 35 на факультете экономики ГУ–ВШЭ и до 30 – в МИЭФ в результате укрупнения ряда курсов; доля самостоятельной работы в учебных планах ГУ–ВШЭ выросла до 55–60% при соответствующей организации и координации самостоятельной работе студентов (1, с. 20).

Что дальше? В мире выделились три типа экономического образования, которые условно (по стране, где каждый из них в наибольшей степени укоренился) можно назвать американским, английским, немецко-французским. Для американского экономического образования характер-

на высокая степень математизации, что ведет к абстрактизации науки. Основой английского варианта является изучение аналитического инструментария экономической науки в рамках курсов макро- и микроэкономики, эконометрики с сопровождающими курсами математики и статистики, с выходом на узкий круг прикладных и специализированных дисциплин, где этот инструментарий применяется. Для немецко-французского экономического образования характерен большой набор общеобразовательных и околоэкономических курсов, а также экономических дисциплин, охватывающих все стороны этого предмета. Однако в последние годы в мире наблюдается очень высокая степень конвергенции содержания экономических курсов и методов обучения. В некоторой степени тенденция к униформизации обучения экономике может стать источником интеллектуального обеднения и конформизма, наносящих вред креативным способностям (20).

В России представлены все три подхода к экономическому образованию, но предпочтение отдается американской модели преподавания экономики, которая неоднократно подвергалась критике в самих Соединенных Штатах. Например, в ходе подобной дискуссии в 50-е годы XX в. высказывались упреки в уходе преподавания экономики от реальной жизни. Уже тогда отмечалось, что необходимо обучать студентов вести дискуссии, ориентировать преподавание на реальные социально-экономические проблемы, а не абстрактные ситуации (23).

За последние 10–12 лет преподавание экономики в США также неоднократно подвергалось критике со стороны самих преподавателей и научного сообщества. В ряде работ констатировалось, что преподаватели университетов «больше заинтересованы в проведении научных исследований, чем в обучении студентов», и предсказывалось, что американское высшее образование ждет плачевное будущее, если не будет решена проблема его качества (15, с. 5).

Озабоченность качеством и эффективностью методов обучения экономике в вузе вылилась в проведение анкетирования преподавателей-экономистов на национальном уровне. Согласно одному из опросов, проведенному в 1995 г., был составлен портрет преподавателя экономики в американском вузе: это белый мужчина (только 17% опрошенных преподавателей были женщины и только 11% – представители расовых и этнических меньшинств), имеющий степень доктора философии, основным методом преподавания которого является лекция, в ходе которой он использует классную доску для формул и графиков, и который в качестве

домашнего задания задает чтение из общепринятого учебника (15, с. 7). Анкетирование показало низкий уровень использования техники (компьютеров, видеомагнитофонов и т.д.) на всех занятиях, кроме статистики и эконометрики. Повторное анкетирование, проведенное в 2000 г., подтвердило, что традиционная лекция по-прежнему остается излюбленным и наиболее широко используемым методом преподавания экономики.

Использование творческих и совместных видов обучения, т.е. приглашение группы преподавателей или внешних лекторов для проведения занятий и группы студентов для выполнения заданий, в преподавании экономики также находится на более низком уровне по сравнению с другими дисциплинами. И хотя преподаватели много и часто используют разработанные ими самими задачники и пособия в качестве дополнительного материала для чтения или заданий, к публикациям из научных журналов по экономике обращаются только на старших курсах. Правда, в последние годы отмечается некоторый рост интереса к инновационным методам в преподавании. Наряду с общепринятыми математическими моделями и играми преподаватели все чаще используют Интернет и электронную почту в проведении дискуссий; стараясь увлечь студента изучаемым материалом, разрабатывают неортодоксальные подходы к решению задач (например, представление экономической проблемы как детективной истории). «Тем не менее на сегодняшний день методы преподавания экономики в американских вузах остаются традиционными, если не сказать, устаревшими» (15, с. 9).

Дискуссии о содержании экономических дисциплин периодически возникают в разных странах. Весной 2000 г. студенты экономических факультетов ряда французских университетов выступили с открытым письмом, в котором выражалось недовольство преподаванием экономических дисциплин. Основные претензии студентов сводились к следующему. Во-первых, существующие программы, в основном строящиеся на неоклассической теории и связанных с ней подходах, не дают достаточных знаний для понимания экономических процессов. Иными словами, содержание обучения не увязано с реальной жизнью. Во-вторых, засилье математики на экономических факультетах приводит к тому, что она более не является одним из инструментов анализа экономики: ее изучение становится самоцелью. В-третьих, преподаватели, как правило, не утруждают себя представлением различных подходов к объяснению экономических явлений, т.е. преподавание носит догматический характер (22, с. 1).

В поддержку студентов выступили такие известные французские экономисты, как Б. Полре, М. Альетта, Ж. Фрессине, Ф. Лордон. В письме, названном «Преподавание экономической науки. Наконец!», они подчеркивали необходимость совершенствования содержания и способа преподавания этой дисциплины, а также выяснения того, чего студенты и гражданское общество ожидают от экономистов (21, с. 12).

В письме осуждается математический формализм и говорится о необходимости плюралистического подхода в преподавании истории экономической мысли. Авторы подчеркивают, что математическая виртуозность не обеспечивает удовлетворительный ответ на сложные социальные вопросы, а правильность теории подтверждается только фактами. Что касается плюрализма, авторы считают, что французские университеты должны способствовать развитию теоретических дискуссий, чтобы избежать полной зависимости от стандартной экономики, как это имеет место в США.

Однако ряд французских экономистов (К. Буассье, П. Артю, А. Отюме, Ж.-М. Даньель) придерживаются прямо противоположных взглядов. Они защищают математическую формализацию, дающую исследователям средства экспериментальной проверки теоретических построений. В частности, профессор Университета Париж-1 Пантеон – Сорbonна К. Буассье (20) отмечает, что часто математическое моделирование жизненно важно для объяснения гипотез, выявления их взаимосвязи и формулировки гипотез, которые некоторые экономисты часто спешно называют «теоремами», проводя слишком смелые аналогии между экономикой и математикой.

Он выдвигает следующие аргументы в пользу раннего обучения количественным методам. Во-первых, это обеспечивает доступ ко все более формализованной экономической литературе; во-вторых, помогает избавиться от комплексов; в-третьих, обеспечивает переход к прикладной экономике. В любом случае макроэконометрические модели полезны, хотя часто при простой экстраполяции приводят к ошибкам в прогнозах.

Превалирование неоклассической теории в экономических курсах объясняется сочетанием таких факторов, как ее внутренняя связность и строгость, формальная красота, нашедшая отражение в модели Эрроу – Дебре, постепенно обогащавшейся допущением несовершенной конкуренции, экстерналий, стимулов и т.д.; распространение рыночной экономики в мировых масштабах.

Этой же точки зрения придерживаются Д. Лоренс и Ф. Плассар (21), отмечающие, что математическая формализация действительно является меж-

дународным стандартом, с которым трудно бороться. Практически все статьи, публикуемые в международных журналах, «математизированы». С 1969 г. большинство Нобелевских премий присуждалось экономистам-математикам. В случае сокращения курса математики на экономических факультетах последние уже не смогут готовить ученых международного уровня.

Дискуссии о содержании и методах преподавания экономических дисциплин имеют место и в России. И здесь специалисты тоже делятся на два лагеря: сторонников и противников усиления математизации экономического образования, выдвигая в защиту своей позиции сходные аргументы. Так, Э.Б. Ершов и Г.Г. Канторович отмечают, что «после перехода на схему подготовки экономистов, соответствующую мировому *main-stream*'у, отпала необходимость доказывать значение математической составляющей для экономистов», хотя «простое копирование западных учебных планов представляется серьезной ошибкой», поскольку позаимствованная в основном из США методика преподавания микро- и макроэкономики согласована со средним уровнем математической подготовки школьников, который заметно ниже отечественного (6).

Противники чрезмерной математизации экономики, признавая невозможность представить современную экономическую теорию без экономико-математического моделирования и эконометрики, отмечают, что математический язык переводит акцент на формализацию реальных процессов, а не на выявление их глубинных взаимосвязей. Излишняя математизация и формализация изложения материала приводят к конструированию объектов, в весьма малой степени свойственных реальной экономике, т.е. в определенном смысле экономика приносится в жертву математике. Преподаватели-практики, особенно из провинциальных вузов, отмечают также довольно низкий уровень математической подготовки студентов и недостаточное владение аппаратом математического анализа многими преподавателями экономической теории (5).

Опыт преподавания *экономикс* вынудил даже либерально мыслящих экономистов говорить о формировании в преподавании экономики новой идеологизированной холастики, отличающейся большей математизацией, но также далекой от реальной жизни, как и старая советская политэкономия, тогда как главная задача экономической науки – формирование у студентов-экономистов целостного видения экономических процессов и экономической динамики, умения рассматривать современные проблемы как элемент длительной эволюции, выработка навыков целенаправленного конструирования и постепенного «выращивания» экономических и соци-

альных институтов. Кроме того, необходимо развивать новые направления исследований, которые анализируют трансформацию экономических институтов в постсоветской России и в других периферийных странах, наиболее перспективным из которых, по мнению Р. Нуреева и Ю. Латова, является институционализм во всех его разновидностях. Именно институциональная экономика, стремящаяся работать «на стыке» экономики с другими общественными науками, наиболее полно удовлетворяет спрос экономистов и специалистов ряда других областей на интегративное знание (12).

В то же время сторонники мейстрима настаивают не на сокращении роли математики в преподавании экономики, а на совершенствовании структуры и методов преподавания экономико-математических дисциплин, их тесной увязке с общим строением высшей профессиональной подготовки экономистов. Они исходят из того, что накопление знаний, в том числе и о недостатках, ограничениях и противоречиях существующих теоретических представлений об экономике, приводит к смене таких представлений хотя бы в определенных проблемных областях, что дает импульс для синтеза знаний и перехода к новой парадигме. Такой переход назревает в области моделирования процессов функционирования многоотраслевой экономики, цели которого – анализ и прогноз вариантов экономической политики. Поэтому в процессе подготовки экономистов к исследовательской и преподавательской деятельности важнейшее значение приобретает проблемно-ориентированный подход, при котором целью является получение нового знания, а не усвоение уже известного, что «предполагает уже полученный высокий уровень экономической, математической и экономико-математической подготовки и умение использовать ее в комплексе» (6).

Заключение. Российское экономическое образование – тема проблемная и неоднозначная. Одни считают, что нынешние вузы так и не вышли из спячки, в которой они пребывали в советское время, другие отмечают значительные улучшения в вузовском образовании в 90-е годы прошлого века и существенный скачок за последние несколько лет. Истина, скорее всего, находится где-то посередине (28, с. 74).

По мнению ректора ГУ–ВШЭ Я. Кузьминова, «глобальной проблемой высшей школы является неспособность соответствовать велениям времени» (18, с. 75). Ценность высшего образования состоит не столько в сумме полученных знаний, сколько в умении учиться, а нынешние выпускники, приходя на работу, в лучшем случае лишь реализовывают накопленные знания, а не продолжают учиться.

Практика выявила и такую слабость сложившегося в последние годы подхода к экономическому образованию: в учебных курсах акцент делается на закономерностях, типичных для стран с развитой рыночной экономикой, что грозит отрывом от реальной действительности. Остаются нерешенными и крайне болезненные вопросы финансирования образования и трудоустройства выпускников.

При всей значимости достигнутых результатов, в частности в рамках ИПРО, полностью решить все проблемы реформирования экономического образования в российских вузах пока не удалось. Современное высшее образование, как и знания в любой конкретной области, должно развиваться постоянно и высокими темпами, поэтому и процесс его реформирования должен быть перманентным процессом (1, с. 58).

Список литературы

1. Автономов В.С., Дорошенко М.Е., Замков О.О. Итоговый аналитический отчет по результатам реализации проектов по экономике вузов – участников Инновационного проекта развития образования. – Режим доступа: <http://portal.ntf.ru/pls/portal/docs/PAGE/NTF/PROJECTS/HIGHEDUCATION/RESULTS/NAB34997/1.2.2.4>.
2. Балацкий Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования. – Режим доступа: <http://obzor.tomsk.ru/news/39088>
3. Белкин В. Задались ли реформы Гайдара? – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/belkin.html
4. Витцтум А. Экономическое образование в России: институциональные изменения и реформирование учебных программ. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/07/06/0000215234/008.VITTSTUM.pdf>
5. Денискина Е.В., Тихомирова Ю.А. Экономическое образование: Совершенствовать, а не разрушать. – Режим доступа: http://aeli.altai.ru/nauka/sbomik/2001/deniskina_tihomorova.html
6. Ершов Э.Б., Канторович Г.Г. Проблема обеспечения академического качества в преподавании экономико-математических дисциплин для экономических специальностей. – Режим доступа: <http://hse.ru/temp/2003/files/umo-2.pdf>
7. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в болонский процесс: Материалы к обсуждению. – Режим доступа: <http://www.kubsu.ru/files/softway.doc>
8. Ковзик А., Уотс М. Реформирование высшего образования в России, Беларуси и Украине //Экон. вестн. – Минск, 2003. – Вып. 3, № 1. – С. 60–77.
9. Кузьминов Я.М., Любимов Л.Л., Радаев В.В. Проблемы и перспективы образования в области экономических и социальных наук. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.ru/db/msg/214311/001>. KUZx60MINOV. pdf.html

10. Ливни Э. СНГ: реформа высшего экономического образования, шаг вперед... – Режим доступа: http://www.eerc.ru/details/download.aspx?file_id=3935
11. Любимов Л. Реформа образования: благие намерения, обретения, потери (Что же делать с «лучшим в мире» образованием?). – Режим доступа: <http://hse.ru/pressa2002/default.php?show=8970&selected=140&PHPSESSID=631fb320634c8fd278345c20eb0b0e94>
12. Нуриев Л., Латов Ю. «Плоды просвещения» (российская неоклассика и неоинституционализм на пороге III тысячелетия). – Режим доступа: <http://www.ie.boom.ru/Nureev/Nureev1.htm>
13. Обеспечить образование мирового класса в российских школах и вузах. – Режим доступа: <http://wbln1018.worldbank.org/ECA/Rus.nsf/0/1B4237419577092985256FBD0056DBEC?OpenDocument>
14. Полищук Л. Реформа экономического образования в России: потребности, ресурсы, мотивация. – Режим доступа: http://www.eerc.ru/details/download.aspx?file_id=3941
15. Суспицына Т. Статус и состояние экономики как учебного предмета в вузах США. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/153963.html>
16. Тезисы доклада Государственного университета – Высшей школы экономики 28 ноября 2000 г. на конференции РАН. – Режим доступа: http://www.opec.ru/library/article.asp?d_no=290&c_no=26&c1_no=
17. Телешова И.Г. Новые стандарты и развитие магистратуры в российских университетах: опыт МГУ им. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.ru/db/msg/214311/014.TELESHOVA.pdf.html>
18. Удовиченко М. Молодые неспециалисты // Финанс. – М., 2005. – № 2. – С. 74–77.
19. Экономические институты. – Режим доступа: <http://www.oval.ru/enc85433.html>
20. Boissieu Ch. Sur la demarche et la formation de l'economiste // Problemes econ. – P., 2001. – № 2734. – P. 8–11.
21. Laurens D., Plassart Ph. Le role des mathematiques en economie // Problemes econ. – P., 2001. – № 2734. – P.12–14.
22. Petitions et contre-petition // Problemes econ. – P., 2001. – № 2734. – P.1–3.
23. Rapport Fitoussi: Propositions pour une reforme au-dela des polemiques // Problemes econ. – P., 2001. – № 2734. – P.16–17.

Л.А. Зубченко

**СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА УЧЕБНИКОВ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

Одним из главных базовых элементов процесса образования, в значительной мере определяющим его общий уровень и соответствие международным образовательным стандартам, является качество учебно-методической литературы. Именно из нее получают основную информацию и профессиональную подготовку будущие специалисты. Современные учебники по экономике должны выполнять роль источника творческого осмысления и анализа сложных явлений экономической реальности, развивать у студентов творческое отношение к экономическим знаниям. К тому же экономическая теория является необходимой основой для изучения таких конкретных экономических дисциплин, как маркетинг, менеджмент, национальная экономика, мировое хозяйство, финансы, экономика предприятий, экономика отдельных отраслей, и т.д. Содержание, структура и последовательность изложения разделов экономической теории определяют не только логику изучения теоретического курса, но и во многом – логику всего учебного плана и содержание других экономических дисциплин.

В последнее время в российской научной литературе идет острая полемика, связанная с необходимостью подготовки новых учебников и учебных пособий, разработкой структуры и содержания учебных курсов по экономике. Это в первую очередь связано с тем, что с начала 90-х годов в России утратили свое практическое значение бывшие советские учебники по политической экономии. В советские времена мало было известно о существовании в остальном мире другой экономики с совер-

шенно иным набором основных дисциплин – макроэкономики, микроэкономики, эконометрики, экономики общественного сектора, международной экономики и т.д. Серьезное знакомство с западной экономической наукой было достоянием весьма узкой прослойки специалистов. Сегодня в российских университетских и исследовательских центрах изучается весь спектр экономических дисциплин, причем на основе свободного выбора и обмена идеями.

С началом переходного периода научное обеспечение учебных дисциплин по экономике было возложено на западные учебники. В курсе экономической теории, как правило, изучались учебники по «Экономикс», в которых излагались положения неоклассической теории – так называемого «мейнстрима» – основного течения в современной западной экономической мысли, занимающего доминирующие позиции.

Основоположником большого «семейства» учебников по «Экономикс» является курс П. Самуэльсона (1-е издание вышло в США в 1948 г.). Его пятое издание было переведено на русский язык в 1964 г. (18), в последующем было переведено 11-е издание, написанное совместно с В. Нордхаусом (19). Немалой популярностью пользовался также учебник С. Брю и К. Макконелла «Экономикс: Принципы, проблемы, политика», впервые переведенный на русский язык в 1992 г. (в 2004 г. в США вышло в свет его 16-е издание).

В последнее десятилетие появились многочисленные учебники по экономической теории, написанные российскими авторами, часть которых пытается объединить современные положения неоклассической теории с некоторыми традиционными положениями марксистской политэкономии, а другая часть излагала учебный материал в русле мейнстрима. Обстоятельный обзор публикаций учебной литературы по экономической теории в 90-е годы содержится в статье Р. Нуриева и Ю. Латова (12).

Как отмечается в докладе специалистов ГУ–ВШЭ, «быстрая смена ориентиров, идеологическое (а порой и политическое) давление в сторону скорейшего освоения западных стандартов привели к расколу и дезориентации академического сообщества» (23, с. 85). Среди характерных последствий подобного давления авторы доклада выделяют следующие:

- оживились консервативные тенденции, отвергающие западную науку в принципе как нечто чуждое и даже враждебное;
- параллельно сложилось некритическое восприятие «экономикс» как вершины научной мысли;

– начал нарастать интерес к поиску «среднего пути» – попыткам «синтеза» политэкономии и «экономикс» без учета качественной разнородности обеих научных традиций.

В этих условиях в стране не прекращается дискуссия о содержании, логике и структуре учебников по экономической теории, главным образом базового учебника, лежащего в основе курсов по другим экономическим дисциплинам. Различные типы учебников по экономической теории можно классифицировать следующим образом (22, с. 80–81).

- *Стандартные* («Экономикс», «Принципы экономики» и т.д.) – базовые учебники для университетских курсов по основам экономической теории (по базовым курсам микро- и макроэкономики).

- Учебники *промежуточного* уровня, рассчитанные на повторное, более углубленное изучение экономической теории, включающие выводение и доказательства математических моделей экономических процессов.

- Учебники *продвинутого* уровня, глубоко исследующие детали экономической теории, использующие специальные методы анализа, рассчитанные на специалистов в области экономической теории.

- *Нестандартные* учебники, среди которых можно выделить популярные, прикладные, адресные (экономика для предпринимателя, банкира, менеджера и т.д.).

В данном обзоре речь идет о стандартном (базовом) учебнике по экономической теории, предназначенном для экономических вузов и факультетов, который должен отражать современный уровень развития экономической науки. Такой учебник является базовым в том смысле, что на его основе разрабатываются учебники по другим разделам экономической теории и экономическим дисциплинам.

Всех участников нынешних дискуссий о содержании и структуре учебника по экономической теории условно можно разделить на два основных направления: сторонников мейнстрима (неоклассической теории) и сторонников расширения границ экономической теории за счет включения в нее самых разных вопросов. Хотя процесс перехода российского образования к мировым стандартам необратим, российская экономическая мысль все еще сохраняет свою восприимчивость к немейнстриму, что во многом объясняется наличием большого числа профессиональных экономистов, получивших советское политэкономическое образование.

Примеров учебников, в которых предпринимаются попытки расширения границ экономической теории, можно привести множество; остановимся на некоторых из них.

Пытаясь преодолеть «увлечение господствующей версией неоклассической теории», что «привело к забвению в преподавании существования других направлений экономической теории», профессора МГУ д.э.н. А.В. Бузгалин и д.э.н. А.И. Колганов предложили свою структуру учебного курса по экономической теории. Его «сверхзадача» – дать студенту «представление не только о стандартном наборе господствующих ныне теоретических представлений, но и о реальной жизни крайне разнообразных, но, как никогда, ныне взаимосвязанных экономических систем» (22, с. 71–80). Начинается этот курс с раздела «Введение в политическую экономию», в котором рассматривается шесть тем: «Экономическая жизнь и экономическая теория», «Как исследовать экономические системы», «Историческое развитие и типологизация экономических систем; добуржуазные системы», «Рынок, стоимость, деньги», «Собственность и капитал», «Воспроизводство». Затем следуют разделы «Механизмы функционирования рыночной экономики», «Переходные экономические системы», «Мировая экономика на рубеже XXI века».

Академики РАН Г.П. Журавлева, Д.С. Львов и Н.Я. Петраков считают необходимым «ввести в новую экономическую теорию, помимо экономического, общегуманитарный и социологический факторы», «уделить внимание исторической эволюции взглядов на экономику, изучению и анализу экономических систем», а также «проблемам мезоэкономики – региональной экономике, экономике агропромышленного, топливно-энергетического комплексов, машиностроения, металлообработки, экономике науки». Исходя из этого они предлагают следующую структуру курса изучения учебной дисциплины «экономическая теория», которая в основном воспроизводит структуру (с некоторыми дополнениями) учебника, изданного в 1997 г. (6, с. 105–106).

Раздел I. Общетеоретические, историко-географические и методологические проблемы экономической теории. Здесь предусматривается рассмотрение следующих вопросов: значение экономической теории в современном мире; генезис и основные этапы развития экономической теории; предмет экономической теории; человек и среда жизнедеятельности человека в мире экономики; общие экономические формы хозяйствования; собственность как экономическая и юридическая категория; рынок и типология рынков.

Раздел II. Теоретические проблемы макроэкономики. В этом разделе предполагается рассмотрение следующих вопросов: субъекты рыночной экономики; сущность и особенности рыночного механизма; при-

рода стоимости и цены; спрос и поведение потребителя; теория факторов производства и распределения факторных доходов; теория производства и поведения фирмы в зависимости от издержек производства; индивидуальное воспроизведение и оборот инвестиционных ресурсов; новая экономика домашнего хозяйства; модели рынка: совершенная конкуренция; модели рынка: чистая монополия; модели рынка: несовершенная конкуренция; альтернативные теории фирмы; рынок труда; рынок капитала; рынок земли; фактор времени, неопределенность и риск; эффективность обмена и эффективность производства; общее равновесие и теория экономики благосостояния; проблема неравенства и перераспределения доходов; теория провалов рынка; экономические функции государства в рыночной экономике и инструменты государственного вмешательства; агропромышленный комплекс (АПК) как многоотраслевая функциональная подсистема общественного хозяйства; экономика науки и образования; теоретические основы формирования региональной экономики.

Раздел III. Теоретические проблемы макроэкономики. Этот раздел включает следующие вопросы: национальная экономика и основные макроэкономические показатели; теоретические модели общественного воспроизводства; теория экономического равновесия, общая модель рынка; кейнсианская модель макроэкономического равновесия; нарушение макроэкономического равновесия; экономическая нестабильность и безработица; макроэкономическое неравновесие и инфляция; основы теории денег, денежная система, модель денежного рынка; кредитно-банковская система, денежная (монетарная) политика в национальной экономике; рынок ценных бумаг и его регулирование; финансы и финансовая система; теория налогообложения; современные проблемы экономического роста; макроэкономическое моделирование потребления; макроэкономическое равновесие на товарных рынках; фондовый рынок; взаимосвязь между рынками денег и ценных бумаг; равновесие на рынках благ, денег и ценных бумаг; влияние бюджетно-налоговой политики государства на экономические процессы; теория экономической безопасности страны; теоретические проблемы мирового хозяйства, интернационализация, интеграция.

Как видно из приведенных структур предлагаемых учебников по курсу экономической теории, они включают большое количество вопросов, выходящих за рамки экономической теории как таковой, касающихся конкретных и исторических аспектов развития национальной и мировой экономики и более подробно изучаемых в курсах отдельных экономических дисциплин. Тем не менее в ходе обсуждения предлагаемого

Д.С. Львовым и его коллегами курса высказывались мнения о включении в структуру курса дополнительных вопросов, связанных с трансформацией экономических систем, анализом переходных состояний, проблем, имеющих непосредственное отношение к современному развитию экономики России и других постсоциалистических стран (20, с. 178).

Нельзя не согласиться с тем, что такие включения, хотя и расширяют «поле обзора» для читателя, разрушают представление о предмете и логику экономической теории, превращают учебник в более или менее широкий набор различных экономических тем. В результате в *основной* предмет экономической теории включается материал конкретно-экономических дисциплин, причем не в качестве примеров, отсылок к смежным проблемам других дисциплин, а как равнозначный, логически разноуровневый. В конечном счете «принципы экономического поведения субъектов исчезают в разнообразии конкретно-экономических подходов, тогда как расширение экономического образования гораздо более эффективно может быть достигнуто с помощью специальных экономических курсов и соответствующих учебников» (22, с. 66).

Возражения критиков предложенного курса вызывает также «число механическое объединение трудовой теории стоимости в едином контексте с теорией предельной полезности и неоклассической концепцией цены» (20, с. 178). Стремление включить в курс экономической теории положения прежних курсов политической экономии связано с незавершенностью «постепенного приобщения преподавательского корпуса к новой для большинства из них теоретической дисциплине» (13, с. 283). Следует отметить, что некоторые исследователи справедливо считают проблему синтеза некоторых положений марксистской и неоклассической теорий неактуальной для учебника, поскольку она не решена на теоретическом уровне и является предметом острой полемики среди российских экономистов. Невозможность синтеза в данном случае коренится в различии методологических оснований, прежде всего исходных категорий: в марксистской политэкономии это трудовая теория стоимости, а в неоклассике – предельная полезность. «Синтез (в его научном понимании как органическое включение главных результатов различных теорий в единую теорию) марксистской и неоклассической политической экономии неосуществим» (22, с. 39–40). Таким образом, «попытки включать в стандартный учебник категории и подходы Марковой системы не дают хороших результатов, методологически остаются за пределами основного

потока (мейнстрима), утрачивают собственное логическое обоснование» (22, с. 67).

Для разрешения этой проблемы некоторые специалисты предлагают дополнить фундаментальный курс экономической науки особым предметом – новой политической экономией, в котором «под новым углом изучаются экономическое содержание и правовые формы собственности, экономические отношения и их институциональная среда, экономические интересы, сотово-сетевая структура экономического пространства и другие современные политэкономические проблемы» (20, с. 179).

Ставя задачу написания учебника по современной экономической теории, авторам прежде всего необходимо выработать свою позицию в отношении ее предмета, границ и структуры. Предмет экономики как самостоятельной области научных знаний стал складываться около 300 лет назад, когда зародилась политическая экономия – предвестница будущей экономической теории. За прошедшее с тех пор время представления о предмете экономической науки значительно трансформировались. На вопрос: «Что такое экономика как наука?» – даются далеко не однозначные ответы. Вначале зародилось представление об экономической науке как о науке, изучающей создание и использование материальных благ. Предметом марксистской политэкономии считается изучение экономических законов, регулирующих хозяйственную жизнь общества, – общественное производство, распределение, обмен и потребление. В последнее время широкое распространение получил подход к формулированию предмета экономической науки, основанной на использовании ограниченных ресурсов. В соответствии с этим определением «экономическая наука изучает поведение людей и советует им, как поступать в условиях, когда приходится сопоставлять цели и ограниченные средства их достижения с учетом различных способов использования этих средств» (10, с. 8).

П. Самуэльсон и В. Нордхаус дают следующее довольно всеобъемлющее определение предмета экономической теории: «Экономическая теория – это наука о том, как люди и общество выбирают способ использования дефицитных ресурсов, которые могут иметь многоцелевое назначение, для того, чтобы произвести разнообразные товары и распределить их сейчас или в будущем для потребления различных индивидов и групп общества». В другом учебнике по экономической теории указывается, что предметом и задачей «экономикс» является изучение проблем эффективного использования ограниченных производственных ресурсов (рабочей силы, управлеченских способностей, инструментов, машин,

земли, природных ресурсов) или управления ими «с целью достижения максимального удовлетворения материальных потребностей человека» (11, с. 18).

Таким образом, определение предмета экономической теории, даваемое сторонниками разработки курсов на основе положений мейнстрина, представляется более обоснованным. Одна из сторонниц такого подхода И.Е. Рудакова, доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, подчеркивает, что «не следует отождествлять неоклассику с «Экономикс», как это часто наблюдается у ее критиков». «Экономикс» представляет собой лишь отобранные для преподавания и хорошо методически отработанные для этой цели теории. Учебник по экономической теории – кристаллы научной мысли, включающие важнейшие, широко признанные, подтвердившие свою значимость достижения науки (17, с. 22). Однако учебный материал намного уже реального потока научных исследований, результаты которых должны изучаться в спецкурсах и в других экономических дисциплинах. Рассматривая потенциал неоклассики, И.Е. Рудакова выделяет наиболее важные, на ее взгляд, положения.

Первое. Неоклассические экономические теории сформировали предмет экономической теории, выдвинув на первый план того, кто «делает» экономику, – ее субъекта (потребителя и производителя)» (17, с. 23). Если классическая экономическая теория ставила в центр исследования проблему происхождения богатства и его распределения, то неоклассика отвечала на вопросы, как функционирует экономический механизм, каким образом люди принимают экономические решения, что побуждает субъектов рынка к экономическим действиям, каким образом люди оценивают результаты своей деятельности и находят лучший вариант, каковы совместные результаты их деятельности.

В центр неоклассического анализа был поставлен индивид, определяющий ценность благ, осуществляющий выбор и участвующий в какой-либо деятельности. Смена предмета экономической теории с появлением неоклассической парадигмы стала существенным продвижением в понимании мотивов экономической деятельности и людей. Неоклассическая трактовка предмета позволила открыть новые области экономической теории. Так, институциональное направление выдвинуло на первый план правила и нормы, образующие среду, в которой индивид определяет ценность благ. Поведение человека в обмене на политическом рынке стало объектом анализа обширного отдела экономической теории – теории общественного выбора. Эти магистральные тенденции эволюции предме-

та экономической науки в полной мере нашли отражение и в ее прикладных дисциплинах, к которым относятся маркетинг и менеджмент.

Таким образом, предмет экономической теории, очерченный неоклассиками, носит фундаментальный характер, он дополнен и развит другими исследовательскими программами. Фактическое изменение роли человека в постиндустриальной экономике подтвердило значимость и актуальность именно такого понимания предмета и его отражения в разработках фундаментальной и прикладной экономической науки (17, с. 24).

Второе. Неоклассическая теория выработала язык, основные понятия, аналитический аппарат и метод исследования в данной области научного знания. Хотя метод эволюционировал, его базовые характеристики – выявление фундаментальных общих связей и зависимостей, формирование научных гипотез, вычленение главного при прочих равных (метод абстракции), построение экономических моделей, логическая цельность, проверка и согласование основных выводов с наблюдаемыми фактами и т.д. – сохранились как необходимая принадлежность метода любой версии экономической теории, претендующей на научность.

Третье. Значителен вклад неоклассики в решение конкретных проблем. Например, концепция эластичности предоставила инструмент для исследования рынка и выработки конкретных действий по его сегментации; теория монополии и других видов несовершенной конкуренции составила научную основу антимонопольного законодательства и т.д.

Именно поэтому во всех университетах мира в качестве основы экономического образования преподается мейнстрим. Это вполне закономерно, так как «неоклассическая теория внутренне согласована и последовательна, ее можно изложить без искажений на любом уровне сложности, в том числе и для начинающих» (23, с. 82).

При этом возникает следующий вопрос: пригодны ли язык экономической теории, инструменты экономического анализа – теоретические модели функционирования и развития экономической системы, разработанные на базе реалий западной экономики, – для анализа происходящих в России экономических процессов? Отвечая на этот вопрос, И.Е. Рудакова пишет: «Мы исходим из убеждения в том, что при всем национальном своеобразии Россия идет общим путем мировой цивилизации. Следовательно, о российской экономике можно говорить на языке принятой в мире экономической теории и использовать базовые модели как инструмент анализа в тех случаях, когда они соответствуют условиям, для которых они разрабатывались. То же и для модели человека» (21, с. 81).

Следовательно, «если наша страна все же движется в том же направлении, что и весь мир, то модель развитой рыночной экономики и законы рыночной экономики при всем национальном своеобразии их конкретного воплощения являются атрибутами нашей экономики» (22, с. 67). Поэтому проблема состоит не в том, включать или не включать в стандартный учебник реальности российской экономики, а в том, как это лучше сделать. При этом целесообразно использовать опыт некоторых европейских учебников, например оксфордского учебника М. Бурды и М. Виплоша (3).

Общая экономическая теория не предлагает и не может предложить точных рекомендаций, как решать конкретные проблемы отдельной национальной экономики в данный момент времени. Между тем некоторые специалисты считают, что «экономическая теория должна дать ответ, как можно создать социально ориентированную рыночную экономику, направленную на повышение благосостояния основной массы населения», а также ответ на вопросы: «А какое общество будет создано в России и каков будет его экономический базис?» (5, с. 15). Однако ответы на эти вопросы вряд ли можно непосредственно получить, изучая общую экономическую теорию. Как показывает опыт, попытки применить даже самые выдающиеся или утвердившиеся достижения экономической теории как кальку к национальной специфике часто не приносят значимых результатов (и не только на российской почве). Вместе с тем общая экономическая теория формирует базис для поиска адекватных решений, для построения прикладных моделей национальной экономики, уберегает от серьезных ошибок. И именно в этом заключаются ее значение и потенциал (17, с. 27). Экономическая теория, использующая принципы неоклассики, открыта для дальнейшего развития и может стать фундаментом и для исследования таких современных проблем, как проблема распределения доходов и эволюции экономической структуры общества, роль формальных и неформальных институтов в этом процессе, проблема эффективности и социальной справедливости в условиях постиндустриального общества.

Таким образом, сама фундаментальная природа общей экономической теории объясняет тот факт, что она не может «описать» бесконечно разнообразную специфику национальных экономик. Учитывая эту особенность, критический настрой российских экономистов в отношении неоклассической теории, раздражение по поводу неспособности «экономикс» адекватно отразить и объяснить российскую действительность становятся понятными (17, с. 26). Такая реакция, помимо других причин, была обусловлена неэффективностью рекомендаций западных экспертов

(в частности, МВФ) в сложный период перехода от одной хозяйственной системы к другой. Рекомендации опирались на господствующие теоретические концепции, не противоречившие условиям западной экономики, но мало соответствовавшие условиям российской экономики. Так, для России с неразвитым денежным рынком и институтов рыночного обмена, при отсутствии опыта поведения субъектов в рыночной экономике рекомендации монетаристов были изначально непригодны. Использование без всяких оговорок рекомендаций теории, созданной для других случаев, было по меньшей мере некорректным (17, с. 26).

Сказанное выше позволяет сделать следующий вывод. Неоклассическая теория не универсальная для всех случаев экономической жизни, она не объясняет многих явлений, которые раньше не существовали, были скрыты или не представлялись значимыми. Но базовые принципы и методы исследования теорий основного течения устанавливают отправные точки для движения теоретической мысли, остаются источником появления новых и совершенствования старых научных версий. Все это свидетельствует о значительном познавательном потенциале неоклассической экономической теории (17, с. 35). При этом под потенциалом научного знания следует понимать *объяснительную и познавательную способность* теории, а также способность формировать фундамент для поступательного развития научной мысли (17, с. 22).

В пользу изучения фундаментального курса экономической теории говорит и тот факт, что для выпускников российской высшей школы «очень важна принципиальная возможность общаться с зарубежными коллегами на одном профессиональном языке, а этот язык, как бы к нему ни относился любой из экономистов, язык именно основного течения (мейнстрима)» (13, с. 264). При переходе к соответствующим учебникам по экономической теории не следует, однако, отказываться от традиционной для преподавания экономической теории в России связи фундаментального курса со смежными дисциплинами – историей экономической мысли, экономической историей, философией, проблемами экономической политики. Особенно большое значение должно придаваться изучению первоисточников научных идей. Эта российская традиция подкрепляла фундаментальность образования. Сильные стороны отражались и в конкретных методических формах (особенно по части изучения первоисточников), в том числе и в самостоятельной работе студентов. «Эти традиции российской высшей школы не могут быть забыты и упущены в

ходе преобразований, они должны получить новое наполнение и развитие» (16, с. 146).

Структура учебников «Экономикс» достаточно стандартизована, особенно структура разделов по микроэкономике, которая в значительной степени предопределена логикой неоклассической теории. Сначала рассматривается рыночный механизм в самом общем виде – закон спроса и предложения, последующее объяснение этого закона приводит к более детальному анализу поведения основных субъектов рынка – потребителей (теория потребительского выбора) и фирм (теория фирм). Индивидуальные решения субъектов на рынках товаров и факторов производства благодаря единству лежащего в их основе принципа – максимизации полезного эффекта от экономической деятельности – приводят к скоординированному результату, а именно к достижению равновесия, и таким образом объясняет действие рыночного механизма и системы цен в условиях совершенной конкуренции (общая теория равновесия). Следующий логический шаг – несостоятельность («провалы») рынка в случае несовершенной конкуренции, внешних эффектов, общественных благ, несовершенной информации и т.д. (22, с. 68). Менее стандартизирована структура раздела по макроэкономике, в котором прежде всего определяются макропоказатели и исходные макроэкономические понятия: безработица, инфляция, модель совокупного спроса – совокупного предложения (в том числе ее кейнсианский вариант). Макроэкономические модели затем рассматриваются как обоснование государственной экономической политики. Остальные темы менее строго определены. Так, экономический рост может быть одной из первых или последней темой, опирающейся на предыдущий анализ. Несмотря на различия структур, во всех учебниках «Экономикс» рассматриваются все основные базовые понятия экономической теории.

Изучая общие закономерности функционирования и развития экономических систем, экономическая теория предстает как универсальная наука. Однако при этом существуют, во-первых, альтернативность теоретического знания и, во-вторых, национальное своеобразие теории (9, с. 47). Первое проявляется в существовании разных научных школ, разных парадигм. Имея один и тот же предмет исследования – рыночную экономику, разные научные школы в координатах своих научных парадигм либо отражают разные стороны этого предмета, либо дают разное видение этого предмета, либо выражают разные стадии его развития. В западных учебниках в наиболее важных ключевых моментах даны раз-

ные концепции и трактовки. Как правило, это делается в тех случаях, когда помогает понять появление базового понятия или фундаментальной концепции, пришедшей на смену старым взглядам. По вопросу о макроэкономическом равновесии в учебниках «Экономикс», как правило, представлены классическая, неоклассическая и кейнсианская версии.

По мнению некоторых исследователей, стандартные курсы «Экономикс» грешат «абстрактностью, внеисторизмом, излишней формализованностью» (9, с. 53). Вместе с тем попытки «освежить» их российскими иллюстрациями, будучи по-своему полезными, в целом малопродуктивны, поскольку растворяют национальные особенности в контексте общих проблем, не обеспечивая тем самым целостного понимания специфики российской экономики. Это обуславливает необходимость разработки, наряду с общим курсом экономической теории, особого курса, системно изучающего фундаментальные характеристики национальной экономики, под названием «Теория национальной экономики» или «Теория национального экономического строя» (9, с. 53). Национальное своеобразие России может проявляться в экономической теории в следующих формах: национальный стиль исследования, национальная научная парадигма, национальные экономические законы и национальная специфика универсальных законов, национальный экономический строй и национальная модель экономики, национальное развитие (9, с. 57). Курс «Теории национальной экономики» способен органично объединить в себе двухвековой отечественный научный опыт, достижения мировой экономической мысли, реалии и проблемы современной российской экономики.

На том основании, что «тот пакет знаний, который представляет сейчас ядро мировой экономической науки и вошел в учебники “Экономикс”, не может ответить на проблемы, стоящие перед Россией, да и перед всеми бедными странами, не относящимися к “золотому миллиарду”, некоторые участники дискуссии выступают за “более широкий идеологический и теоретический синтез”, дающий более реалистичные и одновременно оптимистичные ответы на проблемы развития России» (4, с. 132). По их мнению, создание такой альтернативной концепции – важнейшая задача, которая стоит сейчас перед российской гуманитарной наукой и в первую очередь перед экономистами.

Преподавание основ экономической теории с помощью учебников, базирующихся на положениях мейнстрима, не противоречит тому факту, что потребности экономической политики предполагают учет институциональных особенностей в масштабах, «непосильных» для абстрактной

неоклассической теории. Возникает объективное противоречие между экономической теорией для образования и экономической теорией для практики, особенно характерное для стран с переходной экономикой. В известной мере способом разрешения этого противоречия может стать разработка наряду с неоклассической базой институциональных курсов экономики развития, компаративных курсов переходной экономики, отражающих мировой и, конечно, российский опыт (23, с. 82). Вместо перевода и подготовки изданий на русском языке все новых типовых учебников по микро- и макроэкономике надо обратить внимание на работы по теории и практике рыночной модернизации, обобщающие реальный опыт стран с переходной экономикой.

Необходима также реорганизация системы преподавания экономической теории, в том числе усиление в ней не формально-математических, а институционально-компаративистских начал. Новый подход к разработке учебных курсов по экономической теории должен включать (12, с. 103–104):

- а) особый акцент на изучении динамики экономических институтов во всем их многообразии (отношения зависимости, правовые нормы, государственные механизмы регулирования, этические нормы и т.д.);
- б) сочетание исторического и страноведческого подходов к изучению институциональной динамики;
- в) соединение онтологического подхода с гносеологическим – характеристику не только особенностей экономических систем, но и многообразия концепций, анализирующих эти системы;
- г) междисциплинарный подход к анализу проблем экономических систем – синтез собственно экономических, исторических, правовых, этнологических, социологических и иных обществоведческих знаний;
- д) разумное использование «формального» аппарата теории микро- и макроэкономики, прежде всего экономико-математического моделирования, для решения актуальных задач, стоящих перед современной российской экономикой.

В ходе дискуссии о содержании и структуре учебников по общей экономической теории высказывались и другие предложения, заслуживающие внимания и дальнейшего обсуждения. Так, в своем выступлении на заседании Секции экономики ООН РАН в январе 2005 г. член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер указал на отсутствие в нашем экономическом образовании фундаментального базового курса по экономике для первого курса, в котором студентам объяснялось бы, что есть экономическая теория, экономическая политика и реальность и что они тесно связа-

ны друг с другом. Их нужно знать, различать и понимать, где находится одно, где – другое и где – третье (14, с. 157). Задачу разработки и внедрения такого учебника Г.Б. Клейнер считает весьма актуальной, поскольку она позволит преодолеть такие недостатки современного экономического образования, как «аутизм (когда экономическое образование становится узконаучным, имеющим малое отношение к действительности), эмпиризм (когда изучают только реальную действительность, не сопоставляя ее с положениями теории) и нормативизм (когда учат тому, что должно быть, не соотнося нормативные положения ни с реальностью, ни с теорией)» (14, с. 156).

В целом вузовское преподавание общей экономической теории, помимо профессиональной подготовки специалистов по экономике, должно быть направлено на формирование у них подлинной экономической культуры, основными компонентами которой являются (5, с. 75):

- экономическая грамотность, формирование системы представлений о механизмах и законах функционирования экономики;
- умение работать с экономической информацией;
- владение экономическим языком, экономическим мышлением, правилами экономического поведения;
- развитие экономической интуиции.

Дискуссия о содержании и структуре учебников по общей экономической теории еще далека от завершения. Дальнейшее обсуждение этих вопросов будет способствовать совершенствованию преподавания экономической теории в вузах России.

* * *

В заключение следует остановиться на оценке качества учебников, выпущенных с грифом Министерства образования, от которого во многом зависит и качество численно преобладающих учебных пособий, издаваемых в отдельных вузах. В 2001 г. в финансово-экономических вузах было выпущено 1450 учебников и учебных пособий, из которых только 101 вышел с грифом Министерства образования РФ, 101 – с грифом учебно-методического объединения по образованию и 1248 – по решению редакционно-издательского совета вуза (8).

В 2000 г. Центр социологических исследований провел экспертизу оценку качества учебной литературы, в том числе по экономике, менеджменту и финансам, вышедшей в 1998–1999 гг. под грифом Минобразо-

вания РФ. Оценки вузовских преподавателей соответствующего профиля выставлялись по пяти показателям, принятым в Минобразования:

- соответствие литературы государственному стандарту;
- соответствие литературы мировым стандартам;
- уровень доступности изложения материала;
- формирование познавательного интереса у студентов;
- общая культура и язык учебника.

По результатам оценки литература общеэкономического профиля не всегда соответствует государственному образовательному стандарту. Наиболее низко было оценено соответствие анализируемой учебной литературы общеэкономического профиля мировым стандартам. Отмечается также относительно низкий уровень доступности материала учебной литературы по экономике, которая не формирует познавательного интереса у студентов. К тому же эта литература характеризуется относительно низкой общей культурой и невысоким качеством языка. В целом литература по экономике получила общую оценку в 3,9 балла, а по финансам и менеджменту – в 4,1 балла (8).

В США, где обычно через каждые 2–3 года выходят в свет 1–2 больших учебника, вопросам качества учебных пособий уделяется особое внимание. Здесь учебники по «экономике» оцениваются университетскими преподавателями и затем дифференцируются издательствами по следующим критериям: 1) уровень анализа; 2) полнота изложения; 3) доступность изложения материала; 4) оформление книги; 5) идеология издания; 6) микроэкономика; 7) макроэкономика; 8) специальные главы; 9) качество и типы приложений, включая веб-сайты; 10) методика аудиторного применения и обучения (1, с. 128). От полученных оценок зависит, будет ли тот или иной учебник по экономике выбран попечительским комитетом в качестве базового для всего учебного заведения.

Список литературы

1. Брю С. Американский рынок учебников по экономике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – М., 2003. – № 3. – С. 122–135.
2. Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономия постсоветского марксизма // Вопр. экономики. – М., 2005. – № 9. – С. 36–55.
3. Бурда М., Виплош М. Макроэкономика: Европ. текст: Учебник / Под ред. Лукашевича В.В., Холодилова К.А. – 2-е изд. – СПб.: Судостроение, 1998. – 539 с. – Библиогр.: с. 515–521.

4. Волконский В.А. О необходимости создания альтернативной экономической теории // Экон. наука совр. России. – М., 2003. – № 4. – С. 132–135.
5. Вопросы совершенствования преподавания экономической теории в СПбГУЭФ / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов; Редкол.: Тарасевич А.С. и др. – СПб., 2001. – 178 с.
6. Журавлева Г.П., Львов Д.С., Петраков Н.Я. Какой учебник по экономической теории нужен высшей школе // Экон. наука совр. России. – М., 2003. – № 3. – С. 102 – 118.
7. Иншаков О.В. О модернизации сферы высшего профессионального образования в России // Там же. – 2005. – № 1. – С. 131–143.
8. Качество учебно-методической литературы. – Режим доступа: [http://www.ecsocman.edu.ru/ images/pubs/2004/04/22/0000155817/sheregi23](http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/04/22/0000155817/sheregi23)
9. Кульков В.М. Национальный контекст экономической теории: Прошлое и настоящее // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – М., 2003. – № 3. – С.47–57.
10. Курс экономики: Учебник / Под ред. Райзберга Б.А. – 3-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 716 с. – Библиог.: с. 705–706.
11. Макконелл К.Р., Брю Л.С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: Учебник: Пер. с англ.: В 2 т. – М.: ИНФРА-М, 2000. – Т. 1. – XXVI, 431 с.; Т. 2. – XV, 473 с.
12. Нураев Р., Латов Ю. Плоды просвещения: (Новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // Вопр. экономики. – М., 2001. – № 1. – С. 96–117.
13. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Состояние, проблемы, перспективы: Аналит. докл. – М.: Логос, 2003. – 328 с.
14. Проблемы реформирования высшей школы обсуждает Секция экономики ООН РАН // Экон. наука совр. России. – М., 2005. – № 1. – С. 156–158.
15. Радаев В.В. Важные условия развития экономической теории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – М., 2003. – № 3. – С. 9–33.
16. Рудакова И.Е. О новом качестве самостоятельной работы студентов // Там же. – С. 136–148.
17. Рудакова И. Е. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // Вопр. экономики. – М., 2005. – № 9. – С. 21–35.
18. Самуэльсон П. А. Экономика: Вводный курс: Пер. с англ. / Ред. Аникин А.А. и др.; Вступ. статья Арзуманяна А.А.; Общ. ред. и послесл. Кудрявцева А.С. – М.: Прогресс, 1964. – 843 с.
19. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В.Д. Экономика: Учеб. пособие: Пер. с англ. / Под ред. Шульгиной Н.В. – М. и др.: Вильямс, 2000. – 680 с.
20. Скаржинский М.Н., Чекмарев В.В. О структуре фундаментального учебника экономической теории // Экон. наука совр. России. – М., 2004. – № 2. – С. 177–180.

21. Современная экономическая теория: Проблемы разработки и преподавания / МГУ им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. каф. полит. экономии; Под ред. Хубиева К.А. – М.: ТЕИС, 2002. – 751 с.
22. Содержание, логика и структура современной экономической теории / МГУ им. М.В. Ломоносова. Экон. фак.; Под ред. Хубиева К.А. – М.: ТЕИС, 2000. – 274 с.
23. Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы: (Доклад ГУ–ВШЭ) // Вопр. экономики. – М., 2001. – № 1. – С. 84–95.
24. Экономическая теория (политэкономия): Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. спец. / Журавлева Г.П., Видяпин В.И., Бахирев В.В. и др.; Под общ. ред. Видяпина В.И. и Журавлевой Г.П. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 557 с.

С.Н. Куликова

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА И АДЕКВАТНОСТИ
ПОТРЕБНОСТЯМ ЭКОНОМИКИ**
(Реферативный обзор)

В настоящее время проблема качества образования в целом и экономического в частности является одной из основных тем, обсуждаемых специалистами в данной области. При этом по-разному оценивается нынешний этап. «Одни считают, что отечественное образование так и не вышло из спячки, в которой пребывало в советское время, и сильно отстает от международных стандартов. Другие отмечают последовательный рост его качества в 90-е годы прошлого века и существенный скачок за последние несколько лет» (10).

Ситуация в 90-е годы. Экономическая наука осталась совершенно неподготовленной к объяснению новых рыночных реалий, не говоря уже о том, что она не могла предложить ни предпринимателям, ни государству никаких инструментов. Была разрушена сложившаяся ранее система отношений между экономической наукой, экономическим образованием и практикой. Изменился и характер спроса на экономические знания (8). Произошли серьезные изменения в кадровом составе научных сотрудников и преподавателей: наиболее инициативные из 10 тыс. преподавателей ушли в бизнес, наука понесла серьезные потери. В результате российская система подготовки экономистов более 10 лет опиралась на людей, которые не вели собственных исследований ни до начала перестройки, ни после. Они были в лучшем случае способны освоить западные вводные учебники (4).

В начале 90-х годов идеологическое давление сверху на преподавателей исчезло, а давление снизу со стороны потребителей образовательных услуг возросло. Преподаватели, включая и представителей старшего поколения, были вынуждены осваивать западную теорию, начиная с азов. (Этим объясняется популярность в нашей стране учебников начального уровня Макконнелла и Брю, Фишера, Дорнбуша и Шмалензи, которые многие до сих пор считают воплощением современной экономической теории.) В дальнейшем уровень осваиваемых учебников рос, но у большинства передовых вузовских преподавателей сохранилось несколько пассивное, «школьярское» восприятие современной западной науки как некоего монолитного здания, лишенного противоречий и не нуждающегося в реконструкции (8). Российская вузовская система не смогла достойно ответить и на потребности отечественной экономики. Подготовка кадров оказалась неадекватной структуре профессиональных запросов российской промышленности и финансово-кредитного сектора, и потому в стране в первой половине 90-х годов возник острый кадровый голод на специалистов, понимающих механизмы рыночной экономики и способных помочь предприятиям в овладении новыми принципами деятельности. К чести системы экономических вузов, она довольно быстро перестроила профиль подготовки специалистов, и уже к последней трети 90-х годов проблема структурного несоответствия была снята.

Тем временем на смену структурным несоответствиям пришла проблема неадекватности уровня подготовки. Выяснилось, что многие, если не подавляющая часть экономических университетов России, не способны обеспечить качественную подготовку специалистов для отечественных фирм. Причины во многом сходны с теми, которые возникают в связи с подготовкой научных кадров: нехватка квалифицированных преподавателей, незнание современной практики бизнеса, отсутствие средств для переобучения кадров, а нередко и неспособность к переобучению (8).

В ответ на возросший спрос на специалистов-экономистов и менеджеров резко выросло предложение соответствующих образовательных услуг. Однако их качество в среднем оказалось чрезвычайно низким, что неудивительно: в России не осталось медицинского, технического, театрального, лингвистического, музыкального или вуза иного профиля, где бы не открылись факультеты экономики и менеджмента, как правило, при почти полном отсутствии кадров, учебных и научных библиотек. Даже специализированные экономические вузы столкнулись с дефицитом преподавателей, знающих западную теорию, слабой математической

подготовкой преподавателей и студентов и т.д. Эти проблемы оказались практически неразрешимым и для вновь созданных факультетов в не-профильных вузах и очень сложными для экономических факультетов старых «классических» университетов.

Низкое качество образовательных услуг в области экономики и менеджмента в подавляющем большинстве вузов вынудило часть российского бизнеса и некоторые федеральные ведомства пойти на открытие собственных образовательных программ и учреждений. Возникли свои вузы в ГТК и Минналогов, центры подготовки в крупнейших банках, холдингах, компаниях. Лидеры российского бизнеса часто предпочитали выпускникам экономических факультетов и вузов тех, кто закончил факультеты математики и физики. Их подготовка была базой для быстрого освоения наиболее сложных экономических и менеджеральных специальностей. Эти же выпускники шли в магистратуру ГУ–ВШЭ экономики и Российской экономической школу, после окончания которых они обладали необходимым потенциалом для обучения в аспирантурах как российских, так и зарубежных университетов.

Общая ситуация в этот период характеризуется размыванием кадрового состава, финансовой неустойчивостью и неясностью институциональных перспектив.

В середине 90-х годов финансовое положение экономических институтов и вузов стабилизируется и относительно укрепляется. Появляются новые образовательные структуры. Возникает дополнительный спрос на преподавателей, который удовлетворяется за счет переработок и множественного совместительства.

Наиболее уверенно адаптировались к новой ситуации несколько старейших классических университетов (Московский, Санкт-Петербургский, Новосибирский) и Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Они имели уже давно сложившиеся отделения экономической кибернетики, хорошо укомплектованные мировой научной литературой библиотеки, а Новосибирский госуниверситет традиционно концентрировался на серьезной подготовке по математической экономике, моделированию экономических процессов. Однако еще более важной была изначальная органическая связь НГУ с Сибирским отделением РАН. Это стало главной практической причиной того, что экономисты – выпускники НГУ оказались востребованными сегодня аспирантами западных университетов, московских банков и крупных компаний. По этой же причине в лидеры фундаментального образования сразу же вышла созданная в начале 90-х го-

дов Российской экономической школа при ЦЭМИ РАН. В этот же период происходит быстрое развитие ГУ–ВШЭ с активным привлечением исследовательских кадров из Российской академии наук.

Положение в настоящее время

Оценивая сегодняшнее положение с экономическим образованием, специалисты, занимающиеся исследованием проблем образования, представители бизнеса и государственных структур в целом выражают серьезное беспокойство, при этом существуют заметные расхождения в оценке как наблюдаемых тенденций, так и перспектив. Так, например, Л. Полищук и Э. Ливни считают, что в последние годы в российской высшей школе наблюдается бурный количественный рост, поддерживаемый высоким спросом на высшее образование. Прием в вузы практически утроился за 1992–2002 гг. В сферу высшего образования поступают значительные ресурсы, главным образом за счет средств населения, расходы которого на образование уже в 2000 г. более чем на четверть превысили также возросшие, но не столь значительно, затраты государства.

Приток ресурсов выводит российскую высшую школу из кризиса 90-х годов. Постепенно поднимается уровень оплаты и восстанавливается престиж профессии преподавателя вуза, происходит существенное обновление содержания и методов обучения, внедрение современных информационных технологий. Радикальному пересмотру подверглись программы, учебные планы и квалификационные требования, принципы набора студентов, методы административного и финансового менеджмента. В экономике и обществе увеличивается потребность в высшем образовании, что создает основу для дальнейшего развития отрасли.

Некоторые представители бизнеса отмечают сдвиги в качестве образования. Так, руководитель департамента маркетинга агентства «Контакт» Т. Ананьева полагает, что уровень образования выпускников экономических и финансовых специальностей несколько вырос по сравнению с тем, каким он был несколько лет назад. Она связывает это с тем, что вузах увеличилось число преподавателей, которые не только знают предмет на уровне теории, но и являются практиками в той области деятельности, которую преподают. По крайней мере в ведущих экономических и финансовых вузах большое внимание стало уделяться языковой подготовке студентов. Наконец, даже то, что студенты и магистранты часто совмещают учебу с работой (что может влиять на учебу негативно),

может способствовать выработке у студентов новых требований к образованию (10). С позитивной оценкой тенденции изменения качества за последние 5–7 лет соглашается и финансовый директор компании «Luxoft» Н. Верещагин. Он называет ряд причин: повышение уровня подготовки преподавателей, приход в вузы преподавателей, имеющих опыт практической работы, появление курсов и учебников, созданных в России. Важную позитивную роль сыграло и то обстоятельство, что отечественному образованию приходится конкурировать с зарубежным, которое стало доступнее, а также приспосабливаться к требованиям отечественных и иностранных компаний, работающих в России. Наконец, произошел естественный отбор многих частных вузов, появившихся на рынке в начале 90-х годов (10).

Несмотря на эти благоприятные отзывы, большинство специалистов считают, что о преодолении кризиса в российской высшей школе говорить преждевременно. Серьезной проблемой остается качество экономического образования. Если в большинстве других отраслей экономики России рыночные преобразования, и в первую очередь либерализация и конкуренция, привели к повышению качества продукции, то сектор высшего образования в России, несомненно конкурентный и в значительной мере либерализованный, является исключением из этого правила. Жесткой позиции в оценках придерживается ректор ГУ–ВШЭ Я. Кузьминов. Он, в частности, отмечает, что среди 1 млн. 200 тыс. выпускников Российской высшей школы примерно 300 тыс. экономисты и менеджеры (25% выпуска), и эти люди являются одним из наиболее востребованных сегментов на рынке труда. Но современное состояние экономического образования в России (хотя прошло 15 лет с начала рыночной перестройки в экономике) совершенно не соответствует потребностям работодателей и общества и является одним из факторов стратегического отставания России (4).

О низком уровне образования можно судить и по тому факту, что из 1 тыс. официально зарегистрированных российских вузов лишь менее 70 не готовят экономистов и менеджеров. Качество подготовки 300 тыс. выпускников по этим направлениям недостаточно для того, чтобы вообще заниматься профессиональной деятельностью. Это псевдообразование, о котором мы часто говорим, как о покупке диплома за 400 долл. в год (4).

Проректор Санкт-Петербургского государственного университета В. Траян как на одну из причин снижения общего уровня образования указывал на появление огромного числа новых частных вузов, лицензи-

рование и аккредитация большинства из которых проводились с нарушением элементарных требований. «Эти “подвальные” или “квартирные” вузы принципиально не могут дать качественного образования. Это ведет к падению престижа диплома российского вуза и в России, и в мире» (10).

Невысокую оценку дают и представители государственных организаций. Так, заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования Е. Геворкян отмечала, что по результатам проверки Рособрнадзором 100 учреждений образования выяснилось: более чем в половине из них уровень преподавания по специальностям «экономика», «менеджмент» и «право» не соответствовал госстандартам. Рособрнадзор перестал выдавать филиалам вузов самостоятельные лицензии. Учебные заведения теперь полностью отвечают и за образовательный уровень в своих филиалах, и за все, что там происходит.

Претензии к качеству экономического образования высказывают и представители бизнеса. Так, в ходе дискуссии, состоявшейся в Центральном доме журналистов (Москва, 2002), руководитель одной из крупнейших инвестиционных компаний Р. Варданян также отметил низкое качество экономического образования, его оторванность от реальных процессов в экономике. Он высказал удивление тем, что российских специалистов по фондовому рынку приглашают читать лекции в Оксфорд и Кембридж, но ни разу не пригласили ни в один российский вуз. Президент Ассоциации консультантов по подбору персонала М. Богданов отмечал и недостаточную профессиональную бизнес-ориентацию: только 10–15% из 3500 специалистов, выпускемых московскими вузами, готовы к эффективной работе на стартовых позициях в бизнесе. Это ничтожно мало для расширяющегося рынка и свидетельствует о недостатках системы профессиональной ориентации. Сейчас ее нет даже в престижных вузах (10).

Налицо, таким образом, «провалы рынка» высшего образования в том смысле, как это явление понимается экономистами, т.е. неспособность чисто рыночных механизмов обеспечить эффективное удовлетворение потребностей общества (6).

По расчетам ГУ–ВШЭ наша экономика нуждается как минимум в 200 тыс. экономистов, менеджеров и экономических социологов и представителей некоторых других профессий, таких, как бизнес-информатика. Это довольно большой объем спроса, который связан с тем, что большинство работодателей, которые имеют средства, уже начали разбираться в том, что им предлагает рынок, и отказываться от людей просто с дипломом. Они ищут реальную компетенцию. Как они ищут? Прежде всего ориентируются на

брэнд. Сейчас существует порядка 20 брэндовых вузов, дающих нормальное экономическое образование. Их выпускники находят работу и будут ее находить. Относительно основной массы примерно 80% выпускников-экономистов можно сказать, что если еще 5 лет назад диплом экономиста автоматически гарантировал премию в 50–60% над дипломом, скажем, инженера, то сегодня любой диплом экономиста никакой премии уже не гарантирует, а еще через 5 лет можно ожидать отрицательную премию, положительная премия останется только в сегменте качественного профессионального образования, т.е. в сегменте, который сейчас составляет 10 тыс. человек в год (возможно, он расширится до 20 тыс.). Возникнет острый дефицит экономистов, менеджеров, профессиональных социологов, профессиональных специалистов по корпоративным информационным системам. Этот дефицит, вполне возможно, будет заполнен западными университетами, и некоторые из них уже готовятся к возможной экспансии (в преддверии вступления России в ВТО) (4).

Проблема оценки качества экономического образования

Как отмечал на семинаре «Оценка качества высшего экономического образования» В. Автономов, проблема качества экономического образования неразрывно связана с проблемой эталона, проблемой изменения – с вопросом «Чем мерить?» Если бы этот эталон удалось найти и осуществить некий рейтинг университетов по уровню, например, по какому-либо стандартному (или нестандартному) тесту, то возник бы вопрос, как этот рейтинг использовать в дальнейшем. Но в настоящее время профессиональное сообщество не владеет сколько-нибудь систематизированной информацией о качестве высшего экономического образования. До сих пор неясно, усваивают ли студенты, прошедшие обучение в экономических вузах, знания и навыки, входящие в профессиональный канон. С целью преодолеть этот информационный вакум исследовательский коллектив, состоящий из сотрудников Института «Экономическая школа», Института социологии РАН, Государственного университета – Высшей школы экономики, при поддержке Фонда Форда предпринял исследование, основными задачами которого являются разработка методов оценки знаний студентов по трем важным экономическим специальностям (экономическая теория, финансы и кредит, бухгалтерский учет, анализ и аудит), а также реальная оценка этих знаний у студентов ведущих экономических вузов в нескольких городах страны.

В ходе исследования были разработаны два типа контрольных материалов – вопросы с заданными вариантами ответов, измеряющие «осстаточные знания» и соответствующие по замыслу составителей международному уровню выпускского бакалаврского экзамены, а также вопросы, где нет фиксированных альтернатив и к тому же требуется приложить полученные знания к реальным жизненным ситуациям. При выборе основного теста руководствовались известным всем *Graduate Record Examination in Economics*.

Осенью 2002 г. в ГУ–ВШЭ состоялся семинар, на котором были представлены первые результаты оценки знаний студентов с помощью разработанных контрольных заданий. Оценка знаний по специальности «Экономическая теория» по основному тесту показала, что результаты по микроэкономике лучшие. В статистике и эконометрике студенты часто пугались и следовали стратегии «несклонности к риску». Международная экономика, и это несколько неожиданный результат, дала наибольшее количество неверных ответов.

Разработанные тесты были применены для оценки в двух вузах с традиционной пятилетней программой обучения (выпускники готовятся по специальности «экономическая теория»); в двух вузах, которые уже перешли на систему «бакалавр – магистр»; в одном – нестоличном, где также действует система «бакалавр – магистр». В результате выявились два лидера. Тест выполнил свою основную работу – разместил систему «бакалавр – магистр» на одном полюсе, а традиционную модель – на другом.

Подводя итоги тестирования, А.П. Заостровцев отметил, что если возможно организовать что-то вроде единого бакалаврского экзамена (хотя это вряд ли возможно, так как все заведения с традиционной формой обучения будут против), то целесообразно часть его проводить в форме теста, по структуре и содержанию близкого к основному тесту. Что касается объема, то в целях более полного выявления знаний оптимально было бы установить 120 вопросов на 180 минут. В структуре теста блоки должны находиться в количественной пропорции 40 : 40 : 20 : 20. Тогда это выявляло бы знания более качественно. Средний балл бакалаврского экзамена может быть использован как один из элементов при определении рейтинга образовательного учреждения.

Представители предпринимательских кругов поддерживают предложенную систему тестирования и оценки положения высших учебных заведений. Так, Е.Г. Журавская (НК «ЮКОС») считает, что наличие некоего общепризнанного рейтинга могло бы быть неплохим ориентиром

для оценки качества вуза. По мнению Д.В. Нестерова (УрГУ), для любого вуза такая оценка, когда она производится не по внутренним разработкам, а внешне, принципиально важна, так как позволяет отследить, на каком уровне находится учебное заведение по данной дисциплине (3).

Но тестирование не должно подменять рынок. Известно, что на рынке может присутствовать совершенная и несовершенная информация. Наш рынок образовательных услуг переполнен ложными сигналами. Репутация многих вузов искусственна, репутация одних факультетов выводится из репутации других. Надо учитывать мнение экспертов. Тестирование и может стать такой помощью, считает В. Автономов. О заинтересованности государства в развитии этого инструмента свидетельствует заказ Министерства образования на создание независимого центра оценки качества образования. Насколько это получится по заказу министерства – это другой вопрос. Может быть несколько центров оценки качества. Если система показателей будет создана, то это поможет наполнить материалом многое из того, что сейчас делается формально, например кредитная система на обучение (3).

Однако некоторые специалисты высказывают сомнение относительно возможности прямого измерения качества высшего образования. Так, Л. Полищук и Э. Ливни отмечают, что тестирование студентов и выпускников вузов проводится нерегулярно, применяются различные методики, что затрудняет сопоставимость результатов; существуют сомнения в беспристрастности и надежности соответствующих процедур. Более объективны, по их мнению, индикаторы ресурсной обеспеченности вуза (уровень финансирования, численность преподавателей, в том числе с учеными степенями, в расчете на одного студента, фонды библиотек, наличие компьютеров, доступ в Интернет и т.п.), но такие индикаторы дают представление о возможностях качественного обучения, а не о том, в какой мере эти возможности реализуются. Для оценки качества образования следует поэтому привлечь косвенные признаки, исходя из того, что необходимое условие качественного образования – предъявление достаточно высоких требований как к студентам, так и к преподавателям. О качестве высшего образования можно также с определенными оговорками судить по рыночной оценке вузовского диплома.

Меры по повышению качества экономического образования

Признавая необходимость работы по повышению качества экономического образования, специалисты предлагают прежде всего определиться с задачами образования с учетом современных требований. Речь идет как о качестве предоставляемых знаний (и здесь важно работать и над привлечением молодых преподавательских кадров, и над развитием системы переподготовки преподавателей, в том числе предоставления им больших возможностей для научной деятельности), так и об уровне креативной подготовки. В этом ключе видят проблемы высшей школы Я. Кузьминов: «Что нужно реальной экономике? Умение решать нестандартные задачи, осваивать новое, искать и отбирать информацию, умение творчески применить нетиповые решения в своей профессии» (10). Сходную позицию высказывают и некоторые представители бизнеса. Так, И. Кузнецов из «Ernst & Young» отмечает, что иметь хороший уровень подготовки еще не достаточно: важны умение и готовность не только реализовать накопленные знания, но и продолжать учиться (10).

Для повышения качества преподавания экономического образования важно повышать статус исследовательской работы в университетах, научиться правильно ее оценивать. Пока для университетских преподавателей она считается «факультативом». Следует освоить систему, при которой для штатных преподавателей исследовательская нагрузка будет учитываться наряду с преподавательской и административной нагрузкой. Универсальный критерий и измеритель – это публикация книг и статей в ведущих научных журналах. Одновременно необходимы усилия по реабилитации преподавательского труда в кругу «чистых» исследователей. Чтение базового или авторского курса должно стать нормальным и во многом результирующим элементом исследовательской деятельности. Необходимо также пересмотреть существующие учебные планы. Первая задача – разумное сокращение тех курсов, которые слабо связаны с реальными проблемами современной российской экономики. Вторая задача – введение в качестве обязательных программ новых курсов по сравнительному анализу экономических систем, экономике развития, моделированию постсоветской экономики, теневой экономике, институтам современного российского рынка, институциональному анализу экономических субъектов современной России, институциональному проектированию экономики, истории реформ в России XX в. (8).

Для оказания помощи в совершенствовании преподавательской работы был создан Центр повышения квалификации преподавателей экономических дисциплин (ЦПКП), деятельность которого направлена прежде всего на регионы, а также на содействие формированию общенациональных и локальных профессиональных сообществ российских преподавателей экономических дисциплин. К задачам Центра относятся: организация и проведение мероприятий по повышению квалификации преподавателей экономических дисциплин российских вузов; разработка системы квалификационных тестов; организация и осуществление консультационной деятельности (разработка учебных программ, поиск учебно-методических материалов и др.); проведение мониторинга качества экономического образования; распространение среди российских образовательных организаций последних достижений науки в области экономики и результатов деятельности Центра (размещение информации на экономическом портале, проведение семинаров для руководителей организаций, конференций для образовательного сообщества, издание учебной литературы и др.); мониторинг потребностей российских вузов в повышении квалификации ППС в области экономических дисциплин; организация зарубежных поездок российских преподавателей (участие в конференциях, стажировки в зарубежных университетах и учебных центрах и др.), проведение конкурсов среди кандидатов на прохождение стажировки, распределение грантов; взаимодействие с зарубежных университетами и учебными центрами; совершенствование и разработка методик преподавания экономических дисциплин в вузах; регулярное пополнение информационной и методической базы Центра и организация получения информации преподавателями вузов (8).

Список литературы

1. Володин Д. Высшее не всегда лучшее. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/pressa/2002/default.php?show=10176&selected=610>
2. Жолудева В.В. Проблемы подготовки специалистов по экономическим специальностям // Экономика образования. – М., 2004. – № 4. – С. 82–85.
3. Заостровцев А.П. Оценка знаний студентов по специальности «экономическая теория» // Семинар «Оценка качества высшего экономического образования». – Режим доступа: <http://economicus.ru/quality/index.php?file=3>

4. Интернет-пресс-конференция ректора ГУ–ВШЭ «Современное состояние и перспективы социального и экономического образования: вызовы рынка труда и новые образовательные технологии». – Режим доступа: <http://www.hse.nnov.ru/news/06-02-2003.shtml>? 2098
5. Мяжлонова С.К. Проблемы современного экономического образования. – Режим доступа: <http://www.ncstu.ru>
6. Полищук Л., Ливни Э. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда. – Режим доступа: <http://www.eerc.ru/details/download>. espx(вопр.знак) file_id=7103
7. Тарасевич Л. Слагаемые успеха. – Режим доступа: //http://eed.ru/cover_story/c_91.html
8. Тезисы доклада Государственного университета – Высшей школы экономики 28 ноября 2000 г. на конференции РАН. – Режим доступа: http://www.opec.ru/library/article.asp?d_no=290&c_no=26&c1_no=
9. Цели и задачи Центра повышения квалификации преподавателей по экономике. – Режим доступа: <http://ctt.hse.ru/> 5 декабря, 2005
10. Удовиченко М. Молодые неспециалисты. – Режим доступа: <http://finansmag.ru/11800-48к>

Г.В. Семеко

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ЭКОНОМИСТОВ В РОССИИ (1990–2005)

Рыночная экономика предъявляет качественно новые требования к содержанию подготовки специалистов экономического профиля, поскольку в условиях конкуренции характер деятельности экономиста в отличие, например, от врача или инженера радикально меняется; выполняемые экономистом функции становятся более сложными, разнообразными, возрастает влияние принимаемых экономистом решений на жизнедеятельность организации. Резкий рост потребности в кадрах экономистов обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, при переходе к рынку скачкообразно возрастает число производственных и коммерческих структур различных организационно-правовых форм. И для каждого из вновь образовавшихся предприятий нужны как минимум два специалиста с хорошей (профессиональной) экономической подготовкой: экономист-менеджер и экономист-бухгалтер.

Во-вторых, одновременно резко увеличивается численность работающих в налоговых и таможенных органах, коммерческих банках, страховых компаниях, пенсионных и инвестиционных фондах и др.

В-третьих, в связи с ростом числа участников экспортно-импортных операций возрастает потребность в экономистах – специалистах в области международных экономических отношений.

В-четвертых, возникает необходимость в массовой подготовке и переподготовке экономистов-преподавателей для системы экономического обучения, для школ, лицеев, вузов, учреждений дополнительного и послевузовского образования.

Кроме того, необходимо осуществить переподготовку и повышение квалификации работающих экономистов – выпускников доперестроенных лет. Иначе процессы перехода к рынку будут протекать медленно, с большими издержками и низкой результативностью. Надеяться на экономический рост, на быстрый переход экономики страны к рыночным отношениям можно лишь в том случае, если большинство главных участников процессов формирования и распределения национального дохода (экономистов-менеджеров, бухгалтеров, финансистов и др.) будут иметь специальную экономическую подготовку.

Современное состояние подготовки кадров экономистов

Имеющиеся статистические данные свидетельствуют, что на протяжении последних 15 лет наблюдалась тенденция расширения деятельности различных учебных заведений по подготовке экономистов в ответ на рост потребности экономики в них. Главным «поставщиком» кадров экономистов является система высшего профессионального образования.

Высшее профессиональное образование. В период с 1990/1991 по 2003/2004 уч. гг. максимальный конкурс на вступительных экзаменах в государственные и муниципальные высшие учебные заведения с отраслевой специализацией «Экономика и право» был достигнут в 1991 г., когда на 100 мест было подано 276 заявлений о приеме. В дальнейшем наблюдалась тенденция к постепенному сокращению этого показателя – до 146 заявлений в 2003 г. (13, с. 259).

Вместе с тем одновременно шел процесс увеличения приема студентов в указанные вузы. С 1992/1993 уч. г. темпы прироста приемы превысили планку в 10% в год, а к концу десятилетия приблизились к 20%. Особенно высокие темпы прироста приема отмечались в последние годы: 2000/2001 уч. г. (по сравнению с предшествующим) – 45,6%, 2001/2002 уч. гг. – около 18, 2002/2003 уч. г. – 24,9 и 2003/2004 уч. г. – 36,3% (рассчитано по : 13).

О росте спроса на экономические профессии свидетельствуют также статистические данные о численности студентов высших учебных заведений (государственных, муниципальных и негосударственных) по группам специальностей и направлений в 1995/1996–2003/2004 уч. гг. Так, рост численности студентов по специальности «Экономика и управление» существенно опережал общий рост численности студентов по всем группам специальностей и направлениям: общая численность студентов государственных и муниципальных вузов в 1995/1996–2003/2004 уч. гг.

увеличилась на 110,7%, (с 2655 тыс. до 5596 тыс.), а численность студентов, обучающихся по специальности «Экономика и управление», – на 242,6% (с 447,5 тыс. до 1533,5 тыс.).

Что касается негосударственного сектора, то здесь прирост численности студентов рассматриваемой группы еще более впечатляющий: численность студентов по всем группам специальностей и направлениям увеличилась на 325,8% (с 202 тыс. до 859,5 тыс.), а численность студентов, обучающихся по специальности «Экономика и управление», – на 734,2% (с 43,7 тыс. до 363 тыс.) (рассчитано по: 13).

Аналогичные тенденции обнаруживаются при анализе статистических данных о приеме и выпуске студентов экономических специальностей. За 1995/1996–2003/2004 уч. гг. прием студентов в государственные и муниципальные высшие учебные заведения вырос на 124,6% (с 748 тыс. до 1412 тыс.), а в негосударственных – на 249,5% (с 66 тыс. до 232 тыс.). При этом прием на специальность «Экономика и управление» в этих двух секторах высшей школы увеличился соответственно на 282,2 и 537,4% (с 15,6 тыс. до 99 тыс.) (рассчитано по: 13).

В 2003 г. обучение в государственных и муниципальных вузах по специальности «Экономика и управление» завершили 248 160 студентов, что на 217,1% больше выпуска 1997 г. (прирост выпуска всех студентов равнялся 97,2%. В негосударственных вузах выпуск по данной специальности повысился на 783,1% (при росте выпуска всех студентов на 443,7%) (рассчитано по: 13).

В перечне специальностей специальность «Экономика и управление» лидирует с существенным отрывом по относительным показателям. Так, в 2003/2004 уч. г. на эту специальность приходилось 27,4% общей численности студентов государственных и муниципальных вузов (в негосударственном секторе еще больше – 42,3%). Для сравнения: ни одна другая негуманитарная специальность не имеет семизначных показателей численности студентов. Лидерами по численности студентов здесь являются специальности «Сельское и рыбное хозяйство» (214 076 студентов), «Строительство и архитектура» (190 347 студентов), «Здравоохранение» (189 002 студента), «Междисциплинарные естественно-технические специальности» (144 868 студентов), «Информатика и вычислительная техника» (101 752 студента), «Машиностроение и металлообработка» (100 519 студентов) (13, с. 265).

Столь быстрое увеличение численности студентов экономического профиля обусловлено не только повышением спроса на экономическое

образование, но и рядом других факторов, среди которых следует отметить рост числа самих высших учебных заведений. Этот фактор сыграл особенно существенную роль в негосударственном секторе, где число учебных заведений выросло за 1995/1996–2003/2004 уч. гг. почти в два раза – с 193 до 392, в то время как в государственном секторе этот показатель повысился лишь на 37% – с 762 до 1046 (13, с. 252).

Среднее профессиональное образование. Лидирующие позиции специальность «Экономика и управление» занимает в системе среднего профессионального образования (СПО). СПО играет значительную роль в кадровом обеспечении экономики, в частности, в подготовке специалистов в области финансов, маркетинга, менеджмента, обслуживания населения и т.д. Расширяется спрос на специалистов со средним специальным образованием в области кредитно-финансовой деятельности и страхования (сейчас на них приходится 30% занятых), торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения (33–36% занятых). И это способствует увеличению притока абитуриентов в учебные заведения СПО.

В 2003/2004 уч. г. доля студентов, обучающихся по специальности «Экономика и управление» в государственных и муниципальных учебных заведениях СПО, составила 22,8%. На эту специальность в том же учебном году приходилось 26,1% всех студентов, принятых в эти учебные заведения, и 29,7% выпускников 2003 г. этих учебных заведений (рассчитано по: 13).

Однако в отличие от высшего профессионального образования темпы прироста численности, приема и выпуска студентов по данной специальности государственными и муниципальными учебными заведениями СПО в последние десять лет были достаточно умеренными и соизмеримыми с соответствующими показателями по большинству других специальностей. Так, за 1995/1996–2003/2004 уч. гг. численность студентов государственных и муниципальных учебных заведений СПО по специальности «Экономика и управление» выросла на 31,6% при росте общей численности студентов по всем специальностям на 30,1%. Прием на обучение по данной специальности увеличился на 21,2% (при общем росте приема на 29,7%), а выпуска – на 64,7% (при общем росте выпуска на 41,8%) (рассчитано по: 13).

При этом конкурс на вступительных экзаменах по специализации «Экономика и право» постепенно снижался, составив в 2003 г. 148 заявлений о приеме на 100 мест в государственных и муниципальных учреж-

дениях СПО против 159 заявлений в 1994 г. Это меньше, чем по всем остальным специализациям, за исключение специализации «Сельское хозяйство» (133 заявления) (лидирует «Искусство и кинематография» – 177 заявлений) (13, с. 235).

Послевузовское профессиональное образование. Поступательное движение с достаточно высокими темпами подготовки экономических кадров наблюдалось в последнее десятилетие в системе послевузовского профессионального образования – в аспирантурах и докторантурах. При росте общей численности аспирантов по всем отраслям наук на 125,8% (с 62 тыс. в 1995 г. до 141 тыс. в 2003 г.) численность аспирантов по экономике выросла на 260,6% (с 7,2 тыс. до 25,9 тыс.); прием в аспирантуру и выпуск из аспирантуры с защитой диссертации по данной отрасли – соответственно на 180,7 (с 3 тыс. до 8,6 тыс.) и 506,2% (272 до 1649 человек).

Подготовка докторов экономических наук характеризовалась со-поставимыми темпами роста. Если численность докторантов по всем отраслям наук в 1995–2003 гг. выросла на 108,5% (с 2,2 тыс. до 4,57 тыс.), то докторантов по экономике – на 120,5% (с 215 до 474). Прием в докторантуру по экономике вырос на 109,1% (с 87 до 182) при росте приема по всем отраслям – 78,2% (с 904 до 1611 человек). Выпуск докторантов по экономике с защитой диссертации – на 195,5% (22 до 65) при соответствующем показателе по всем отраслям 202,2% (рост с 137 до 414 человек) (рассчитано по: 13).

Таким образом, на всех уровнях системы образования прием и выпуск специалистов по экономике в последние годы возрастал как абсолютно, так и относительно. Особенно значительным был рост в негосударственном секторе высшего профессионального образования.

Рынок труда и образование

В дискуссиях о масштабах подготовки специалистов экономического профиля высказываются прямо противоположные точки зрения: одни говорят, что экономистов в стране много, а другие убеждают, что потребность в них велика и растет с каждым годом. Первой точки зрения придерживаются Министерство образования и науки РФ, руководители многих регионов, ведущих экономических вузов и ряд экспертов; вторая точка зрения больше распространена среди представителей кадровых агентств.

Сторонники первой точки зрения указывают на смену приоритетов на отечественном рынке труда, в частности, на стабилизацию и сокращение спроса на работников экономических специальностей. Они считают, что сегодня наблюдается перепроизводство экономистов и юристов с высшим образованием, в то время как экономика испытывает недостаток в других специалистах. Такая ситуация опасна, считают эксперты, поскольку может затормозить экономический рост в России. По словам бывшего министра образования РФ В. Филиппова, в то время как на предприятиях не хватает высококвалифицированных технических специалистов, вузы упорно продолжают готовить юристов и экономистов, которые только увеличивают армию безработных (19).

До середины 1990-х годов, отмечает Я. Кузьминов, ректор Государственного университета – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ), на рынке наблюдался ажиотажный спрос на менеджеров, экономистов, юристов – и со стороны предприятий (это было время передела и освоения рынка), и со стороны семей, инвестирующих в ребенка. Предполагалось, что все люди, получившие диплом в этих областях, станут хорошо зарабатывать. Дефицит кадров приводил к тому, что люди с любым образованием и дипломом, где написано «экономист», находили работу (28). Во второй половине 1990-х годов в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде начал формироваться более жесткий рынок труда. С одной стороны, сами предприятия стали более устойчивыми, с другой – работодатели стали видеть связь между качеством образования и тем, что они могут получить от специалиста.

В настоящее время во многих регионах страны отмечается избыток экономистов, которые не могут найти работу. Как сообщили в Управлении Федеральной государственной службы занятости населения по Нижегородской области, за последние два года в центры занятости региона обратились более 3 тыс. выпускников учебных заведений профессионального образования всех уровней, или порядка 8% от общего количества выпускников. Например, за последние три года более 700 выпускников-бухгалтеров не могут после окончания учебного заведения найти работу по специальности. Именно эта категория выпускников оказывает серьезное давление на уровень регистрируемой безработицы в ряде районов Нижегородской области. Специалисты службы занятости отмечают, что учащиеся не получили достаточных практических навыков, были ориентированы в основном на непроизводственную сферу деятельности с установкой на высокую заработную плату. Из года в год наибольшие трудности при трудоустройстве возникают также у выпускников, имеющих

профессию экономиста. Сами выпускники жалуются, что никакого со-действия в трудоустройстве по полученным профессиям «родные» учеб-ные заведения им не оказывают. Кстати, порядка 80% вакансий в центрах занятости составляют рабочие специальности. Кроме того, наблюдается потребность в медицинских, педагогических кадрах и специалистах в области туризма и информационных систем (24).

По итогам мониторинга профессионально-квалификационного со-става выпускников образовательных учреждений за 2004 г. районными и городскими центрами занятости населения Республики Марий Эл по-ставлены на учет в качестве безработных граждан 1948 выпускников. Как сообщает информационный центр федеральных органов власти респуб-лики, среди них выпускники учебных заведений высшего профессио-нального образования составили 17,1%, среднего – 33,6, начального – 22,5, общеобразовательных школ – 26,8%. Среди выпускников учебных заведений высшего профессионального образования, состоящих на учете в центрах занятости населения, преобладают выпускники филологиче-ских факультетов, экономисты, юристы и бухгалтера (22).

На рынке труда Тамбовской области сегодня наименее востребо-ваны выпускники с дипломами «Экономика, бухгалтерский учет и кон-троль» (37% от всего выпуска), «Правоведение» (7%), «Маркетинг» (4%). Эти факты были приведены на слушаниях в Комитете по науке Тамбов-ской областной думы 21 марта 2005 г. В то же время тамбовская про-мышленность нуждается в рабочих четвертого и пятого разрядов, тогда как училища выпускают только со вторым или третьим разрядом (23).

В Москве и Санкт-Петербурге проблема перепроизводства эконо-мистов не столь очевидна. Председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга А. Викторов считает, что в Санкт-Петербурге нет перепроизводства юристов и экономистов. По его словам, широко распространенное мнение о перепроизводстве в России специали-стов в области экономики и юриспруденции в корне неверно. «Если страна строит свободное рыночное и правовое общество, то профессиональных юристов и экономистов у нас не хватает. Например, в США доля этих спе-циалистов составляет 26%, а в Санкт-Петербурге – 13%. Так что высокие конкурсы на эти специальности (от 3 до 10 человек на место в разных вузах Санкт-Петербурга) – это хорошие показатели» (5).

Указанную точку зрения разделяет начальник отдела информации Управления Федеральной службы занятости по Москве А. Гринберг, но при этом он выражает озабоченность по поводу качества образования и

предлагает ограничить количество вузов, выпускающих определенных специалистов (24).

По данным кадровых агентств спрос на технических специалистов с высшим образованием сейчас превышает предложение по некоторым специальностям на 50–60% (19). Что касается наиболее востребованных специальностей молодых специалистов, то прирост спроса на выпускников вузов в последние годы по данным ежегодных исследований рынка молодых специалистов, проводимых аналитическим отделом компании «Graduate» (входит в консалтинговый холдинг «KMS Group»), происходит преимущественно за счет выпускников ведущих технических, а также некоторых профильных вузов (15). Среди последних можно выделить пищевые, торговые и строительные вузы. Сегодня на российском рынке труда велик спрос на специалистов по информационным технологиям и связи, дефицит кадров испытывают промышленность, сфера услуг. Специалистам в этих областях работодатели рады независимо от опыта работы и наличия связей. Устроиться на работу в сфере экономики и финансов, напротив, с каждым годом становится сложнее из-за постоянно растущей конкуренции.

Однако не происходит сдвига в сторону таких приоритетных направлений, как электроника, робототехника и биотехнология, экология и рациональное природопользование.

Конкурсы на экономические факультеты остаются стабильно высокими, и экономические факультеты, экономические вузы и их филиалы продолжают открываться по всей стране. Такая ситуация вызвана несколькими причинами: высоким спросом покупателей как первого, так и второго высшего экономического образования; относительной легкостью расширения предложения.

На дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда неоднократно указывал нынешней министр образования и науки А. Фурсенко, в частности, летом 2005 г., в период очередных конкурсных экзаменов в вузы. По его мнению, одна из причин этого явления – отсутствие достаточной профориентационной работы в школе и общей информированности населения. Анализом рынка труда, как решил А. Фурсенко, должно заняться «экспертное сообщество», куда войдут наряду с представителями науки и образования крупные работодатели. Министерство поставило себе задачу наладить обратную связь с работодателями через формирование специальных предложений по развитию их кадрового персонала. В рамках этой стратегии предполагается издавать региональные

справочники для старшеклассников и их родителей, проводить «уроки занятости» и организовывать классы временной занятости (социальные практики) для учащихся старших классов (6). В 2005 г., основываясь на выводе о перепроизводстве экономистов и юристов, Минобрнауки приняло решение о сокращении бюджетных мест на юридических и экономических факультетах в вузах федерального подчинения.

Некоторые эксперты, говоря о ситуации на рынке экономического образования, предлагают обратиться к структуре образования в зависимости от его характеристики. Так, в частности, выделяются три сегмента в высшем образовании. Первый – элитное образование, которое дают от пяти до пятнадцати вузов в России (по разным специальностям – разные цифры), это достаточно дорогое образование. К вузам этого сегмента можно отнести МГУ, МГИМО, МГЮА, Финансовую академию при Правительстве РФ. Выпускники этих вузов не испытывают сложностей при приеме на работу. Средняя стартовая зарплата, например, выпускника магистратуры ГУ–ВШЭ по экономике превышает 1000 долл., выпускника факультетов менеджмента и права – 600–800 долл.

За элитным идет сектор достаточно хорошей профессиональной подготовки. По стране приблизительно 200 таких вузов и факультетов. Это сектор хорошего, но еще наполовину «советского» образования. Человек с таким дипломом может найти хорошую работу, но его начальная зарплата не будет превышать 300 долл. Работодатели берут выпускников указанных вузов, но их диплом не служит гарантией качества.

Третий сегмент – это дешевое образование. В Москве оно стоит 350–600 долл. год, в провинции – 200–300 долл. Этот сектор дает примерно половину специалистов с дипломами в области экономики, юриспруденции, менеджмента и психологии. Трудоустройство этих выпускников не связано с тем, что они получили диплом, и, как правило, серьезный работодатель просто не рассматривает таких людей как потенциальных работников: либо им нужен хоть какой-нибудь диплом, либо они «косят» от армии, либо есть еще какие-то причины. В основном это выпускники непрофильных факультетов технических вузов (не всех, конечно: МГТУ и МАИ дают очень приличное образование) или негосударственных (исключая Международный университет, РЭШ, «шанинскую» школу¹ и еще некоторые), региональных коммерческих филиалов (28).

---

¹ Московская высшая школа социальных и экономических наук.

Первое, что отличает элитные вузы, по мнению Я. Кузьмина, – это фундаментальность. Второе – это состав преподавателей. В элитном вузе преподаватели ведут научную работу, занимаются консультированием, они создают новое знание, новые инструменты, а не транслируют разработанные кем-то. Это кардинальное отличие, и в экономической сфере эта проблема стоит гораздо более остро, нежели в физике. Кроме того, элита – это, скорее, самосознание, самоощущение, причем не преподавателей, а студентов. Они реально участвуют в исследованиях, работают с ведущими российскими предпринимателями, ходят на их мастер-классы, работают с министерствами, проводящими реформы, и видят смысл работы не только в том, чтобы зарабатывать, а в том, чтобы было интересно.

Существует и точка зрения, что выводы о перепроизводстве экономистов далеки от реальности. Выпускники экономических вузов по-прежнему остаются самыми популярными на рынке труда – на их долю приходится свыше 40% спроса. Люди с экономическим и финансовым образованием вот уже много лет уверенно занимают первые строчки в рейтингах престижных профессий, что связано в значительной мере с быстрым развитием бизнеса в России. Второе место среди востребованных специалистов принадлежит выпускникам технических вузов, особенно тем, которые специализируются в области информационных технологий (27).

По-прежнему высок *спрос на бухгалтеров и экономистов*. По мнению рекрутеров, в ближайшие годы этот спрос стабилизируется, но тем не менее останется высоким. А вот количество предложений по трудоустройству сотрудникам смежных профессий – *финансовым специалистам и аналитикам* – будет расти. При этом следует обратить внимание на смещение приоритетов работодателей. Если еще несколько лет назад рейтинг возглавляли молодые люди, получившие образование по специальности «Бухучет и аудит», то сегодня чаша весов склоняется в пользу направлений «Финансы и кредит», а также «Экономика и управление». Работодатель хочет видеть в своей компании прежде всего мобильных менеджеров, обладающих не только теоретическими, но и сугубо практическими навыками.

Очень велик сегодня *спрос на маркетологов и брэнд-менеджеров*, количество рабочих мест для них увеличивается год от года. Эта тенденция сохранится в ближайшие 3–5 лет, поскольку компаний, создающих собственные маркетинговые отделы, становится все больше.

В большом дефиците сейчас *менеджеры по продажам*. Необходимо только отметить, что в последнее время требуются не менеджеры

по продажам широкого профиля, а узкие специалисты, например, по продуктам питания, спортивным товарам или определенному оборудованию. Не хватает также *торговых представителей и мерчендайзеров*. Объясняется это в первую очередь быстрым ростом объемов оптовой и розничной торговли в нашей стране.

Рекрутеры также отмечают, что сегодня очень высоко востребованы на рынке труда разнообразные *специалисты для сферы услуг*. Это связано с ростом гостиничного и ресторанных бизнеса в нашей стране, а также увеличением потребления всех других видов услуг населением. Такая тенденция прогнозируется и на ближайшие годы.

В качестве новой тенденции стоит отметить появление спроса на *региональных менеджеров, городских и региональных торговых представителей*. Это связано с расширением деятельности многих компаний и выходом их на региональные рынки. В связи с этим идет набор менеджеров различных звеньев для работы в регионах.

Расширяется также спрос на молодых специалистов в области *внешнеэкономической деятельности и международной торговли*. Обобщая общие требования работодателей к будущим специалистам-экономистам, можно сказать, что все больше и больше ценится разностороннее образование – знание и бухучета, и международных стандартов, и иностранного языка (а лучше двух), и управления, и специальных компьютерных программ (25).

Эксперты выделяют немало профессий, спрос на которые через несколько лет обеспечит и рост заработной платы специалистов. Доход будет повышаться у руководителей производственных, торговых, консалтинговых компаний. Рост производственных и торговых предприятий, их объединение в холдинги ведут к привлечению в этот сектор лучших профессионалов на выгодных финансовых условиях. На хороший заработок и через пять лет смогут рассчитывать специалисты в финансовой сфере и ресторанном бизнесе. Вырастет зарплата в области управления персоналом.

Таким образом, сегодня на рынке труда сложилась парадоксальная ситуация: профессиональных юристов и экономистов катастрофически не хватает, а молодому специалисту почти невозможно устроиться на более или менее приличную должность. Проблема в том, что в условиях развивающейся российской экономики организациям требуются только квалифицированные сотрудники (8).

Весь комплекс нынешних проблем базового вузовского экономического образования, в конечном итоге упирающийся в плохую связь

теории с практикой, будет сохраняться еще долго, считает заместитель директора по персоналу «Ростсельмаша» Е. Чувакиной. Вузы по-прежнему учат студентов как могут и чему могут. Востребованность их выпускников никто не изучает. Пока вузы не осознают, что предприятия – реальный заказчик их специалистов, бизнес и образование так и будут идти в разные стороны (4).

Поскольку традиционные вузы не успевают за потребностями бизнеса в экономических кадрах, то стали быстро развиваться новые формы дополнительного бизнес-образования (в том числе на базе вузов и невузовских организаций) – второе высшее образование, МВА-программы, курсы повышения квалификации, семинары и бизнес-школы. У этих «малых» форм бизнес-образования есть неоспоримое преимущество: они гораздо быстрее поспеваю за бизнесом, чем традиционный пятилетний цикл. Не особенно надеясь на вузы, многие организации стремятся решить проблему нехватки качественных специалистов собственными силами. Так, для этого на нескольких ростовских предприятиях, в том числе на «Ростсельмаше» и «Донском табаке», были созданы собственные менеджерские школы.

Совсем недавно появилась и такая форма дополнительного бизнес-образования, как корпоративные курсы повышения квалификации, которые вуз может разработать по заказу компании. Такие курсы лучше всего выполняют основную задачу дополнительного бизнес-образования – быстро меняться вместе с изменениями в бизнесе. Последние настолько стремительны, что персонал одного предприятия может проходить курсы повышения квалификации регулярно (4).

Растет популярность экономического образования в форме второго высшего образования. Оно короче, чем первое, и в среднем составляет 2–3 года; без вступительных экзаменов; всегда платное и направлено на подготовку специалистов в какой-то узкой области – банковского дела, финансов и кредитов, управления персоналом, стратегического менеджмента или фондовых рынков. Основой роста такой популярности специалисты считают кардинальные изменения в структуре экономики нашей страны: появление новых отраслей и производств, повышение мобильности рынка труда в целом.

Резюмируя многочисленные высказывания экспертов, можно сделать вывод, что суть проблемы перепроизводства состоит в несбалансированности структуры спроса и предложения на рынке труда по отдельным экономическим специальностям, что в значительной мере связано с

отрывом деятельности вузов от потребностей реального сектора. Истоки перепроизводства коренятся в низком качестве подготовки специалистов экономического профиля во многих вузах и на многих экономических факультетах. В условиях роста требований, предъявляемых бизнесом к таким специалистам, данная ситуация порождает избыток недостаточно подготовленных экономистов, которые не могут найти работу, при одновременной нехватке кадров высокой квалификации, в том числе по отдельным, узким экономическим специальностям.

Прогнозирование потребности в экономистах

Чтобы привести в соответствие предложение экономистов и спрос на них со стороны работодателей, необходимо, в частности, организовать эффективный мониторинг востребованности выпускников системы профессионального образования на рынке труда и эффективную систему прогнозирования потребности экономики в данных специалистах. К сожалению, до сих пор в вопросе прогнозирования спроса на специалистов разного профиля остается много неясностей и пробелов (что связано с отсутствием адекватной методологии), хотя понимание роли прогнозов руководством страны уже достигнуто, о чем свидетельствуют многие документы и выступления высших государственных чиновников.

Прогнозирование потребности экономики в специалистах с профессиональным, в том числе с экономическим образованием является одним из элементов реализации приоритетного национального проекта в сфере образования, инициированного президентом РФ в 2005 г. На заседании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК) (22 ноября 2005 г.) министр образования А. Фурсенко, представляя план реализации приоритетного национального проекта, отметил, что среди критериев определения лучших вузов должны рассматриваться их вовлеченность в программы развития регионов и промышленные проекты, востребованность выпускников бизнесом (18). Эти критерии к профессиональному образованию учитываются недостаточно. «Структура подготовки кадров не отвечает потребностям экономики, – заявил председатель Координационного совета объединений работодателей России (КСОПР) О. Еремеев. – Сегодня необходимо понять, будет ли определен в структуре правительства орган, который займется прогнозированием, в каких специалистах более всего заинтересована та или иная сфера экономики».

По мнению А. Фурсенко, спрогнозировать спрос экономики на специалистов на 5–7 лет вперед практически невозможно. Отвечая на вопросы «Учительской газеты», заместитель министра образования и науки РФ А. Свинаренко, в частности, отметил, что реалистичность прогнозов зависит от достаточно большого количества факторов: структуры и динамики экономики, набора специальностей, демографии, множества других качественных параметров. Особенно важно, чтобы в разработке прогнозов активную роль играли работодатели. Система прогнозирования должна основываться на реальных перспективных потребностях базовых отраслей производства, науки, культуры и социальной сферы в специалистах, а также учитывать потребности самих граждан в профессиональном образовании на период в 5–10 лет. Примерно столько времени уходит на смену технологий в экономике.

Кроме того, при прогнозировании, указал А. Свинаренко, надо учитывать и то, что востребованность профессий также постоянно меняется. Граждане вынуждены не только учиться, но и переучиваться. Поэтому непрерывное профессиональное образование, обучение в течение всей жизни – это безусловный приоритет (3).

Вопросами разработки методологии прогнозирования потребности экономики в специалистах до 2010 г. занимается Институт макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и торговли РФ. А. Попов, сотрудник института, указывает, что для достижения сбалансированности спроса и предложения в отношении рабочей силы на рынке труда прогнозируемая потребность должна увязываться с подготовкой кадров в системе профессионального образования, а точнее – служить ориентиром при определении необходимых масштабов их подготовки (16). Соответственно, требуется прогноз, именуемый прогнозом дополнительной потребности в кадрах. Объемы этой потребности адекватны текущему спросу предприятий, организаций, отраслей и экономики в целом на рабочую силу определенного профессионально-квалификационного состава. Этот спрос имеет две разные по своей сути составляющие. Первая – ввод новых рабочих мест (включая появление новых предприятий и организаций), обусловленный расширением сферы и масштабов деятельности, изменением ее профиля и модернизацией производства. Вторая – возмещение убыли рабочей силы, не связанной с ликвидацией рабочих мест.

Подобный прогноз рынка труда в профессионально-квалификационном аспекте на официальном уровне еще ни разу не составлялся. Причин тому, по мнению А. Попова, несколько. Одна из них – отсутствие необходимой

информации. Характерно, что статистические данные о движении рабочей силы на крупных и средних предприятиях и в организациях, выступающие основным источником базовой информации для прогноза количественных оценок спроса и предложения, не содержат сведений, касающихся профессионально-квалификационных характеристик работников, которые занимали ликвидированные рабочие места, освобождали по различным причинам функционирующие и требовались для заполнения вновь создаваемых рабочих мест.

Состояние информации – это основная проблема, с которой столкнулись эксперты в ходе работы над методикой прогнозирования потребности экономики в специалистах. Единственным источником, дающим обобщенную информацию о кадрах (занятых и безработных) экономики современной России, являются выборочные обследования населения по проблемам занятости, которые начиная с 1999 г. проводятся ежеквартально (ранее ежегодно) с охватом 64–65 тыс. человек (в расчете на год – 250–260 тыс.) и последующим распространением итогов на всю численность населения в возрасте 15–72 лет (около 110 млн. человек).

Подчеркивая важность этой информации, А. Попов обращает внимание на определенные ее недостатки, в частности, на отсутствие выделения основных отраслей в профессионально-квалификационном составе занятых, рассматриваемом как совокупность групп занятий. Это не позволяет прямо и непосредственно проследить за изменениями профессионально-квалификационного состава по отраслям и оценить влияние отраслевых сдвигов в структуре занятости на общую ситуацию с составом занятых. Отсутствуют также какие-либо данные о распределении занятых и безработных по группам занятий, о половозрастных и образовательных характеристиках этих групп по субъектам Федерации.

Еще сложнее, чем с данными обследований по занятости, положение с целым рядом других аспектов статистической информации, востребованной в ходе подготовки методических рекомендаций. Необходимые для прогнозных расчетов показатели, как правило, имеются в российской статистике, но без «привязки» к группам занятий в каком-либо из их реальных или приближенных вариантов.

В статистике образования нет сведений об отсеве студентов и учащихся в системе профессиональных учебных заведений и их восстановлении, что затрудняет расчеты ожидаемых выпусков и необходимых приемов при прогнозе потребности в выпускниках – основном источнике

удовлетворения дополнительной потребности в кадрах специалистов и квалифицированных рабочих.

Эксперты Института макроэкономических исследований собираются экспериментально проверить свои методические рекомендации на примере ряда субъектов Федерации и, по возможности, основных отраслей экономики. Это позволит уточнить сферу применения пропорций и коэффициентов, рекомендованных ими для расчета отдельных составляющих дополнительной потребности в кадрах и источников ее обеспечения, особенно количественные оценки этих расчетных инструментов, использованные нами в прогнозе по группам занятий. Одновременно предполагается продолжить работу в направлении согласования прогнозируемой потребности экономики в выпускниках учебных заведений высшего, среднего и начального профессионального образования с основными группами специальностей, выделяемых в статистике образования.

* * *

Потребность вновь формирующейся рыночной экономики в экономистах и менеджерах с новым, рыночным типом мышления обусловила повышенный спрос на таких специалистов и соответствующую адаптацию системы профессионального образования России. К сожалению, эта адаптация не всегда проводилась с учетом требований рынка и запросов работодателей, что привело к возникновению ряда проблем, в том числе связанных с низким качеством подготовки экономических кадров и несоответствием профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения.

В настоящее время основными качественными тенденциями, формирующими спрос на специалистов с профессиональным образованием, являются постепенная стабилизация спроса на экономические и управленческие специальности и переориентация спроса на технические, математические, гуманитарные, естественно-научные специальности, имеющие четко выраженную прикладную направленность. Одновременно происходит дифференциация спроса на выпускников элитных экономических вузов, дающих качественное образование, и выпускников остальных вузов, в том числе непрофильных, к которым работодатели проявляют все меньший интерес. На локальных рынках труда нарастают трудности с трудоустройством последней группы выпускников, при этом остается высоким (а иногда растет) спрос на высококвалифицированных специалистов узкого профиля (в области финансов, маркетинга, торговли и т.д.).

В отсутствие системы планового распределения специалистов сейчас возникла острая необходимость в структуризации профессиональной подготовки по специальностям и специализациям на долговременную и среднесрочную переподготовку. Для этого необходимо правильно определить профессионально-квалификационную структуру подготовки экономических кадров на базе маркетинговых исследований и прогнозирования и на всех уровнях: государство, регион, город, вуз. Работа в этом направлении уже началась, а потому есть надежда, что в ближайшие годы будут получены оценки потребности экономики в специалистах разного профиля, которые станут ориентиром для вузов при планировании их деятельности.

Список литературы

1. Агранович М. Юристов попросили. Но только из отраслевых вузов // Рос. газ. – М., 2005. – 16 авг.– № 3848. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/08/16/juristy.html>.
2. Бабкова Е. Слишком много экономистов // Газета. – М., 2005. – 25 июля. – Режим доступа: <http://www.gzt.ru/politics/2005/07/25/043734.html>.
3. Без современной системы образования невозможно развитие экономики. На вопросы «Учительской газеты» отвечает заместитель министра образования и науки РФ Андрей Свинаренко // Учит. газета. – М., 2005. – № 8. – Режим доступа: http://www.ug.ru/?action=topic&toid=8480&i_id=97.
4. Бизнес ищет новые формы образования // Большая перемена. – Режим доступа: <http://www.newseducation.ru/news%5C3%5C20030321%5C1374.shtml>.
5. В Петербурге нет перепроизводства юристов и экономистов // РОСБАЛТ. – 2004. – 1 сентября. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2004/09/01/175775.html>.
6. Гаврикова Е. Москва стала российской экономической Меккой // Независимая газета. – М., 2004. – 18 июня. – № 122 (3235). – Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2004-06-18/8_mekka.html.
7. Герасимова Е. Кто заказывает экономистов. Грядущее вступление России в ВТО повышает спрос на студентов новых специальностей // Независимая газета – М., 2004. – 19 нояб. – Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2004-11-19/9_porshnev.html.
8. Завьялова В. Веселый молочник — профессия будущего // Финанс. – М., 2003. – № 11/12. – 18 мая. – Режим доступа: <http://www.finansmag.ru/offline/num11/licnoe/obrazovanie/1363>.
9. Иванющенкова М., Фуколова Ю. Специалисты экономкласса // Коммерсантъ—Деньги. – М., 2000. – 5 июля. – № 26. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/pressa/kommersant/20000705.htm>.

10. Интернет-пресс-конференция ректора ГУ–ВШЭ «Современное состояние и перспективы социального и экономического образования: вызовы рынка труда и новые образовательные технологии» 20 июня 2005 г. – Режим доступа: <http://www.hse.nnov.ru/news/06-02-2003.shtml?2098>.
11. Коллегия Минобрнауки «О контрольных цифрах приема молодежи в федеральные государственные образовательные учреждения профессионального образования РФ в 2005 году», 9 марта 2005 г. – Режим доступа: <http://www.mon.gov.ru/news/press/1065/>.
12. Компании трятят на молодых специалистов еще по 2–3 года // Газета.ru. – 2005. – 7 дек. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/education/2005/12/07_n_492355.shtml.
13. Образование в Российской Федерации. Статистический ежегодник. – М.: ГУ–ВШЭ, 2005. – 376 с.
14. Кузьминов Я. Экономическое образование в РФ не соответствует потребностям рынка // РИА «Новости». – 2005. – 2 июня. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/economy/20050602/40460087.html>.
15. Обзор рынка Graduate Recruitment в России в 2002/2003 учебном году. – Режим доступа: <http://www.kmsgroup.ru/resources/cooperation/PublishingFiles/ManagementGraduate.html?artId=0703b6d2-72d8-4582-8ada-e2b68333018c>.
16. Попов А. Потребность экономики в специалистах и квалифицированных рабочих: методические основы прогнозирования // Человек и труд. – М., 2004. – № 6. – Режим доступа: http://www.chelt.ru/2004/6-04/popov_6-04.html.
17. Попонин А. Олег Еремеев: «Профессиональное образование существует в отрыве от потребностей экономики». – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/news/press-review/1943>.
18. Профессиональное образование должно быть связано с потребностями экономики // Альянс Медиа. – 2005, 23 нояб. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/news/press-review/1935>.
19. Путилов С. Экономистов просят не беспокоиться // Финанс. – М., 2003. – 2–8 июня. – № 14. – Режим доступа: <http://www.finansmag.ru/offline/year2003/num14/ekonomika/kadri/1846>.
20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2003 г. № 568-р. – Режим доступа: http://www.government.gov.ru/data/news_text.html?he_id=103&news_id=9813.
21. Савин А. Востребованные и перспективные специальности // Известия. – М., 2001. – 25 апр. – Режим доступа: <http://www.ht.ru/prof/ratng/ratng.html>.
22. 17% студентов марийских вузов после выпуска остаются безработными // 12:03 MariNews.ru. – 2005. – 12 апр. – Режим доступа: <http://www.marinews.ru/allnews/436815>.
23. Тамбовской области не нужны бухгалтеры, юристы и экономисты // ИА REGNUM. – 2005. – 22 марта. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/424834.html>.
24. Терехов А., Власова И. Факультет ненужных людей // Новые известия. – М., 2005. – 28 июля. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/news/2005-07-28/28901>.

25. Черняева Л. Востребованные специальности: сегодня и завтра. – Режим доступа: <http://www.e-graduate.ru/Articles.html?artId=b744a47a-44f4-4bcc-b10a-d7eb9f1778cb>.
26. Юткина Ю. Второе высшее: зачем оно нужно? // Личные Деньги. – 2005. – 24 января. – Режим доступа: <http://www.personalmoney.ru/txt.asp?rbr=203&sec=281&id=348318>.
27. Юткина Ю. Рейтинг профессий на российском рынке труда // Личные Деньги – 2005. – 31 янв. – Режим доступа: <http://www.personalmoney.ru/txt.asp?rbr=203&sec=84&id=349889>.
28. Ярослав Кузьминов, ректор Государственного университета – Высшая школа экономики: «Элитное образование дают пять-десять вузов в России» // Формула карьеры. – М., 2003. – № 3. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/pressa2002/default.php?show=1579&selected=1>.

В.И. Шабаева

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Идея развития образования на базе научных исследований, сформулированная основателем Берлинского университета В. Гумбольдтом, была важнейшим принципом деятельности первых российских университетов. Однако в ХХ в., и прежде всего в советское время, когда приоритетной задачей государства было скорейшее достижение успехов по ряду направлений, эта традиция была в значительной степени разрушена, произошла специализация науки, что привело к ведомственной разобщенности образования и науки. И хотя впоследствии повышение требований к кадровому обеспечению народного хозяйства и способствовало появлению новых подходов к сотрудничеству (филиалы кафедр высших учебных заведений в научно-исследовательских институтах различных отраслей экономики и Академии наук; концепция целевой подготовки специалистов на базе соответствующих договоров вузов и предприятий), соответствующие действия не имели системного характера (18, с. 3). И в настоящее время наука и образование разобщены. Существуют два бюджетных потока – академический и вузовский. Поэтому главный вопрос создания интеграционных структур, объединения институтов и академий с вузами заключается в том, через кого пойдут деньги. Но процесс интеграции – это не механическое соединение академических институтов с вузами, а более сложный процесс (15, с. 39).

Формы интеграции науки и образования активно обсуждаются научным сообществом. В высшей школе экономики (ГУ–ВШЭ) в сотрудничестве с МГУ, РАН и Финансовой академией были подготовлены тезисы по проблеме интеграции (13, с. 6–7).

1. Интеграция науки и образования не может сводиться к интеграции материальных комплексов науки и образования. Совсем не обязательно в результате сложения должна получиться их сумма.

2. Начинать реальную интеграцию науки и образования следует, используя мягкие инструменты – финансовые. Нужно найти те зоны, где есть преподаватели, занимающиеся академической работой и имеющие возможность посвящать студентам некоторое время после занятий, и профинансировать эти зоны с тем, чтобы обеспечить воспроизводство таких академических кадров.

3. Академическим, исследовательским, преподавательским кадрам нужно дать четкую перспективу. Так, государство должно гарантировать Академии наук, получающей сейчас на финансирование фундаментальных разработок примерно 1 млрд. долл., к 2010 г. финансирование до 2 млрд. долл. Это поддержит отечественную науку и закрепит кадры.

4. Повысить внимание к университетской науке. Сейчас она получает всего 200 млн. долл., и нет соответствующей финансовой инфраструктуры. Неудивительно, что 80% преподавательского состава высшей школы России не ведут никаких научных исследований. Чтобы создать систему исследовательских университетов, нужно, по мнению специалистов из ГУ–ВШЭ, определить, сколько университетских, факультетских или кафедральных коллективов можно вывести на такой уровень финансирования, чтобы члены этих коллективов имели зарплату в 2 тыс. долл. в месяц. Лишь при таком уровне оплаты талантливые исследователи останутся работать в России.

Что касается правовой базы интеграции, то в течение нескольких месяцев велась разработка проекта федерального закона, нацеленного на поддержку интеграционных процессов в сфере науки и образования. Этот закон предусматривает различные формы интеграции науки и образования:

- сетевые проекты (договорные объединения); сюда относятся ассоциации и консорциумы («НИИ – факультет» и «отдел НИИ – кафедра»);
- частичная интеграция (структурные подразделения); здесь имеются в виду базовые кафедры и базовые лаборатории;
- полная интеграция (юридические лица) – исследовательские университеты, научно-образовательные центры (НОЦ), центры передовых исследований.

По расчетам Российского общественного совета по развитию образования (РОСРО) минимальная потребность финансирования интеграционных проектов достигает 1,5 млрд. руб. в год, что составляет примерно

3% от годового объема бюджетных расходов на науку. Даже эта скромная цифра позволяет отобрать достаточное количество (20–25) крупных и эффективных интеграционных проектов по созданию НОЦ и 200–250 проектов типа «отдел НИИ – кафедра» (2, с. 16).

Развитие вузовской науки и крупных НОЦ должно стать приоритетной задачей ближайших лет. Именно качество приходящих в академические и отраслевые научные организации новых поколений специалистов определяет уровень последующих научных достижений и их возможный прикладной потенциал. Интеграция науки и образования способствует активному участию преподавателей вуза в исследовательской работе и, кроме того, позволяет создать профессионально-образовательные программы и предоставить лабораторное оборудование, отвечающие современному состоянию науки. При этом появляется возможность участия обучающихся в выполнении исследований по актуальной тематике, в процессе воспроизведения и развитии крупных научно-педагогических школ. Таким образом, будущие исследователи уже на ранних стадиях подготовки знакомятся с различными аспектами организации научного творчества, что поможет им решать большие комплексные задачи.

В современных российских условиях решение задачи интеграции науки и образования означает налаживание эффективного и устойчивого взаимодействия университетов с институтами РАН, с отраслевыми исследовательскими центрами, а также с предприятиями, выпускающими научноемкую и высокотехнологичную продукцию.

Достижение поставленных целей возможно путем **административного объединения** (присоединение, слияние) исследовательских институтов и университетов. Например, можно поставить вопрос о присоединении институтов РАН к университетам или о создании университетов в системе РАН. В обоих случаях в начале реализации проекта может произойти разрушение существующей структуры высшего образования и науки с неизбежными потерями. Поэтому реализацию такого административного механизма интеграции целесообразно начать с нескольких пилотных проектов.

Помимо этого, нужно использовать уже накопленный опыт **функциональной интеграции** деятельности университетов и исследовательских структур (институтов, центров, предприятий), сформировавшиеся в стране традиции учебно-научного сотрудничества. Развитию таких механизмов и традиций способствовала федеральная целевая программа «Го-

сударственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы» (18, с. 8).

В ряде классических российских университетов для решения крупных комплексных проблем созданы научно-исследовательские институты, входящие в состав соответствующего по профилю факультета либо подчиняющиеся непосредственно руководству вуза. Кафедры вуза и отделы или лаборатории являются основной формой становления и развития научно-педагогических школ, определяющих учебно-научный потенциал университета. Многие российские классические университеты имеют значительный положительный опыт организации подготовки кадров на базе научных исследований. В частности, это относится к Нижегородскому государственному университету им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), в котором в течение многих лет интеграция науки и образования является основой подготовки ученых по широкому спектру естественно-научных специальностей. В данном случае уже можно говорить о территориальном учебно-научном и инновационном комплексе университета, включающем многие учебно-научные центры (УНЦ), возникшие из развития схемы «кафедра – лаборатория» и их взаимодействия с партнерами, не входящими в УНЦ (институты РАН, предприятия научноемких отраслей) (17, с. 21–26).

Важно, что все эти процессы не ведут к «размыванию» «идеи университета». Будучи широко и многосторонне интегрированным, университет остается самим собой и решает свои традиционные задачи. Новыми являются форма его взаимодействия с другими центрами исследований, отвечающая современным реалиям, пути преодоления традиционных для университета внутренних границ между факультетами, институтами, а также предпринимательский подход к деятельности вуза.

Примером успешной интеграции образования и науки можно считать и опыт Кемеровского государственного университета (КемГУ) – одного из крупнейших вузов Сибири, сочетающий фундаментальное образование в лучших российских традициях с современными методиками и технологиями обучения. Помимо 12 факультетов и 72 кафедр, университетский комплекс включает Институт дистанционного образования, Региональный центр непрерывного образования, факультет довузовской подготовки, Межрегиональный центр повышения квалификации, аспирантуру, докторантуру, Научно-исследовательский институт, Региональный центр новых информационных технологий, интернет-центр. Имеется также учебно-научный центр «Валеология», Учебно-научный центр физико-химических проблем современного материаловедения, филиал

ИХТТИМ СО РАН (в составе Научного центра СО РАН) и ряд других подразделений. КемГУ является также структурообразующим элементом научно-образовательного комплекса – перспективной формы интеграции различных типов и видов научных и образовательных учреждений области (21, с. 3).

Примером плодотворного союза науки и образования является насчитывающий несколько десятилетий опыт МФТИ и МИФИ. Это был революционный прорыв в образовании, когда сразу после войны нужно было готовить кадры для создания и использования новой техники. На базе МФТИ, МИФИ и МГУ и совместно с Институтом теоретической и экспериментальной физики успешно работает НОЦ. Там учатся более 130 студентов, часть из них – с первого курса. Такое раннее погружение в научную атмосферу способствует быстрому росту молодых ученых. К тому же молодежь интегрируется в равноправное международное сотрудничество. Если по количеству студентов Центр не может сравниться с ведущими университетами, то по качеству может: сюда поступают около половины победителей физико-математических олимпиад страны (6, с. 24).

Есть примеры успешного союза образования и науки и в гуманитарной области. К их числу относится деятельность Института всеобщей истории РАН.

Несмотря на имеющиеся положительные примеры и опыт, интеграция науки и образования остается пока нерешенной проблемой.

С учетом этого РОСРО рекомендует:

1. В целях создания условий для эффективного использования научного и образовательного потенциала страны и его устойчивого воспроизведения проведение необходимых реформ должно быть подкреплено соответствующими ресурсами. Обеспечение конкурентоспособности российской науки и образования потребует достижения к 2010 г. удельного финансирования, сопоставимого хотя бы со средними параметрами по развитым странам: в сфере высшего образования (в расчете на одного студента) – до 2,3 тыс. долл. США (против 0,7 тыс. долл. в 2004 г.), в науке (в расчете на одного исследователя) – до 72 тыс. долл. (в 2004 г. – 28,9 тыс. долл.). Соответственно, объем расходов федерального бюджета на науку к 2010 г. должен быть доведен как минимум до 215 млрд. руб. (проект на 2005 г. – 56,0 млрд. руб.), в том числе в РАН – до 54 млрд. руб. (проект на 2005 г. – 22,1 млрд. руб.), в вузах – до 36 млрд. руб. (проект на 2005 г. – 3,1 млрд. руб.) (9, с. 46–47). Это позволит создать перспективу

для развития фундаментальных исследований и исследовательских университетов.

2. Интеграция науки и образования не должна сводиться к административным решениям по слиянию вузов и НИИ и смене вывесок, а обеспечивать прежде всего формирование устойчивых взаимосвязей между научной и образовательной деятельностью на основе сетевых проектов, объединяющих научных и преподавателей. Для финансирования сетевых интеграционных проектов, позволяющих получить устойчивый системный эффект, потребуется выделение из федерального бюджета порядка 1,2–1,5 млрд. руб. ежегодно, что позволит реализовать 20–25 высококлассных проектов на уровне «НИИ – факультет вуза» и примерно 200–250 проектов на уровне «отдел НИИ – кафедра вуза» (9, с. 47). Кроме того, кооперация между вузами и научными организациями должна стать одним из основных условий для конкурсного отбора исследовательских проектов.

3. В качестве первоочередных мер государственной поддержки интеграционных процессов в сфере науки и образования следует обеспечить:

- создание правовой базы, дающей возможность формирования и эффективного функционирования различных форм интеграции науки и образования (НОЦ, базовых кафедр и лабораторий и др.), устранение существующих административных и правовых барьеров;
- продолжение приоритетной поддержки ведущих исследовательских университетов как крупнейших научно-образовательных организаций со стороны государства на базе повышенных нормативов финансирования;
- целевое финансирование на конкурсной основе среднесрочных (на 3–5 лет) программ развития научно-образовательных структур, обеспечивающих развитие академических исследований, материальной, приборной и информационной базы, повышение квалификации и мобильность ученых и преподавателей, в виде институциональных грантов с созданием необходимой для этого правовой основы;
- развитие кадрового потенциала, включая: предоставление молодым ученым и преподавателям крупных грантов и льготных ипотечных кредитов для проведения исследований, приобретения научного оборудования, подготовки и реализации инновационных образовательных программ; обеспечение материальных стимулов и социальных гарантий для штатных сотрудников научных подразделений вузов; формирование специальной программы поддержки исследовательских коллективов с привлечением молодых ученых, преподавателей, аспирантов; реструктуриза-

цию сети аспирантур и докторантур, их концентрацию в ведущих университетах и НИИ; реализацию схем мобильности кадров между НИИ, вузами, предприятиями.

4. Введение новых инструментов бюджетного финансирования для поддержки интеграционных процессов в сфере науки и образования должно осуществляться в увязке с комплексом мер по повышению эффективности использования бюджетных средств в области науки.

5. Создание нормативно-правовой базы, позволяющей использовать материальные объекты собственности, накопившиеся в системе образования и науки, для развития альтернативной формы финансирования учебных и научных учреждений – эндаументов, что позволит коллективам ведущих университетов и академических НИИ вести долгосрочную академическую политику, заботиться о своем воспроизводстве.

6. Предусмотреть передачу научно-образовательным структурам зданий, оборудования и другого имущества, высвобождаемого в процессе реструктуризации государственных научных учреждений; создание центров коллективного пользования научным оборудованием, совместных центров научно-технической информации, опытно-экспериментальных баз и т.п.; формирование единой инновационной инфраструктуры на базе вузов и НИИ, поддержку создания малых стартовых инновационных фирм; реализацию образовательных программ в области инновационного менеджмента (9, с. 45–49).

Развитие интеграционных процессов сдерживается многочисленными правовыми и административными барьерами, связанными с недостаточной проработанностью и несогласованностью ряда законодательных актов, устранение которых должно стать первым шагом в поддержке интеграции науки и образования со стороны государства.

Для создания адекватной нормативной правовой базы, обеспечивающей интеграцию науки и образования, и устранения существующих в этой области неоправданных запретов и ограничений подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”», Закон Российской Федерации «Об образовании», Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Основные положения законопроекта сводятся к следующему.

1. Изменения и дополнения, направленные на стимулирование науки и образования как видов деятельности.

2. Изменения и дополнения, направленные на введение в законодательство общих положений о необходимости и формах интеграции науки и образования.

3. Дополнения, направленные на обеспечение возможности создания и функционирования «базовых кафедр» вузов и «базовых лабораторий» организаций, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

4. Изменения, связанные с введением в законодательство дополнительных требований к университетам, направленных на повышение их роли в интеграции науки и образования.

5. Дополнения, направленные на предоставление образовательным и научным учреждениям возможности использовать закрепленное за ними имущество в целях образовательной или научной деятельности.

Формирование целостного, непротиворечивого законодательства, регламентирующего отношения, связанные с интеграцией научных и образовательных структур, и создающего правовые условия для такой интеграции, будет способствовать повышению эффективности их функционирования в интересах вклада науки и образования в экономический рост и благосостояние общества.

Список литературы

1. Герасимова Е. Иллюзия качества. – Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2005-06-10/8_illusion.html
2. Гохберг Л.М. Интеграция науки и образования // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 8–21.
3. Гохберг Л.М., Гутников О.В. Правовое регулирование интеграции научной и образовательной деятельности // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 49–55.
4. Гохберг Л., Кузнецова И. Вузовская наука. Перспектива развития // Высшее образование в России. – М., 2004. – № 4. – С. 107–120.
5. Гохберг Л.М., Кузнецова Н.В. Состояние вузовской науки // Вестн. Рос. обществ. совета по развитию образования. – М., 2004. – № 9. – С. 17.
6. Данилов М.В. Поддерживать реально действующие точки роста // Вестн. Рос. обществ. совета по развитию образования. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 23–25.
7. Дежина И., Егерев С. Концепция послевузовского образования нового типа // Высшее образование в России. – М., 2004. – № 4. – С. 130–141.

8. Дерябин Ю.С. Шведская модель в действии: инновационный подход к подготовке кадров и научным исследованиям вузах // Высшее образование сегодня. – М., 2004. – № 5. – С. 34–40.
9. Интеграция образования и науки: перспективы и неотложные меры (проект) // Вестн. Рос. обществ. совета по развитию образования. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 45–49.
10. Капица С.П. Не хватает времени на приход в равновесие // Вестн. Рос. обществ. совета по развитию образования. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 27–30.
11. Кемеровскому государственному университету 50 лет // Высшее образование сегодня. – М., 2004. – № 10. – С. 2–5.
12. 10–12–2004 Российский общественный совет по развитию образования (РОСРО) совместно с Союзом ректоров России выработал целый ряд рекомендаций, направленных на интеграцию науки и образования. – Режим доступа: <http://www.peo.ru/navigator/?articleId=471&print=1>
13. Кузьминов Я.И. Вступительное слово. По материалам заседания РОСРО 22 октября 2004 г. // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 5–8.
14. Путин В.В. Развитие вузовской науки и крупных научно-образовательных центров должно стать приоритетной задачей // Высшее образование сегодня. – М., 2004. – № 6. – С. 2–3.
15. Салтыков Б.Г. Интеграция – это органическое соединение лучших исследовательских коллективов // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 38–40.
16. Скрябин К.Г. «Фабрика звезд» для биотехнологий // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 25–27.
17. Стронгин Р.Г., Грудзинский А.О. Миссия Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского // Высшее образование в России. – М., 2004. – № 3. – С. 21–26.
18. Стронгин Р., Максимов Г. Опыт интеграции образования и науки // Высшее образование в России. – М., 2005. – № 1. – С. 3–11.
19. Троян В.Н. Наука не может быть первого или второго сорта // Вестн. Рос. обществ. совета по российскому образованию. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 30–33.
20. Хохлов А.Д., Стронгин Н.Г., Максимов Г.А. Учебно-научные центры Нижегородского университета и институтов РАН. Состояние и перспективы развития. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (21–24 сентября 1998 г.). – Самара, 1998. – С. 178–180.